

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Факультет государственного управления

ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

Учебное пособие по курсу
«История и философия науки»
для аспирантов и соискателей ученой степени
кандидата наук

В 4-х книгах

Книга 4

**ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ
ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ПРАВА
ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ**

Издательство
Московского университета
2010

УДК 001(091); 1:3; 001.8:3
ББК 73.2; 87
И 90

*Рекомендовано к печати Редакционно-издательским советом
факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова*

Ответственный за выпуск профессор *Д.С. Клементьев*

Научная редакция и составление:

доктор философских наук, профессор *В.Г. Борзенков*,
доктор философских наук, профессор *Д.С. Клементьев*
Научно-вспомогательная работа проведена *Давыдовым В.М.*

Рецензенты:

зав.кафедрой философии науки философского
факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,
доктор философских наук, профессор *В.Г. Кузнецов*,
доктор философских наук, профессор *А.Т. Зуб*

История и философия науки: Учебное пособие. — В 4-х
книгах. Книга 4: История и философия экономической
науки/Л.А. Тугов, М.А. Сажина; История и философия
права/Г.А. Белов; История и философия исторической
науки/Л.Б. Логунова, Л.И. Семенникова, А.В. Сидоров. —
М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. — 272 с.

ISBN 978-5-211-05605-3 (Кн.4) ISBN 978-5-211-05593-3

Пособие написано по материалам лекций по курсу «История и философия науки», ежегодно читаемых профессорами факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова для аспирантов и соискателей ученых степеней кандидата наук, обучающихся на факультете. В ней впервые в отечественной литературе в развернутой форме представлены история развития наук об управлении и все основные идеи и концепции философии государственного управления XX века; проанализированы также основные вехи в развитии философских оснований центральных парадигм современной социологии, экономической науки, политики, права, исторической науки.

Работа будет полезна всем аспирантам и соискателям гуманитарного и социально-экономического профиля при их подготовке к сдаче кандидатского экзамена по истории и философии науки, а также всем интересующимся современным состоянием фундаментальных исследований в области концептуальных и философских оснований социальных и гуманитарных наук.

**УДК 001(091); 1:3; 001.8:3
ББК 73.2; 87**

ISBN 978-5-211-05605-3 (Кн.4)
ISBN 978-5-211-05593-3

© Издательство Московского
университета, 2010

Оглавление

ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Часть 1

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

(Л.А. Тутов)

Глава 1. Философия и методология экономики	6
Глава 2. Проблема рациональности в экономической теории	15
Глава 3. Методологический индивидуализм	21
Глава 4. Методология и эпистемология	23
Глава 5. Онтологические основания экономической теории	32
Глава 6. Антропологический аспект в экономике	37
Литература	44

Часть 2

ИСТОРИЯ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

(М.А. Сажина)

Глава 1. Классическая теория–идеология свободного рынка	48
Глава 2. Теория рыночной экономики неоклассической школы	65
Глава 3. Кейнсианская теория экономической политики государства	75
Глава 4. Монетаризм	92
Глава 5. Институционализм	98
Глава 6. Современный социал-демократизм	112
Литература	126

ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

(Г.А. Белов)

Глава 1. История права	127
1.1. Возникновение и исторические типы права	127
1.2. Сословный принцип правового регулирования	131
1.3. Право модернизированного общества	135

Глава 2. Особенности и этапы развития философии права	140
2.1. Характерные черты правовых идей	146
2.2. Христианская философия права	155
2.3. Философия права модернизированного и техногенного общества	168
2.4. Идеиные традиции правопонимания	178
<i>Литература</i>	190

ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Глава 1. Философия истории и историческая наука (Л.Б. Логунова)	192
Глава 2. История российской исторической науки (XI – начало XXI в.) (Л.И. Семенникова, А.В. Сидоров)	222
2.1. Исторические знания в XI–XVII вв.	222
2.2. Становление русской исторической науки в XVIII столетии	227
2.3. Русская историческая наука XIX в.	232
2.4. Историческая наука России на рубеже XIX–XX вв.	239
2.5. Становление и развитие советской историографии	242
2.6. Историческая мысль российской эмиграции	253
2.7. Отечественная историография в конце XX – начале XXI в.	256
<i>Литература</i>	266

История и философия экономической науки

Часть I

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

(Профессор Л.А. Тутов)

В курсе выделены основные идеи, наиболее важные направления, этапы, тенденции и перспективы развития экономического знания. Что касается философии экономики, то в этой части курса, несмотря на интересные публикации в отечественной литературе (О.И. Ананьин, Ю.М. Осипов, А.И. Самсин и др.) за последние два десятилетия, нет предметной определенности, и предстоит серьезная работа по установлению междисциплинарных связей и выявлению, собственно, предмета исследования. Если ориентироваться на программу по истории и философии науки, одобренную Министерством образования и науки РФ, то в рамках дисциплины «История и философия экономической науки» кроме историко-экономического раздела должны изучаться следующие проблемы (по аналогии с другими дисциплинами, поскольку специального раздела, посвященного истории и философии экономики, в программе нет): место экономической науки в системе наук; общие проблемы связи экономической теории с философией, социологией, идеологией, мировоззрением; онтологические проблемы экономической теории, в том числе пространство и время в экономике; проблемы детерминизма; методология экономической теории; системный подход; проблема объективности, оценки, истинности экономических знаний; проблема рациональности; проблема возможностей и границ применения математики в экономической науке; особенности функционирования и тенденции развития экономической науки как сложного общественного института; человек в экономике; этические аспекты экономической теории.

Глава I

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ЭКОНОМИКИ

На пути философского осмысления экономической теории необходимо преодолеть ряд заблуждений. Первое из них связано с отождествлением философского и методологического аспектов. Между тем философский взгляд на экономическую науку – более широкий и предполагает наряду с методологическим аспектом выделение онтологического, эпистемологического, антропологического аспектов. Кроме того, экономическая наука владеет собственной методологией, лишь опосредованным образом связанной с философской методологией. Тем не менее методологический аспект один из важнейших при раскрытии обозначенной темы исследования, поэтому остановимся на нем подробнее.

Рассмотрение экономической науки сквозь призму методологии предполагает, с одной стороны, выявление методов анализа существующего экономического знания, а с другой стороны – изучение методов получения нового знания и, соответственно может рассматриваться как способ изложения знания. Более того, для известного методолога М. Блауга: «Цель изучения экономической методологии заключается в том, чтобы выявить правила и положения, которые мы постоянно используем для защиты собственных теорий и критики теорий оппонентов» (3, 53). При этом речь идет не о методах и технике экономических исследований, а о методологии в непосредственном смысле слова: об изучении принципов, регулярно применяемых при формулировке и обосновании экономических теорий.

Под методом, в широком смысле слова, понимается систематическая процедура, состоящая из последовательности определенных операций, применение которых либо приводит к достижению поставленной цели, либо приближает к ней. Однако определения метода как некоторой систематической процедуры, состоящей из последовательности повторяющихся операций, недостаточно. Сложные проблемы науки плохо поддаются алгоритмизации, их реше-

ние нельзя свести к применению каких-либо готовых правил и рецептов. Необходимо использование эвристических или поисковых методов, которые связаны с выдвижением научных гипотез, поиском законов, построением и проверкой теории на основе применения определенных способов, приемов и норм исследования.

Итак, предметом методологии экономической науки является, во-первых, изучение принципов, используемых при построении и обосновании различных систем экономического знания; во-вторых, совокупность методов, средств и приемов, с помощью которых приобретает новое знание; в-третьих, набор методов анализа имеющегося экономического знания, его структуры, места и роли в ней разных форм познания. Такое определение позволяет различать в экономической методологии динамический и статический аспекты анализа. Если динамический аспект рассмотрения связан с анализом проблем зарождения и развития экономического знания, то статический – с изучением и анализом результатов полученного знания, его форм и структур. Кроме того, представленная формулировка раскрывает содержательное пересечение методологического и эпистемологического аспектов.

Изучая принципы, используемые при построении и обосновании различных систем экономического знания, можно обнаружить противостояние двух основных подходов: рационализма и эмпиризма. Рационализм предлагает в качестве основного источника знания разум, а эмпиризм – чувственный опыт. Соответственно рациональность знания означает его разумность и характеризует знание с точки зрения соответствия наиболее общим принципам мышления, (разума). С позиции эмпиризма, факты и только факты являются основой утверждений по поводу истинности или ложности знания.

В Новое время рационалистическая установка была представлена прежде всего классической политической экономией, согласно которой экономика, как и мир в целом, устроены разумно, и человек способен познать их законы. У родоначальников экономической теории рационализм не ограничивался построением только мыслительных конструкций на основе всеобщих и необходимых принципов, но и предполагал использование эмпирических методов, прежде всего эксперимента. Такой подход был обусловлен тем, что классики заимствовали свой метод из естествознания (А. Смит

из физики, Ф. Кенэ из анатомии). Но при построении теоретических моделей возникало затруднение, которое было вызвано несогласованностью основных теоретических положений и фактическим их подтверждением вследствие слабой эмпирической базы экономической теории того времени. Преодолеть ограничения такой формы рационализма можно было несколькими путями, что и было сделано различными мыслителями.

Первый путь предполагал абсолютизацию логического метода и фактически означал отказ от эмпирических источников знания. Приоритет получил логический метод, а важнейшим достижением классической школы стало формирование системы базовых категорий политической экономии, выражавших структуру и функции экономической системы. Д. Рикардо был первым, кто предложил идеальный объект – систему «чистой экономической теории», принципиально свободной от эмпирико-рассудочного знания. Благодаря этой системе категорий можно формулировать законы политической экономии, строить прогнозы о перспективах общественного развития, оценивать факты и тенденции хозяйственной жизни.

Второй путь в разрешении проблемы противостояния рационализма и эмпиризма предложил Дж.Ст. Милль, разграничив науку и искусство политической экономии. Милль утверждал, что эмпирические законы подлежат объяснению «конечными причинами». Для политической экономии таковыми являются законы человеческой природы. Но даже знание таких причин он признавал недостаточным для решения практических проблем. Наряду с наукой как собранием истин Дж.Ст. Милль выделял еще и искусство как набор правил поведения.

Такой подход предполагал критику рикардианского варианта политической экономии, поскольку ее единственно возможным методом стала абстрактная спекуляция, а наилучшим результатом – абстрактная истина. Абстрактность политической экономии как науки проистекала из того, что в сферу своего анализа она вовлекала только главные причины хозяйственного поведения людей, абстрагируясь от прочих, второстепенных на ее взгляд, причин. Соответственно законы политической экономии Дж.Ст. Милль определял как законы-тенденции.

Что касается искусства политической экономии, то в этой области Дж. Ст. Милль считал подобное абстрагирование невозможным, поскольку речь идет о применении принципов политической экономии в каждом конкретном случае, и необходимо принимать во внимание все индивидуальные обстоятельства.

Третий путь – абсолютизацию роли эмпирических источников знания – выбрала историческая школа (Б. Гильденбранд, К. Книс, Г. Шмоллер), отрицавшая наличие универсальных, не зависящих от геоклиматических и социокультурных условий, экономических законов. Экономическая наука была переосмыслена как последовательно эмпирическая, преимущественно описательная отрасль знания, связанная со сбором фактов, изучением конкретного опыта экономической политики в его историко-культурном разнообразии, выявлением исторических аналогий и эмпирических зависимостей. Идеи исторической школы способствовали специализации экономической науки и позволили, например, выделиться экономической истории в отдельную научную дисциплину. В то же время описательная установка исторической школы противоречила общепринятым стандартам научности и делала ее открытой для критики.

Так и произошло в последней трети XIX в., когда с критикой исторической школы выступил маржинализм, который восстановил в правах рационализм и провозгласил универсальность экономико-теоретического знания. Представители маржинализма (К. Менгер, У. Джевонс и др.) защищали положение об универсальности природы человека и соответственно принципов экономического действия. Данные принципы – максимизация выгоды и минимизация издержек – считались самоочевидными и не требовали сложных эмпирических подтверждений. Человеку было достаточно собственного опыта. Перед экономической теорией ставилась задача, сообразуясь с законами логики, вывести из этих принципов универсальные законы экономического поведения и взаимодействия. Итог такого подхода – экономическая наука стала превращаться в науку об экономическом поведении в ситуации выбора оптимальных решений об использовании ограниченных ресурсов.

У другого представителя маржинализма – Л. Вальраса – рационалистический подход, реализованный Д. Рикардо, просматривается более отчетливо. Так, Л. Вальрас настаивал на сходстве поли-

тической экономии с физико-математической наукой, подчеркивая, что математические науки на основе аксиом строят конструкции своих теорем, затем их доказывают и только потом обращаются к опыту, но не для того, чтобы подтвердить исходные положения, а чтобы применить свои выводы.

Конец XIX в. был отмечен «спором о методе», главными действующими лицами в котором выступили глава австрийской школы и лидер маржинализма К. Менгер и лидер новой исторической школы Г. Шмоллер. «Спор о методе» был спровоцирован исторической школой и направлен против такой экономической теории, когда логика научных абстракций воспринималась как логика самой экономической жизни. Данный подход получил название «рикардианского порока». Со своей стороны, историческая школа предложила сузить предметные рамки политической экономии до описания и толкования фактов. Так, Г. Шмоллер провозгласил приоритет исторического, индуктивного метода и, обосновывая нормативный характер экономической науки, утверждал необходимость учета этической составляющей. Однако отказ представителей исторической школы от признания универсальной природы экономического знания привел к массовому производству нестроного в теоретическом плане описательного знания, которое для практики оказалось не более полезным, чем абстрактные теории.

В свою очередь глава маржинализма К. Менгер утверждал, что экономическая наука – это сущностное знание, которое невозможно исследовать с помощью эмпирических методов, исключающих возможность достижения строгих (точных) теоретических познаний. Таким образом К. Менгер, так же как Л. Вальрас, продолжил традиции Рикардо в отстаивании логического, дедуктивного метода и позитивного, т.е. свободного от ценностных суждений, характера экономического знания.

Вклад в разрешение «спора о методе» внес и лидер неоклассического направления экономической теории А. Маршалл, придерживавшийся позитивистских установок прежде всего в области методологии экономической науки. А. Маршалл осознавал, что никакие два экономических события не являются полностью тождественными, поэтому обобщающие знания в сфере экономической теории не имеют значительных познавательных перспектив.

Выход из такой ситуации А. Маршалл видел в том, чтобы снизить уровень притязания экономического знания и лишить экономическую теорию онтологического аспекта, рассматривая ее не как совокупность конкретных истин и знание об объекте, а лишь как способ получения знания, инструмент познания. При этом речь идет не о чисто логических методах, а обо всем богатстве конкретно-научных методов. Неслучайно А. Маршалл сравнивал экономическую науку с фабричной машиной. Таким образом А. Маршалл разделил экономическую науку на фундаментальную и прикладную, связав первую с разработкой аналитического инструментария. Однако в рамках такого деления не нашлось места для фундаментальных исследований другого типа, направленных на формирование общей онтологической картины экономики, на сущностное осмысление новых явлений и фактов. А. Маршалл считал данные исследования метафизическими, а значит, не внушающими доверия. Позднее инструментальный подход А. Маршалла к трактовке природы экономической теории привел к тому, что она стала рассматриваться как «ящик с инструментами» (Дж. Робинсон).

Позитивистскую линию А. Маршалла продолжил Дж.М. Кейнс, который называл экономическую теорию «ветвью логики», лишая ее онтологического статуса. Он рассматривал экономику как науку мышления в сочетании с искусством выбирать экономические модели, применимые в современном мире. Цель такого подхода состоит в том, чтобы отделить неизменные факторы от временных или постоянно меняющихся, чтобы разработать логический способ размышления о последних и понимать процессы, которые они порождают в конкретных случаях.

Такой подход неслучаен, поскольку начиная с конца первой половины XX в. экономическую науку проникают методологические установки, основанные на идеях неопозитивизма, а затем постпозитивизма и постмодернизма. В рамках экономической теории нашла отражение проблема демаркации научного и ненаучного знания. Так, научным стало признаваться только верифицируемое, т.е. эмпирически проверяемое знание, а к теоретическому знанию стали относиться инструментально, т.е. как к средству получения новых эмпирических обобщений. Желая скрыть разрыв между эмпирическим и теоретическим знанием и обеспечить достоверность

экономического знания, представители неопозитивизма предложили три самостоятельных критерия научности: для «чистой теории» – логическую строгость; для эмпирического знания – опытную проверяемость; для конкретной научной дисциплины – наличие четких правил «перевода» с языка теории на язык наблюдения, и наоборот. Выполнение последнего условия являлось наиболее строгим для экономической науки. В результате наличия разных критериев научности для разных видов знания разрыв между теоретическим и эмпирическим знанием только усилился.

Итак, в экономической теории на протяжении уже нескольких веков сохраняются две противоположные позиции. Первая позиция – «чистая теория», опирающаяся на рационализм в его различных проявлениях. Вторая позиция – прагматический подход в сфере экономической науки, а также эконометрика – область исследований, в наибольшей степени отвечающая методологическим стандартам эмпиризма.

Однако в целом для экономической теории всегда были характерны умеренно рационалистические установки, восходящие к методологии Дж. Ст. Милля, который, не отрицая роли абстрактного метода в познании, тем не менее считал, что исходные теоретические постулаты сводятся к элементарным обобщениям опыта.

Рационалистические установки Л. Вальраса способствовали переходу экономической теории к методологическим стандартам формализованного знания на основе использования языка математики. Главным средством анализа стало построение математических моделей, а главным критерием их научности – логическая строгость выводов. Примером формализованного подхода стала книга П. Самуэльсона «Основания экономического анализа», в которой в качестве основного методологического принципа провозглашено выведение операционально значимых теорем. При этом под операциональностью понимается эмпирическая проверяемость или хотя бы возможность проверяемости. Такой подход – хорошая иллюстрация позитивистского понимания взаимоотношений теории и эмпирии.

Следует отметить, что движение экономической теории в сторону формализации усиливалось процессами в самой математике. Так, если для Л. Вальраса его математическая модель общего равновесия была выражением сущностных черт рыночной экономики, то к середине

XX в. теория общего равновесия переосмысливается и представляется как чисто формальная математическая конструкция, теоретические достоинства которой не зависят от ее возможных эмпирических интерпретаций. Эта особенность стала распространяться и на другие разделы экономической теории, что еще больше усилило разрыв «чистой теории» и действительности и дало основания для интерпретации экономики в качестве отрасли прикладной математики.

В то же время в рамках неоклассической экономической теории действовала инструменталистская тенденция, ограничивающая самостоятельное значение теоретических моделей. Теории практически уравнивались с рабочими гипотезами и считались ценными лишь постольку, поскольку они содействовали получению тех или иных эмпирических результатов. Такой подход сформулировал М. Фридмен в работе «Методология позитивной экономической науки» (10), провозгласившей, что качество теоретических моделей не зависит от реалистичности предпосылок, положенных в ее основу, и всецело определяется способностью теории давать достаточно точные предвидения.

Внимание М. Фридмена к проблемам методологии привлекла дискуссия вокруг принципа максимизации прибыли как стандартной предпосылки микроэкономической теории. Благодаря проведенным эмпирическим исследованиям были получены результаты, которые показали, что реальное поведение субъектов и процессы рыночной экономики существенно отличаются от того, как их представляют себе экономисты, что поставило вопрос о теоретической и практической ценности неоклассической экономической теории. М. Фридмен выступил в качестве защитника неоклассики, заявив, что требование реалистичности предпосылок теории в реальности невыполнимо, так как никакая теория не может претендовать на полное описание действительности. К тому же научная гипотеза должна быть экономной в средствах. М. Фридмен сделал вывод о том, что чем более важной является теория, тем более нереалистичны ее предпосылки. Такой подход объясняет существование парадоксов М. Фридмена, основанных на интуиции и страдающих нечеткостью формулировок и логическими подменами.

Методологические разногласия между П. Самуэльсоном и М. Фридменом внесли свой вклад в противостояние рационализма и эмпиризма и оказали влияние на всю мировую экономическую науку второй

половины XX в. Стали возникать частные теоретические модели и на смену теории общего экономического равновесия пришли исследования экономического поведения в различных условиях, в том числе информационных и институциональных. Основная цель таких теорий – выявление взаимосвязей и закономерностей в экономических явлениях, справедливых при прочих равных условиях. Сформировалась позиция, согласно которой приобретенные знания фрагментарны по своей природе и применимы постольку, поскольку реальные условия соответствуют условиям и предпосылкам, для которых эти результаты получены. Очевидно, что применимость таких знаний обусловлена достаточно редкими и уникальными обстоятельствами. Поэтому значимость теоретических обобщений мало отличается от значимости простого описания исторического опыта.

Существование разнонаправленных тенденций в экономической теории привело к своеобразному переворачиванию отношений между фундаментальной и прикладной наукой. Так, многие идеи и методы, определившие направление развития экономической науки во второй половине XX в. и получившие мировое признание, в том числе в виде нобелевских премий по экономике, были разработаны в междисциплинарных прикладных проектах под руководством людей, не являвшихся изначально экономистами по профессии. Речь идет о Г. Саймоне или Д. Нэше. Решение прикладных задач способствовало развитию методологического инструментария, который стал основой новых направлений экономической теории.

Глава 2

ПРОБЛЕМА РАЦИОНАЛЬНОСТИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Рационализм в экономической науке раскрывает свое содержание не только в полемике с эмпиризмом, но и через вопрос о специфике понятия «рациональность» в экономической сфере и соотношении различных типов рациональности.

В широком смысле «рациональность» является синонимом «разумного», т.е. основанного на разуме мировоззрения и познания, в отличие от мифологического, художественного и иного восприятия мира. В научной сфере рациональность трактуется как совокупность норм, правил, стандартов, эталонов, необходимых для достижения определенных целей. Любая деятельность оценивается с позиции норм рациональности. При таком подходе должны быть рациональны и цель (если эта цель предметна, не является артефактом), и средства.

Среди экономистов, философов, социологов сформировался широкий спектр подходов к пониманию рациональности. Так, у М. Вебера, оказавшего значительное влияние на методологию современной экономической теории, рациональность есть точный расчет адекватных средств для данной цели. Одним из характерных проявлений рационализации поведения человека у М. Вебера служит замена внутренней мотивации и приверженности традициям планомерным приспособлением людей к соображениям интереса и выгоды. Аффективные и эмоционально-психологические действия уступают место целерациональным. Индивид заключает сделку, учитывая издержки и возможные последствия своего шага.

По Л. Витгенштейну, рациональность – это равноправие. У С. Тулмина рациональность – это атрибут человеческих действий или инициатив, в которых временно пересекаются отдельные наборы понятий, в особенности тех процедур, благодаря которым понятия, суждения и формальные системы, широко распространенные в этих инициативах, критикуются и сменяются. Такая рациональность предпола-

гает логическую обоснованность принципов деятельности и ее следует отличать от более узкой трактовки рациональности как оптимизирующего поведения, используемой в современной экономической теории, которая определяет рациональность человека в том смысле, что выбор, им осуществляемый, приводит к результату, который с точки зрения данного человека в наибольшей степени соответствует его ожиданиям.

В самой экономической теории понятие «рациональность» может использоваться в разных смыслах. Сошлемся на Р. Швери: «Существует огромное множество ее классификаций – от инструментальной и субстантивной (*instrumental and substantive*) (А. Сен), процедурной и субстантивной (*procedural and substantive*) (Г. Саймон), субъективной и объективной (Р. Будон), сознательной и бессознательной рациональности (Й. Шумпетер) до рациональности в широком и узком смысле слова (Й. Эльстер)» (12, 37).

При объяснении общественных явлений и при построении и использовании моделей экономического человека важную познавательную роль играют инструментальная и функциональная рациональность.

Функционально рациональными являются действия человека, которые осознанны. Иными словами, определенный таким образом рациональный индивид должен в явном виде применять процедуру сопоставления вариантов действий, альтернатив в ситуации выбора. Функциональная рациональность основана на установке анализа, в соответствии с которым человека необходимо исследовать таким, какой он есть. Однако для этого необходимо использовать реалистичные предпосылки. В частности, по такому пути пошел Г. Саймон, сформулировавший концепцию процедурной рациональности (7, 16–38; 14). Он полагал, что уязвимым местом теории выбора, теории игр и теории статистических решений является то, что они базируются на нереалистических допущениях: во-первых, лицо, принимающее решение, обладает всезнанием, т.е. в состоянии знать все существующие и возможные альтернативы и предвидеть их будущие последствия; во-вторых, что лицо обладает неограниченной способностью к подсчету; в-третьих, в сознании человека содержится полное и последовательное предпочтительное расположение все возможных последствий. Г. Саймон категорически

отвергал такого рода допущения, заявляя, что действительная человеческая рациональность не является ни совершенно рациональной, ни иррациональной. Поэтому никакая теория не может исходить из понятия полной рациональности. Это скорее «вынужденная» рациональность, поскольку из бесконечно большого числа возможных альтернатив люди в состоянии видеть лишь немногие, как и предсказывать лишь немногие последствия, допуская ошибки. При этом уровень притязаний не является чем-то стабильным, неизменным, неэластичным. По мере того как индивид в своих поисках альтернатив обнаруживает, что находить удовлетворительные альтернативы легко, уровень его притязаний возрастает; если же он обнаруживает, что находить удовлетворительные альтернативы трудно, уровень его притязаний падает. Таким образом, вместо того чтобы настаивать на оптимальных решениях, человек обычно удовлетворяется решениями достаточно хорошими или позволяющими «кое-как перебиться». Поскольку рациональность индивида ограничена, у него не хватает ума, чтобы максимизировать свои решения, поэтому он обязан довольствоваться удовлетворительными решениями. В этом и состоит смысл существования, одной из главных функций которого является ограниченная рациональность индивидов.

Вместе с тем структура человеческой личности допускает действия, которые являются автоматическими, неосознанными. С точки зрения представленного выше определения эти действия не могут быть признаны рациональными. Однако в экономической теории также используется понятие рациональности с иным содержанием. Особенностью функциональной рациональности является также и то, что она может быть объектом объяснения через анализ факторов, влияющих на ее уровень: мотивацию, сложность ситуации выбора, частоту воспроизводства однотипной ситуации выбора, информированность (11, 64–66).

Формальная, или инструментальная, рациональность, означает максимизацию некоторой определенной заранее цели при существующих ограничениях вне зависимости от того, действительно ли рассматриваемый субъект также видит ситуацию выбора и принимает соответствующее решение или же нет. В связи с таким определением рациональности возникают два важных следствия:

– во-первых, нет необходимости рассматривать вопрос о рациональности самих целей. Для исследователя они существуют как некоторая данность. Указанный подход позволяет минимизировать значение ценностных суждений в экономической теории. Тем самым сфера дискуссионности локализуется в области исследования методов достижения существующих целей, становясь более независимой от различной политической ориентации исследователей (12, 51);

– во-вторых, абстрактное представление целевой функции дает возможность сделать инструментальную рациональность также «вмененной». Иными словами, рациональным необязательно должно быть осознанное поведение, осознанный выбор. Рациональным, в смысле максимизирующим, может быть и поведение, которое неосознанно, непроизвольно, но укладывается в логику максимизации некоторой целевой функции. Примеры объяснения рациональности, принятой в экономической теории, были рассмотрены П. Самуэльсоном в его нобелевской лекции, посвященной проблеме максимизации в экономической теории (9, 18–202). Вот почему фальсификация или верификация инструментальной рациональности бессмысленны.

Вместе с тем в экономической теории известен аргумент, который использовался в защиту предпосылки о максимизации фирмой экономической прибыли в функциональном смысле. Это – эволюционный аргумент, который построен на том положении, что фирмы, максимизирующие другие целевые функции в конкурентной среде, попросту исчезают или «вымываются» с рынка (5, 77). Отсюда следует вывод, что рациональность определяется через выживаемость, а выживаемость – через соответствие поведения требованиям среды, причем – это поведение вовсе не обязательно должно быть осознанным. В этом случае мы одновременно получаем вывод об относительности различий рациональности в функциональном и инструментальном аспектах.

Следует отметить, что сегодня произошло уточнение самого понимания рациональности и стало очевидным, что рациональность и логичность не совпадают в полном объеме, как это достаточно долго считалось в западноевропейской традиции. Действительно, законам логики могут подчиняться и содержательно ошибочные суждения. Кроме того, в самой рациональности существуют два

типа или уровня рациональности: рассудочная рациональность, основанная на нормах и правилах, и разумная рациональность, преодолевающая все нормы и правила. Само развитие современной науки опровергло каноны классической рациональности. Воззрения математизированной экономики, провозглашавшей детерминизм и абсолютную рациональность экономической жизни, – в том числе и индивидуальных экономических агентов – стали обесцениваться, когда в экономическую теорию стали проникать новейшие теории, например синергетика, утверждающая отсутствие абсолютного детерминизма во всех сферах. В свою очередь развитие экономики поставило под сомнение ценность классических воззрений. Постоянно усложняющиеся условия внешней среды приводят к тому, что классическое понимание рациональности обесценивается. И связано это с тем, что в силу постоянно ускоряющегося социального времени человек становится все более и более ограниченным в своих возможностях, а информация приобретает все большую и большую ценность, тогда как процесс ее поиска становится все дороже. Поэтому на первый план выходят новые, качественно отличные от классических, методы рациональности, которые приводят к обнаружению ранее не фиксируемых компонентов научного знания. Речь идет о дологическом или даже иррациональном знании, которое в дальнейшем может приобрести статус рационального. Так, иррациональное часто имеет форму неявных, скрытых компонентов знания, которые выражаются либо в личностном неявном знании, либо в различных формах бессознательного, оказывающих существенное влияние на познавательную деятельность мыслителя. Примером является понятие неявного знания, использовавшееся Ф. Хайеком для объяснения невозможности централизованного планирования с точки зрения механизмов использования рассеянной среди экономических агентов ценной информации. Действительно, если информация обладает экономической ценностью, и при этом в лучшем случае ограниченно передаваема, то в системе централизованного принятия решений она будет игнорироваться, что не может не сказаться отрицательно на эффективности использования ресурсов, а также обнаружении новых возможностей использования ресурсов. Отметим, что это связано с тем, что централизация информации требует времени и ресурсов, тогда

как значительная часть информации должна быть использована по схеме «здесь и сейчас». В этом случае централизованная схема использования информации (так же как система централизованного планирования) должна решать «задачу погони», что может быть связано с нерациональным (противоречащим принципам экономической эффективности) использованием ограниченных ресурсов. Другой пример – точка зрения М. Полани, для которого человек живет в мире неявного знания как в одеянии из собственной кожи. Это своего рода неизреченный интеллект. Он представлен, например, знанием о строении тела, его пространственной и временной ориентации, двигательных возможностях. Это предпосылка любого знания, обусловленная самосознанием самого субъекта.

Теория неявного личностного знания представляет научно-практическую ценность для понимания процесса принятия решений, поскольку эффективный управляющий в своей деятельности должен ориентироваться на использование неявного личностного знания. И основная проблема для принимающего решение заключается в том, чтобы эксплицировать это знание и сделать его более операциональным. Объективный статус неявного знания обусловлен тем, что оно передается в процессе обучения; может оцениваться с точки зрения эффективности; подвержено изменениям, как в процессе обучения, так и при обнаружении несоответствия со средой.

Глава 3

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНДИВИДУАЛИЗМ

Понимание рациональности в экономической теории взаимосвязано с таким широко известным принципом как «методологический индивидуализм». Данный принцип признается в качестве одного из фундаментальных в современной экономической теории.

Суть данного принципа состоит в объяснении общественных явлений на основе решений, которые принимают отдельные индивиды, хотя в более общей формулировке методологический индивидуализм может допускать объяснение общественных явлений посредством децентрализованности принятия решений. С использованием такого подхода можно сконструировать теорию взаимодействия, которая и создаст систематизированное представление о том, что такое коллективное. Иными словами, для объяснения целого необходимы определения частей и взаимодействия их друг с другом. Данный принцип продолжает традиции меризма – направления в социально-гуманитарном знании, объяснение закономерностей в котором основано на приоритете части перед целым. Указанный принцип противостоит холизму, абсолютизирующему роль целого. С позиции холизма общество есть некая подлинно объективная реальность, не исчерпываемая совокупностью входящих в ее состав индивидов и отношений между ними. Однако в этом случае сформулированная выше позиция неприемлема.

Использование методологического индивидуализма в качестве определяющего принципа есть не символ веры в работоспособность той или иной хозяйственной системы, а своеобразный символ веры в эффективность способа объяснения любой хозяйственной системы, или рабочая гипотеза, а в большинстве случаев – предпосылка исследования. Возникает вопрос: Почему только символ веры? Потому что предложенный исследовательский прием может подвергаться проверке только косвенно – через верификацию или фальсификацию тех гипотез, которые на его основе сформулированы.

Однако даже в этом случае не представляется возможным получить четкий и однозначный ответ на вопрос относительно обоснованности использования предложенного метода. Иными словами, вера в результативность данного принципа основана на признании или понимании невозможности проведения общепризнанного решающего эксперимента как общего правила в определении приоритета той или иной исследовательской программы.

Методологический индивидуализм как принцип исследования не исключает возможности объяснения общественных явлений, основанных на манипулировании сознанием, ожиданиями отдельных людей или групп людей, так как и в этом случае все равно предполагается, что решения принимают люди, хотя и на основе разных факторов. В этом смысле не только правила, но и стереотипы мышления, сопоставления альтернатив, в том числе институциональных, могут рассматриваться как результаты рационализации частного интереса вне зависимости от того, какая аргументация используется.

Глава 4

МЕТОДОЛОГИЯ И ЭПИСТЕМОЛОГИЯ

Исходные установки (рационализм или эмпиризм) и поставленные цели (практические или теоретические, фундаментальные или прикладные), принятые в той или иной экономической теории, влияют на совокупность методов, средств и приемов, с помощью которых приобретает новое знание.

Методы характеризуются определенной степенью общности, начиная от универсальных методов диалектики и логики и заканчивая специальными методами, создаваемыми для экономической теории.

Перечислим наиболее важные из них. Так, к методам эмпирического познания относятся: научное наблюдение, эксперимент, измерение, эмпирическое обобщение, естественная классификация, выдвижение эмпирических гипотез, формулировка эмпирических законов, наглядное моделирование и т.д.

Теоретическое познание в своем арсенале имеет следующие методы: идеализацию, мысленный эксперимент, математическую гипотезу, логическое доказательство, формализацию, конструирование теоретических схем и теоретическое моделирование, движение от абстрактного к конкретному, единство исторического и логического и т.д.

И эмпирический и теоретический методы основываются на таких общелогических методах, как индукция и дедукция, анализ и синтез.

Представленные методы важны не только для получения нового знания, но и при анализе уже имеющегося экономического знания, его структуры, определении места и роли в ней разных форм познания. Такие возможности методов раскрывают содержательное пересечение методологического и эпистемологического аспектов. Действительно, эпистемология делает акцент на готовом продукте научной деятельности, когда сформировалась структура экономи-

ческого знания и можно проследить собственную внутреннюю логику развития экономической теории. Заметим, что для экономического знания сложно абстрагироваться от влияния внешней социокультурной среды.

Изучение эпистемологического аспекта предполагает анализ структуры экономического знания прежде всего с точки зрения его содержания, которое определяется разнообразием научно-исследовательских программ и сложившихся на их основе научных направлений, школ, традиций.

Например, классическая экономическая теория (У. Петти, П. Буагильбер, Ф. Кенэ, А. Тюрго, А. Смит, Д. Рикардо); марксизм как направление классической политэкономии; историческая школа (Ф. Лист, В. Рошер, Б. Гильденбранд, К. Книс, Г. Шмоллер); неоклассическая школа (У. Джевонс, Ф. Эджуорт, А. Маршалл, А. Пигу, К. Менгер, Ф. Визер, Е. Бем-Баверк, Л. Вальрас, Дж. Кларк, К. Виксель) или неинституциональная теория, базирующаяся на неоклассической теории (Р. Коуз, Д. Норт, К. Менар), и т.д.

В основе каждой научно-исследовательской программы лежит ее ядро: набор базовых установок, составляющих картину экономической реальности, или онтологию¹. Конкретное воплощение эти установки находят в научной терминологии, тематике исследований, а также в идеалах и нормах научной работы в данной области. Взгляды экономистов на происхождение и природу научных знаний и научного метода менялись и складывались под влиянием общенаучных методологических стандартов, отражавших опыт наук-лидеров. В разное время в этой роли выступали математика, механика, физика, биология.

Структура научного экономического знания может быть раскрыта и с точки зрения уровней. Выделяют теоретическое знание, которое служит для объяснения экономических фактов и предвидения будущего, и эмпирическое знание как совокупность фактов, получивших истолкование в рамках соответствующей теории и составляющих ее эмпирический базис.

Теоретический уровень воплощается в систематизированном знании об устойчивых, повторяющихся связях в экономических

¹ Подробно онтологический аспект будет раскрыт позднее.

явлениях и процессах, их структурных характеристиках, закономерностях функционирования и тенденциях развития.

Можно определить экономическую теорию в узком и широком смысле. В узком смысле – это определенная совокупность взаимосвязанных между собой научных понятий и суждений, характеризующих определенную зависимость между элементами экономической реальности. В широком смысле – набор теорий разного уровня. Так, М. Фридмен определял экономическую теорию как позитивную науку, которая «представляет собой совокупность принимаемых на основе эмпирической проверки обобщений экономических явлений, которые можно использовать для предсказания последствий изменения обстоятельств» (10, 48).

Экономические теории включают следующие элементы: исходные посылки; теоретические модели; утверждения, выведенные из моделей; свидетельства правдоподобности теоретических выводов или условия проверки гипотез.

Любая экономическая теория основывается на определенном понятийном аппарате, который служит для обозначения основных элементов экономической реальности. Например, «товар», «фирма», «капитал». Понятия служат и для описания состояния экономических феноменов. Например, «экономическое равновесие» или «финансовый кризис». Экономические категории могут характеризовать и свойства предметов экономической действительности: «стоимость», «предельная полезность». Необходимо иметь в виду, что содержание понятий зависит от теоретического контекста. Так, категории, выражаемые одинаковыми терминами, но используемые разными научными школами, часто имеют разное содержание. Например, «капитал» в теории К. Маркса и у Дж.М. Кейнса.

Само понятие «экономика» является предметом дискуссии, имеющей длинную историю. Так, Аристотель и А. Смит в качестве родового понятия используют «богатство», Н.Д. Кондратьев, Я. Корнаи, В.В. Чекмарев – «хозяйство», «социальное или народное хозяйство», К. Полани – «институциональное взаимодействие с природой», А. Маршалл – «сферу индивидуальных и общественных действий по созданию и использованию основ благосостояния», Ю.М. Осипов – «стоимость», К.Р. Макконнел и С.Р. Брю – «поведение людей», М. Блауг – «экономическое поведение», К. Эклунд – «выбор»,

А.И. Самсин – «общественные отношения по поводу производства, распределения, обмена и потребления товаров, представленных материальными и нематериальными благами в условиях ограниченных ресурсов» и т.д. В целом можно выделить два способа соотнесения категорий «экономика» и «хозяйство»: первый рассматривает их как синонимы, а второй – категорию «хозяйства» представляет более широкой по своему содержанию, включающей в себя «экономикой». В рамках первого подхода рассматривается не только совпадение экономики и хозяйства, но и возможное их смысловое противопоставление, отрицание хозяйства экономикой.

Другой подход к трактовке экономики также предполагает выделение двух линий в ее понимании: одна характеризует экономику с позиции материального богатства, другая – с точки зрения типа поведения людей, мотивированного исключительно их частными интересами. Поэтому выделяют две базовые картины экономической реальности: продуктовую и поведенческую.

Исходные посылки теории, например «институты имеют значение», «фирма максимизирует прибыль» и т.д., могут иметь разное происхождение: отражать повседневный опыт, заимствоваться из религиозных представлений или естественно-научной картины мира, философских установок, приниматься условно как удобное упрощение. Заметим, что момент условности присущ даже тем положениям, которые предстают уму ясно и отчетливо, т.е. кажутся самоочевидными. Это свидетельствует о том, что не существует абсолютно достоверных теорий.

Так, в основе неоклассической экономической теории лежат три основные взаимосвязанные идеи: идея равновесия, идея возможности математически строгой интерпретации экономических явлений и идея чистой экономической науки. Идея чистой экономической науки предполагает исключение из ее предметного поля всяких ненаучных знаний, двусмысленностей, мифологизации и строгое предметное разграничение с другими общественными дисциплинами. Однако, борясь за предметную чистоту, неоклассическая теория сама приходит к мифологизации числа, последствием которого является механицизм. Последний проявляется не только в абсолютизации числа, математического анализа в экономической теории, но и в гипертрофии ряда других идей: идеи равновесия, методологического индивидуализма, функционального анализа, отрицания при-

чинно-следственного подхода. Излишняя математизация экономической теории приводит к тому, что она абстрагируется от реальной экономической жизни и теряет ее предметную определенность. Точнее, предмет экономической теории приобретает свойства условности, парадоксальности, искусственности. Как написал известный западный экономист Кеннет Дж. Эрроу в работе «Возможности и пределы рынка как механизма распределения ресурсов», «Выводы неоклассической теории справедливы только при выполнении определенных, возможно, чрезвычайно опрошенных предпосылок, касающихся экономической сферы, а также общественных и частных предпочтений» (13, 56). Все условности, искусственности в неоклассической теории появляются потому, что она превращает ценовой механизм спроса и предложения в единственный и абсолютный механизм движения экономической реальности, считая все остальные аспекты экономической жизни вторичными и производными от вышеуказанного. Трудности неоклассики обусловлены тем, что «идеи и закономерности, почерпнутые из анализа механической части айсберга экономической реальности, она пытается распространить на подводную часть, которая в существе своем немеханистична, а скорее органична» (13, 67). Неслучайно в рамках неоклассической теории не получили адекватного разрешения такие проблемы, как соотношение микро- и макроэкономики, спрос и предложение денег, случай несовершенной конкуренции.

Исходные предпосылки определяют формат модели, при помощи которой теоретические понятия и реальность соотносятся между собой. Модель позволяет систематизировать понятия, установить между ними определенные связи и отношения, которые сопоставляются с соответствующими связями и отношениями реального мира. Результат сопоставления позволяет корректировать модель, и таким образом является важнейшим средством разработки теории.

В экономическом знании применяется широкий спектр моделей: от простейших метафор, как «невидимая рука» у А. Смита, до сложных математических моделей в современной неоклассической теории.

Среди экономистов принято считать, что первой теоретической экономической моделью, отображавшей кругооборот общественного продукта, была «Экономическая таблица» Ф. Кенэ (1758), построенная на метафоре кровообращения.

В современной экономической теории возрастает роль сложных формализованных математических моделей, использование которых позволяет проследить сложные цепочки и взаимосвязи между параметрами и переменными. В зависимости от цели исследования строятся как модели-аппроксимации (от лат. *approximo* – приближаюсь), призванные отображать реальность как можно ближе к оригиналу, так и модели-карикатуры, искажающие общую картину, для того, чтобы акцентировать внимание на отдельных характеристиках. Примером модели-аппроксимации является производственная функция Коба-Дугласа, характеризующая распределение произведенного дохода между трудом и капиталом. В качестве модели-карикатуры может служить модель рынка с нулевыми трансакционными издержками, позволившая сформулировать теорему Коуза, которая гласит, что при нулевых трансакционных издержках первоначальное распределение прав собственности не влияет на эффективность окончательного размещения ресурсов и структуру производства.

При разработке моделей необходимо отобрать и упростить факты таким образом, чтобы не исказить действительную природу явлений. Неслучайно экономическая теория является компромиссом между стремлением к простоте и необходимостью сходства. С одной стороны, простота удобна, но она не является надежным критерием истинности и может исказить реальность. С другой стороны, слишком большое сходство делает модель неоперациональной. Решается данная дилемма с помощью принципа удобства, согласно которому наилучшей в теоретическом плане является модель, которая более всего удобна.

В связи с этим заметим, что имеющее место противопоставление теории и практики совершенно неоправданно, так как теория представляет ценность лишь в той мере, в какой она отражает реальность и несет в себе в удобной форме достаточно информации о реальных явлениях.

В экономической науке, и в этом плане она близка к философии, никакая модель не может претендовать на получение абсолютной истины, а есть лишь модели, более или менее хорошо подтвержденные данными наблюдения. А из двух моделей предпочтительной всегда будет та, которая при данной степени приближения представляет данные наблюдения наиболее простым образом.

Если обратить более пристальное внимание на современные теории, то можно обнаружить две крайности: с одной стороны, логическую несостоятельность теоретических конструкций, а с другой стороны – пренебрежение явлениями реальности.

В первом случае в теориях используются нестрогие понятия, смысл которых постоянно меняется в ходе рассуждений и различается у разных авторов. В таких теориях используется множество метафорических выражений, которые могут обозначать все, что угодно, но не годятся для строгого анализа (например, как у Д. Макклоски).

Вторая позиция абсолютизирует математику, забывая, что она представляет собой лишь ценное средство. Именно в этом направлении более полувека развивалась современная экономическая теория, как было сказано выше, когда создавались искусственные и полностью оторванные от реальности математические модели. Математический формализм препятствовал открытию направляющих идей, лежащих в основе прогресса любой науки.

Такой же крайностью в методологическом плане являются теории, основанные на механическом применении эконометрики и статистики. Дело в том, что некорректное использование методов линейной корреляции делает их непригодными для изучения явлений. Кроме того, использование моделей, построенных на основе таких методов, возможно лишь для единичных случаев. А поскольку число объясняющих переменных и случайных параметров там настолько велико, то реальное объясняющее значение моделей оказывается почти нулевым.

Разные установки влияют на формирование целей теоретического анализа. Эмпирический подход требует выдвижения научных фактов или предвидений; рационалистический – обобщающих выводов: законов, теорий. Вопрос о целях и их практической операциональности в рамках экономической теории является дискуссионным. Так, М. Алле считает, что «предметом экономической науки не может быть определение целей, которые общество должно ставить перед собой. В любом обществе встанут вопросы, связанные с целеполаганием, но определение целей не входит в сферу экономической науки; впрочем, оно вообще не входит в сферу науки» (1, 17). Действительно, преследуемые обществом цели могут быть самыми различными. Независимо от того, касаются ли данные цели эффективности, справедливости или надежности, нельзя

утверждать, что они сами по себе предпочтительнее, чем какие-либо другие. Решение таких вопросов принадлежит обществу, которое достигает приемлемого компромисса между различными возможными целями.

Что же касается экономиста, то он может сказать лишь о том, насколько являются поставленные цели совместимыми между собой, а используемые средства наиболее эффективными для достижения поставленных целей. Разрабатываемые экономически модели не дают готовых решений. Они могут лишь определить последствия этих решений.

Экономические теории делятся на позитивные и нормативные: первые ограничиваются суждениями о том, что есть, т.е. суждениями, подтверждаемыми фактами или в принципе проверяемыми путем обращения к фактам. Таким образом, позитивная экономическая теория принципиально независима от какой-либо этической позиции или нормативных суждений; вторые содержат ценностные суждения, т.е. суждения о том, что должно быть. Нормой для такой экономической теории являются все категории и утверждения, с которыми она вынуждена считаться, но которые выпадают в силу своей неэкономической природы из сферы экономической логики. Речь идет в первую очередь о неэкономических интересах человека и общества, реализация которых затрагивает тем не менее область экономики, заставляя последнюю корректировать свое развитие в соответствии с этими интересами. Это различие часто имеет условный характер, поскольку нормативное начало может неявно содержаться в исходных постулатах теории.

Задачей позитивной экономической теории является создание системы обобщений, которые можно использовать для корректных предсказаний тех следствий, к которым приведет любое изменение обстоятельств. О ее качестве следует судить по точности, широте охвата и согласованности с реальностью тех предсказаний, которые она дает. Позитивная экономическая наука является «объективной» наукой так же, как и любая из физических наук. Но надо иметь в виду, что она имеет дело с взаимоотношениями между людьми, а исследователь сам является частью исследуемого объекта в гораздо большей степени, чем в физических науках, что создает особые трудности в достижении объективности. В то же время это дает и преимущества, поскольку предоставляет исследователю со-

циальных явлений класс данных, который недоступен исследователю физических явлений.

Теория получает признание в качестве истинной, если есть подтверждающие ее факты, а количество опровергающих фактов не настолько велико, что существует необходимость перехода к новой теории. Предпосылки теории могут не совпадать с обстоятельствами появления фактов, а отнесение факта к существенным для теории или, напротив, к сопутствующим и случайным – не всегда очевидно. Кроме того, чтобы установить любой факт, внимание наблюдателя должно быть определенным образом сфокусировано. Поэтому теория есть не что иное, как способ такой фокусировки, который нельзя считать независимым от теории.

В противовес такому парадигмальному подходу в современной экономической теории широкое распространение получает принцип методологического плюрализма, согласно которому ученый свободен в выборе средств исследования. Тезис представителя постпозитивизма у П. Фейерабенда: «допустимо – все» – стал символом свободного творчества.

Главный принцип научной дисциплины – постоянное сомнение в том, что считается истинным, – исходное условие прогресса науки. Тем не менее плюрализм не должен вырождаться во вседозволенность, разрушающую научное сообщество. Поэтому меняются функции экономической методологии. Традиционная нормативная функция, предписывающая, как должно вести исследования, теряет свои позиции и становится дескриптивно аналитической, т.е. изучающей, как фактически генерируются новые знания, какие методы являются приоритетными.

Следует отметить, что для современной экономической теории характерна все большая тенденция к специализации, проявляющаяся в делении на различные направления, такие, как теория институтов, теория цен, теория риска, теория денег, теория развития и т.п. Такая специализация необходима, но важен и широкий общий взгляд. Кроме того, следует помнить, что сама экономическая наука представляет собой лишь часть социальных наук.

Глава 5

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Философский взгляд на экономическую теорию не ограничивается методологическим и эпистемологическим аспектами, а предполагает выявление онтологических оснований. Это означает рассмотрение экономической деятельности в контексте общей картины мира, что позволяет увидеть место и роль элементов экономики не изолированно, а в целостности. Под картиной мира обычно понимают совокупность взаимосвязанных представлений о наиболее значимых характеристиках мира и месте человека в нем. К таким характеристикам относятся представления об устройстве Вселенной и ее возникновении, роль Бога, принципы организации жизни, понимание субстанции, материального и идеального, особенности пространственно-временных параметров, количественные и качественные аспекты бытия, система наиболее важных ценностей, в том числе представления о добре и зле, справедливости, свободе и предопределении, принципы различных сфер деятельности. В картине мира содержится наиболее важная информация о соответствующей ей культуре. Она формирует и особый способ восприятия бытия, возможность и методы его познания. Представленные в картине мира значения и смыслы, порой не осознаваемые, трансформируются в нормы, ценности, предрассудки, обычаи, стереотипы, которые формируют систему мировоззрения, разделяемую большинством индивидов.

В картине мира выделяют несколько аспектов: естественно-научный, социокультурный, антропологический. Правоммерно говорить и об экономическом аспекте картины мира, который тесно взаимосвязан с другими вышеперечисленными аспектами. Экономическая картина мира – это представления о субъекте хозяйства, определенных типах хозяйственной деятельности и управления, видах хозяйственных образований, способах взаимодействия с природой и культурой. Экономическую картину мира не стоит отожде-

ствлять только с материально-производственной стороной жизни. Необходимо иметь в виду и ее связь с нравственными, эстетическими, социальными, политическими характеристиками.

Как было сказано выше, сформировались две базовые картины экономической реальности, или онтологии: продуктовая и поведенческая. Одним из первых проявил систематический интерес к картинам Й. Шумпетер. Однако именно идеи И. Лакатоса и его концепция научно-исследовательской программы и понятие жесткого ядра существенно продвинули онтологический компонент в экономической науке.

Задолго до Й. Шумпетера и И. Лакатоса у родоначальников классической экономической теории тоже можно обнаружить продуктовую и поведенческую онтологию (но на более низком уровне теоретической рефлексии). Например, у А. Смита рынок координирует действия людей, направляя частный интерес каждого его участника на поиск путей удовлетворения общественного спроса. Это продуктовая онтология, которая задает жесткий порядок анализа существующих зависимостей, в том числе заданные пропорции потребления и накопления, соотношение заработной платы, прибыли и ренты и т.д. Что касается поведенческой онтологии, то в описании рыночного механизма А. Смит не шел дальше представлений здравого смысла. Он считал, что естественный мир гармоничен в силу его Божественного происхождения.

Современная экономическая картина мира, устанавливающая как истинный определенный категориальный тип видения эмпирических и теоретических объектов, исходит из модели рыночного хозяйства, где главным регулятором является отношение спроса и предложения. Такая ситуация неслучайна, поскольку взгляды мыслителей на происхождение и природу научных знаний и научного метода складывались, как было сказано выше, под влиянием общенаучных методологических стандартов, отражавших опыт научных лидеров. В настоящее время для социально-экономической сферы эту роль стала играть неоклассическая экономическая теория.

В марксизме экономическая картина также во многом зависела от материально-производственного фактора и была сопряжена с определенной общественно-экономической формацией и соответствующим способом производства. Производственные отношения

образуют основу формации. Их ядро составляют отношения собственности на средства производства (базис общества). Политические, нравственные, эстетические отношения являются надстройкой над базисом. Производственные отношения соответствуют характеру и уровню развития производительных сил. Соответственно основные показатели, характеризующие производственные отношения и производительные силы, особенности их (производственных отношений и производительных сил) взаимодействия дают информацию об экономической картине мира. В концепциях постиндустриального общества (Д. Белл, Э. Тоффлер) экономическая картина мира отражает прежде всего структуру хозяйства. Например, соотношение сферы производства и сферы услуг исходя из объема произведенной продукции и численности занятых; соотношение городского и сельского населения. Важными показателями являются также стиль жизни, способы коммуникации, структура потребления и т.п. Очевидно, что все эти разнопорядковые показатели дают определенную (количественную и качественную) характеристику хозяйства и могут быть полезны. Однако необходимо обнаружить основание, которое бы объединяло все стороны жизни и позволило бы получить целостную картину бытия. Возможное решение проблемы – исходить из того, что основой экономической жизни как одной из проекций бытия является система неких универсальных образов, символов, обозначаемых как архетипы. В широком смысле слова архетипы можно понимать как образы выживания в различных ситуациях. В узком – как основные принципы организации хозяйственной жизни. Архетипы в свернутом виде несут информацию об окружающем мире, о наиболее эффективных способах взаимодействия с природой и культурой, базируются на изначальных договоренностях, на основе которых и рождалось общество. Можно сказать, что они содержат ключ к универсальному способу организации отношений человека с природой, человека с человеком, человека с социокультурной средой. Известны архетипы «матери-природы», «труженика-творца», высших ценностей: истины, добра и красоты, хозяйства как живого организма, которые позволяют получить представление о наиболее общих принципах организации экономической жизни. В нашей стране имеет место архетип «Иванушки-дурачка», который сформировал психологию и лег в основу

принципов существования значительной части нашего населения. Иванушка-дурачок, ничего не делая, всего добивается «по щучьему велению».

Онтологический аспект раскрывается и через пространственно-временные параметры, определяемые как границами самого хозяйства, так и возможностями человеческого разума. Для экономики имеют большое значение следующие пространственные характеристики: координация и сосуществование. С одной стороны, это необходимо для обеспечения взаимодействия различных субъектов, каждый из которых занимает определенное место в иерархии. С другой стороны, субъект экономики, складывается через взаимодействие и координацию многих людей, осуществляющих свою хозяйственную деятельность. Процесс координации невозможен без существования так называемых обратных связей. Эффективность управления экономикой напрямую зависит от их успешного функционирования. Это объясняется тем, что посредством обратной связи любая система или изменяет свою стабильность, или сохраняет ее. Взаимодействуя с внешними и внутренними факторами и получая определенную реакцию, человек перестраивает свою деятельность. Обратные связи могут играть как созидательную роль, так и разрушающую по отношению к существующему хозяйству. Это зависит от этапа, на котором оно находится, и от приоритетов, которых придерживается хозяйственный субъект. В период становления и развития экономики основные функции обратных связей направлены на поддержание ее целостности и устойчивости при условии бережного или, как писал Э. Фромм в книге «Иметь или быть», отношения по принципу «быть» к природе и культуре. В период разложения и гибели они оповещают о приближении конца. Для систем, построенных по принципу организма, отсутствие или слабость обратных связей означает смерть.

Время – важный фактор управления, преломляемый сквозь призму экономической картины мира, оказывает влияние на характер развития экономики, которое может приводить к эволюционным, постепенным преобразованиям или революционным изменениям, приводящим к отрицанию не только управляемого, но и самого управляющего. Подтверждением последнего положения является известное высказывание о том, что «революция пожирает своих

детей». При этом временной фактор позволяет раскрыть взаимосвязь между прошлым, настоящим и будущим. На особенности процесса управления экономикой в настоящем, как правило, накладывает отпечаток прошлое. Примером является наша страна, которая никак не может избавиться от пережитков чрезмерного бюрократизма. В свою очередь основы будущей экономики создаются в наше время. Формируя основные принципы хозяйственной жизни (касается всех ее сторон), мы таким образом влияем на специфику экономических процессов на следующем этапе.

Время обнаруживает смертность всего живого, конечность вещей, что проявляется в стремлении остановить или даже повернуть его назад, сделать человека бессмертным. Это объективное желание воплощается в различных утопических построениях, в которых субъект экономики наделяется свойствами Творца и способностями изменять мир по несуществующим правилам и законам.

Глава 6

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ЭКОНОМИКЕ

Философское осмысление экономики предполагает рассмотрение ее сквозь призму антропологического аспекта. Речь прежде всего идет о моделях человека в социально-экономических науках.

Используемые модели человека обладают не только эпистемологическими, но и аксиологическими свойствами. Это отчасти связано с историей возникновения понятия экономического человека в экономической теории, которое происходило практически параллельно со становлением современной рыночной системы, утверждением принципа формального (в правовом смысле) равенства людей.

Вместе с тем нельзя забывать, что модель экономического человека – это лишь компонент определенного способа объяснения того или иного общественного явления. И с этой точки зрения данная модель может быть применена к любому типу общества, что делает их сопоставимыми в рамках одной дисциплинарной области.

В связи с этим следует обратить внимание на два различных методологических подхода, которые используются в истории экономических учений – абсолютистский и релятивистский. Последний предполагает анализ на основе принципов и подходов, которые составляют фундамент анализируемой теории. Второй предполагает исследование всех исследовательских программ с использованием правил и процедур, сформулированных в рамках одной программы. Последний вариант, например, был реализован в книгах М. Блауга и Т. Негиши по истории экономической мысли.

Многообразие моделей человека в экономической теории – достаточно очевидный факт, который вместе с тем нуждается в объяснении для более четкого понимания тех возможностей, которые открываются в результате применения инструментария одной из исследовательских программ. Наиболее естественный способ обоснования сосуществования различных моделей человека в эконо-

мической теории – это объяснение сосуществования различных исследовательских программ.

В свою очередь сосуществование исследовательских программ обусловлено ограниченными эпистемологическими возможностями человека. В частности, это проявляется в процедурах проверки теорий методом верификации или фальсификации. Между тем из методологии науки известно, что существует проблема решающего эксперимента проверки гипотезы, который должен разрешать спор между конкурирующими исследовательскими программами.

Особенность статуса модели человека в экономической теории состоит в том, что она, как правило, оказывается частью метафизического жесткого ядра исследовательской программы, которое уже не поддается проверке. Предполагается, что человек стремится к максимизации полезности. На основе данного предположения, а также информации об ограничениях формулируются предсказания, которые затем проверяются. Однако в случае неподтверждения гипотезы корректируется не базовая предпосылка о максимизации полезности, а представления об ограничениях (или издержках). Иными словами, корректируется защитный пояс.

Данный принцип широко известен как «Ф-твист», названный в честь его автора – М. Фридмена. Он построен на простой идее, что теории должны объяснять многое малым (10, 20–52). А для этого можно пренебречь реалистичностью предпосылок. Поскольку в числе базовых, как правило, значатся поведенческие предпосылки, то принцип нереалистичности в обмен на операциональность относится прежде всего к ним.

Проблема человека – одна из таких областей, в которых можно отчетливо проследить точки соприкосновения и противоречия экономической теории и философии.

Действительно, человек, его сущность и поведение представляют интерес для исследователей из многих дисциплинарных областей, в том числе экономической теории, социологии, психологии, политологии и философии. Вместе с тем для каждой из представленных дисциплин характерно свое понимание человека и логики его поведения. В зависимости от этого изучаются только те свойства человека, которые соответствуют предмету исследования той или иной отрасли знания. Наиболее полный (общий) образ челове-

ка дает философия. Остальные дисциплины представляют собой разной степени абстракции, которые формируют неполный образ человека, что является платой за их специализацию.

Задача философии состоит в том, чтобы помочь в методологическом плане другим дисциплинам, в том числе экономической теории, определить допустимые инструменты анализа в рамках их предметных областей¹. В свою очередь рассмотрение моделей человека, используемых в различных науках, позволяет преодолеть односторонний подход каждой из них, привлечь дополнительные методы анализа, развить междисциплинарные связи, выявить новые свойства и факторы, определяющие поведение человека, и тем самым получить целостную картину о человеке.

Сравнение представлений о человеке в различных дисциплинарных областях предполагает фиксацию контекста, в том числе понимание различий самих дисциплинарных областей. В числе наиболее важных различий² – отсутствие в психологии, социологии и философии как дисциплинах доминирующего направления, как это имеет (или до недавнего прошлого имело) место в экономической теории.

Философская модель человека, представляемая исследователем, отражает его общую мировоззренческую установку, т.е. зависит от того, что выдвигается в качестве высшей ценности и смысла жизни.

¹ Некоторые философы считают, что в ценностном и смысловом отношении философия и профессиональная методология существенно различаются. Философия всегда ориентирована на решение современных экзистенциальных проблем и дилемм, а профессиональная методология – на развитие деятельности, понимаемое в значительной мере в технологическом ключе. Такая трактовка имеет определенную ценность в плане разграничения функций, однако само деление весьма условно и не может быть абсолютизировано. В противном случае философия лишится своей методологическо-мировоззренческой целостности.

² Философия предполагает наличие целого спектра различных направлений, течений, школ, часто диаметрально различающихся по своим исходным принципам и предлагаемым решениям проблем. В отличие от экономической теории, в которой лидирующие позиции занимают школы неоклассической экономической теории, в философии нет доминирующего направления. С этой точки зрения нет и единого обобщенного представления о человеке. Обобщенность образа достигается благодаря таким универсальным понятиям, характеризующим человека, как душа, дух, сознание, воля, материя и т.п., которые связывают философию как общекультурный слой и философию конкретных систем.

ни, в то время как экономическая модель человека основана на сложившихся исследовательских конвенциях, которые далеко не всегда в полной мере соответствуют мировоззрению исследователя. На этой основе возникает различие между философской и экономической моделями человека.

Философская модель человека может строиться двояким образом: либо через внешние характеристики, либо путем раскрытия его внутренней природы. Чаще пытаются совмещать и то и другое. Построение модели человека, основанное на сопоставлении его с внешними сущностями и явлениями, предполагает использование характеристик, применяемых при описании общей картины мира, структуры общества, отношений с Богом. Внутренняя природа человека раскрывается через его телесные, эмоциональные, духовные характеристики. В свою очередь внутренние характеристики человека оказывают влияние на формирование представлений об общей картине мира. Их абсолютизация проявляется в виде антропоморфизма и антропоцентризма.

Проблема соотношения внешних и внутренних факторов при определении человека раскрывается сквозь призму взаимоотношений сущности и существования. Если есть какая-то заданная сущность человека, то такую модель можно использовать операционально. Например, символический человек (Э. Кассирер) или абстрактный родовой человек (Л. Фейербах), что формально соответствует репрезентативному экономическому субъекту в экономической теории. Если существование человека предшествует его сущности в процессе становления (экзистенциализм), то построение модели человека осуществляется на основе свободного выбора человека и не детерминировано внешними факторами. Для философии характерно представление о человеке как двойственном существе, объединяющем духовное и материальное начала, взаимоотношения между которыми имеют длительную историю: от органического растворения духовного в природных телах, затем представления материи как темницы для души, и далее снова утверждения неразрывного единства духовного и материального начал в различных вариациях. В отечественной философии (Н.А. Бердяев) сложилось понимание, что, с одной стороны, человек – духовное существо и не является пассивным рефлексом природного и социального кругооборота, а с другой стороны – он погружен в природный мир, сам часть этого мира, т.е. раз-

деляет его судьбы, смертен. Однако сознание человека при этом не затемняется, он не склонен забывать свое высшее предназначение как существа разумного (разумность – сущностная характеристика человека). Инстинктивное изменяется в человеке под влиянием разумного, в свою очередь сознательное органично продолжает структуры инстинктивного в своей сфере, способствует развитию духовного в таком направлении, в котором бы человек и человечество в целом не теряли бы инстинкта самосохранения.

Экономическая модель человека, так же как и философская модель, учитывает природную сторону человека, принимая во внимание биологическую наследственность, непосредственно не зависящую от социального окружения. Однако отношения между природным и социальным в экономической модели рассматриваются как данность.

В экономической теории существует множество подходов к определению природы человека¹. Родоначальник классической политической экономии А. Смит в труде «Исследование о природе и причинах богатства народов» считал эгоизм одной из важнейших характеристик человека. Человек «непрерывно нуждается в содействии и сотрудничестве множества людей... Он скорее достигнет своей цели, если обратится к их эгоизму и сумеет показать им, что в их собственных интересах сделать для него то, что он требует от них... Дай мне то, что мне нужно, и ты получишь то, что тебе нужно...» (8, 19). Но ведь кроме эгоизма хозяйственная деятельность людей определяется и другими факторами, например любовью к ближнему, традициями, обычаями, предрассудками, религиозным и правовым чувствами, общественным интересом и т.п. Поэтому с тех пор было обнаружено немало и других важных характеристик экономического человека, которые можно суммировать и свести к основным четырем².

¹ В экономической теории существует понятие экономической антропологии, которое основывается на функциональном подходе к человеку, исходит из реалистичных предпосылок относительно человека, его поведения, т.е. рассматривает его таким, какой он есть в системе хозяйственных связей.

² Необходимо заметить, что такое обобщение является условным, так как современная экономическая теория не представляет собой единого систематического понимания экономической реальности. Наряду с неоклассической теорией мейнстримом, существует широкий спектр направлений в институционализме, кейнсианстве, эволюционизме, неоавстрийской школе и т.д.

- «Человек независим. Это атомизированный индивид, принимающий самостоятельные решения исходя из своих личных предпочтений.
- Человек эгоистичен. Он в первую очередь заботится о своем интересе и стремится к максимизации собственной выгоды.
- Человек рационален. Он последовательно стремится к поставленной цели и рассчитывает сравнительные издержки того или иного выбора средств ее достижения.
- Человек информирован. Он не только хорошо знает собственные потребности, но и обладает достаточной информацией о средствах их удовлетворения» (6, 16).

Таким образом, перед нами предстает эгоистичное существо, которое хорошо знает, чего хочет и что для этого надо делать. Для экономического человека существующие моральные, политические, социальные факторы не более чем внешние ограничения, учет которых позволяет субъекту соблюдать формальные приличия и не реализовывать свои интересы слишком циничными и грубыми способами.

При философском подходе к человеку его духовная сторона проявляется в разумном, моральном и эстетическом поведении (разумность, моральность, эстетизм – основные характеристики человека как существа социального) и при рациональном выборе предполагает движение по направлению к таким высшим человеческим ценностям, как истина, добро и красота.

В отличие от философского рассмотрения человека, экономическая теория имеет дело с характеристиками, связанными с оптимальным результатом – максимизацией целевой функции при данных ограничениях.

Очевидно, что философский подход к пониманию человека предполагает большее разнообразие и индивидуальность по сравнению с экономическими системами, где в каждый данный момент существует конвенция или набор конвенций относительно ограничений, связанных с характеристиками человека, которые не вписываются в логику модели, а также системы моделей. В экономической науке модель человека есть изолирующая абстракция, обостряющая специфические черты поведения человека. Поэтому объективно существует несоответствие между философской и экономической моделями человека.

Существенным изъяном экономической модели человека, с точки зрения этического подхода, является ее интерпретация рациональности, что, как было сказано выше, означает максимизацию целевой функции при существующих ограничениях. При таком подходе отсутствует содержательная оценка разумности как цели, так и средств хозяйственной деятельности. И то, что является рациональным в определенных узких границах, может быть вовсе не рациональным с точки зрения универсальных человеческих ценностей. Так, материальное благополучие одного человека часто связано со страданиями и несвободой других людей. Кроме того, экономический подход не проводит концептуального разграничения (как признают сами экономисты) между решениями важными и второстепенными. Например, между проблемами жизни и смерти, с одной стороны, и выбором сорта кофе – с другой. Экономический человек выступает прежде всего в роли потребителя различных благ, при этом все остальные его стороны жизни оказываются за рамками рассмотрения. Такой подход, конечно же, обедняет представления о человеке и не раскрывает его подлинной природы как субъекта хозяйства.

Несмотря на все различия моделей человека в общественных дисциплинах, следует отметить, что философская модель выполняет синтезирующую функцию для моделей в разных предметных областях. Так, при сравнении экономической модели REMM¹ (изобретательный, оценивающий и максимизирующий человек) и социологической модели SRSM (социализированный, выполняющий определенную роль и подверженный санкциям человек) актуализируется философская модель человека (условное название «Человек в поисках смысла»), которая объединяет многие параметры как социологической, так и экономической моделей. Например, по параметру «детерминированность действия» философская модель предполагает зависимость, как от биологических, так и от социальных факторов. С позиции параметра «изобретательность» философский человек предстает, с одной стороны, как выходящий за свои собственные пределы, а с другой стороны, – как познающий самого себя. С точки зрения параметра «оценивание» можно заме-

¹ Акроним REMM был предложен У. Меклингом и К. Бруннером, акроним SRSM был предложен С. Линденбергом.

тить, что для философии характерно постоянное присутствие морального оценивания. Параметр «следование собственным интересам» раскрывается в философской модели человека через такие характеристики, как эгоизм и альтруизм. Что касается «максимизации», то в философии она отсутствует в явном виде, хотя и может рассматриваться как стремление к высшим ценностям (истине, добру и красоте).

Подведем краткие выводы по разделу «Философия экономики» в рамках общей дисциплины «История и философия экономики»:

– во-первых, философия экономики – новая, только формирующаяся дисциплина, как всякое новое знание теоретически несовершенно,

– во-вторых, философия экономики – это междисциплинарное знание, синтезирующие различные аспекты и подходы;

– в-третьих, философия экономики призвана расширить предметные рамки экономики в сферу метатеории и преодолеть ограничения современной экономической теории мейнстрима;

– в-четвертых, философия экономики позволяет проследить наиболее общие тенденции развития экономической теории, выявить условия ее прогресса и наметить методологические перспективы;

– в-пятых, философия экономики не сводится к методологии экономики, а предполагает комплексный взгляд на экономическую теорию, включая онтологический, эпистемологический, антропологический аспекты;

– в-шестых, в целом история и философия экономики представляет собой синтез исторического и логического подходов в изучении и изложении экономического знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алдле М.* Поведение рационального человека в условиях риска: Критика постулатов и аксиом американской школы // *THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем.* 1994. Вып. 5.
2. *Бердяев Н.А.* Самопознание (опыт философской автобиографии). М., 1990.
3. *Блауг М.* Несложный урок экономической методологии // *THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем.* 1994. Том II. Вып. 4.
4. *Бруннер К.* Представление о человеке и концепция социума: два подхода к пониманию общества // *THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем.* 1993. Вып. 3.

5. Калинин Э., Чиркова Е. Концепция постклассической экономической рациональности // Вопросы экономики. 1998. № 5.
6. Радаев В.В. Экономическая социология. М., 1997.
7. Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Вып. 3.
8. Самуэльсон П. Принцип максимизации в экономическом анализе // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Т. 1. Вып. 1.
9. Смит А. Исследование о природе и причинах Богатства народов. Книга первая. М., 1997.
10. Фридмен М. Методология позитивной экономической науки // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1994. Том II. Вып. 4.
11. Шаститко А.Е. Модели рационального экономического поведения человека // Вопросы экономики. 1998. № 5.
12. Швери Р. Теория рационального выбора: универсальное средство или экономический империализм? // Вопросы экономики. 1997. № 7.
13. Эрроу К. Возможности и пределы рынка как механизма распределения ресурсов // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Т. 1. Вып. 2.
14. Simon H.A. Rationality in Psychology and Economics // Rational Choice/ R. Hogarth, M.W. Reder (Eds). Chicago, 1987.

Часть 2

ИСТОРИЯ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

(Профессор М.А. Сажина)

История экономики – это история человека, его культуры, ибо знания об экономике меняются вместе с человеком. Поэтому история экономической науки есть не столько сумма трактатов, сколько исторический опыт человека. Включая различные концепции, экономическая наука предстает как варианты, пути, возможности, как борьба обстоятельств, интересов и идей. Только обращенная к реальности, экономическая наука способна к развитию, ибо он не только отображает и трактует жизнь, но и активно вмешивается в нее.

Экономическая наука стремится к достоверности, позволяющей знать все больше и точнее. Даже смена парадигмы для науки – это смена либо направления исследования, либо его метода. Но смена научной парадигмы, во-первых, не проходит по свободной воле человека, так как ученый зависит от знания, логики его естественного развития; во-вторых, не останавливает ученого, ведет его только вперед; в-третьих, не делает человека более мудрым, культурным и нравственным. Никакая наука никогда не ответит на вечные вопросы бытия, ибо в них заключен момент принципиальной непознаваемости.

Но есть *философия* – мудрость. В ней нуждается экономическая наука и еще больше сам Человек.

Философия экономической науки связана с нравственными и культурными началами хозяйствования, с общечеловеческими и общемировыми ценностями. Следовательно, философия экономической науки – это *воззренческое* знание об экономике, она дает цельность представлению о хозяйстве, связывает экономическое знание с общекультурным и общеприродным знанием, т.е. *окультуривает* экономику.

История экономической науки включает разные направления экономической мысли – от раннего меркантилизма до современного институционализма и социал-демократизма.

Наличие множества разнообразных научных школ связано с тем, что реальная действительность выдвигает на передний план острые злободневные проблемы, которые и становятся объектом внимания экономических мыслителей. Признание той или иной научной школы в определенный исторический период, ориентация на нее происходит потому, что практика хозяйственного развития меняет свое русло. И успех определенной научной школы зависит не от того, правильна она или нет, а насколько она соотносится с меняющейся действительностью.

Содержание (*теория*) любой научной школы во многом зависит от способа исследования, от способа построения теории, т.е. от *методологии*. А методология включает мировоззренческую позицию исследования, определение предмета и области исследования, логический порядок исследования.

Покажем это на примерах классической и неоклассической экономических теорий, кейнсианской и неоконсервативной школ, неoinституциональной теории и современного социал-демократизма.

Глава 1

КЛАССИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ – ИДЕОЛОГИЯ СВОБОДНОГО РЫНКА

Представители классической политэкономии изучали сферу *материального производства*, пытаясь проникнуть в сущность явлений. Сущностную основу экономических процессов образует *труд*. Классики утверждали, что в экономической жизни общества господствуют *стихийные объективные законы*, не зависящие от воли и сознания людей. Объективный механизм рыночного саморегулирования – это «невидимая рука» *конкуренции*, а развитие свободного предпринимательства возможно при ограниченном вмешательстве государства в экономику.

Для проникновения в глубинные, сущностные отношения классики политэкономии использовали *метод* научной абстракции.

Предметом политэкономии классики считали общественное богатство. Поэтому перед политэкономией стояло две задачи: во-первых, исследовать природу и причины богатства народов; во-вторых, найти пути обеспечения общественного благосостояния. В этом качестве политэкономия выступает как *философия* рыночного хозяйства.

Следовательно, классики политэкономии создали стройную целостную систему объективных экономических законов рыночного хозяйства, присущих как национальной экономике в целом, так и всем государствам.

Классиками буржуазной политэкономии являются *А. Смит* и *Д. Рикардо*.

Имя великого шотландца Адама Смита равно чтится всеми современными учеными-экономистами, сколь бы различных точек зрения они не придерживались. Наряду с именами К. Маркса и Дж.М. Кейнса имя этого выдающегося человека вызывает почтение и повышенный интерес у любого, кто имеет хоть какое-либо отношение к экономической науке, поскольку к трудам этих трех великих экономистов обращаются за тем, чтобы понять основные цели экономики как науки.

«Ни в чем я не красавец, кроме как в своих книгах», – так однажды сказал о себе А. Смит. В 1759 г. А. Смит опубликовал «Теорию нравственных чувств» – интересное исследование в области морали и психологии. Исходным пунктом исследования нравственного мира является симпатия. Альтруизм, по мнению автора, такое же естественное чувство человека, как и эгоизм. Следовательно, этика у А. Смита очеловечена, с нее снят Божественный покров. Как экономика этика развивается свободно и естественно, имеет свои внутренние закономерности.

А. Смит хотел создать целую *социальную систему*, охватывающую все стороны человека и общества. Но сумел написать две работы. Второй и главный его труд «Исследование о природе и причинах богатства» (1776).¹ Перекинуть мост между ними (нравственным миром и экономическим миром) А. Смиту не удалось.

Своей книгой «Богатство народов» А. Смит прочно и навсегда вошел в историю экономической мысли. Это творение, опубликовано в том же году, что и Декларация независимости США (1776). Трудно сказать, какой из этих документов имеет большее историческое значение. Декларация звучала как призыв к созданию общества, основанного на «жизни, свободе и стремлении к счастью». «Богатство народов» объясняло, как такое общество должно работать. Именно эта книга принесла А. Смиту славу «отца политической экономии».

Еще задолго до написания книги «Богатство народов» А. Смит просто и четко сформулировал ее главную идею: «Для того, чтобы поднять государство с самой низкой ступени варварства до высшей ступени благосостояния, нужен лишь мир, легкие налоги и терпимость в управлении; все остальное сделает естественный ход вещей».

В основу своего исследования А. Смит положил трудовую теорию стоимости, согласно которой определение стоимости затраченным на производство товара трудом и обмен товаров соответственно заключенному в них количеству труда является законом развития общества.

Богатство народов – предмет исследования А. Смита. Он раскрывает факторы, влияющие на величину богатства. Прежде всего

¹ В экономической литературе эта работа довольно часто упоминается под другим, более кратким названием – «Богатство народов».

это *разделение труда*, способствующее росту производительности труда и росту богатства.

Второй фактор, способствующий росту богатства, это *капитал*, который А. Смит выделяет как часть запасов, когда деньги превращаются в капитал. Он разделяет труд на производительный и непроизводительный. Производительный труд производит товар или капитал в любой сфере производства (промышленности или сельском хозяйстве).

Первый два фактора – разделение труда и капитал – А. Смит называет *положительными факторами* богатства. Третий фактор роста богатства – это *политика*, а точнее, невмешательство государства в экономическую жизнь. Неправильная государственная политика (меркантилизм) тормозит общественное разделение труда и рост богатства. Поэтому данный фактор А. Смит считает *отрицательным*, мешающим росту богатства.

Проблема государства также анализируется под углом зрения развития богатства. Помешать росту богатства страны, считает А. Смит, может только «неблагоразумие» ее правителей, так как «великие нации никогда не беднеют из-за расточительности и неблагоприятия частных лиц, но они нередко беднеют в результате расточительности и неблагоприятия государственной власти».

Важнейшей концепцией классической политэкономии является обоснование принципа свободы предпринимательства – «*Laissez faire, laisser passer*». Свобода предпринимательства понимается как «естественная свобода»: предоставьте людям возможность делать свои дела, дайте делам идти своим чередом. Эта фраза стала лозунгом классического направления политэкономии.

Обоснование этого лозунга базируется на двух положениях:

- концепции «экономического человека» и учении о «естественном порядке»;
- концепции равновесной экономики, т.е. об автоматическом поддержании макроэкономического равновесия.

Концепция «экономического человека» была востребована жизнью. В основе ее лежит философия «утилитаризма» – философия пользы (автор – Джером Бентам). Утилитаризм означает эгоизм как естественное свойство каждого человека и фактор общественного прогресса. Стремление к пользе одного человека ограничено только стремлением к пользе других. Идея «экономического человека»

достигает наибольших результатов, если выбор человека свободен. Следовательно, должно существовать равноправие людей, их стремление к пользе. Задача же государства состоит в создании условий для свободного выбора каждого человека.

Особенно положение о естественной свободе развито у А. Смита. Он стремился взглянуть на человека с трех точек зрения: с позиции морали, с гражданской и государственной позиций, с позиции экономической. А. Смит пытался объяснить экономические отношения людей с учетом особенностей их натуры, считая, что человек – существо эгоистичное от природы. Поэтому его цели вполне могут противоречить интересам окружающих. Но люди все же ухитряются сотрудничать друг с другом ради общего блага и личной выгоды каждого. Значит, существуют какие-то механизмы, которые обеспечивают такое сотрудничество. И если их выявить, то можно понять, как устроить экономические отношения еще более рационально. Условия наиболее эффективной реализации своекорыстного интереса А. Смит назвал «естественным порядком».

Поскольку идея «естественного порядка» вытекает у А. Смита из человеческой природы, то она естественна. Ограничение личного интереса одного человека личным интересом другого тоже естественно. Один человек нуждается в помощи другого, поэтому один эгоист считается с интересом другого эгоиста. Наилучшей формой взаимного оказания услуг друг другу является обмен, основанный на разделении труда, обмен также естественное явление. Следовательно, «естественный порядок» возникает стихийно, самопроизвольно, в результате массовых действий людей. Поэтому человек выступает как «экономический человек».

Таким образом, концепция «естественного порядка» предполагает, с одной стороны, максимальную свободу действий людей и законов, с другой стороны – минимальную роль государства.

Но если все участники рынка стремятся улучшить лишь собственное положение, то каким образом рыночное общество не развязывает руки заинтересованным только в себе, жадным до наживы людям грабить своих сограждан? Как на такой опасной антисоциальной основе может выработаться нормальное социальное устройство? Ответ на этот вопрос дает теория «равновесной экономики» А. Смита, механизм рыночной системы – конкуренция.

Каждому субъекту рынка, думающему лишь об улучшении своего положения, противостоит на рынке множество других людей с такой же мотивацией. В результате каждый участник рынка вынужден принять цены, предложенные конкурентами. В противном случае производитель, желающий получить другую цену, не сможет найти покупателя. Таким образом, рыночный механизм дисциплинирует участников: покупатели конкурируют с другими покупателями и не могут объединиться против продавцов. Продавцы соперничают с другими продавцами и не могут навязывать покупателям свою волю.

Важная функция рынка состоит в том, что он предлагает нужные обществу товары в том количестве, которое ждет общество, без каких-либо приказаний со стороны. Значит сам процесс производства товаров создает доход, в точности равный стоимости произведенных товаров, т.е. предложение порождает свой собственный спрос ($\Sigma \text{предложения} = \Sigma \text{спроса}$).

Таким образом, рынок *невидимой рукой* направляет эгоистические действия людей на общественно полезный путь. Система конкуренции уравнивает спрос и предложение, обеспечивая общество производством нужных ему товаров и услуг.

Но рыночная система не только обеспечивает регулярное снабжение общества всем необходимым, но она и *саморегулируется*. Если цены выходят за установленные для всех пределы, то конкуренция их оттеснит. Налицо явный парадокс: рынок, высшая точка экономической свободы, является и строжайшим экономическим надсмотрщиком. К королю всегда можно обратиться с апелляцией, к рынку же апеллировать невозможно.

А. Смит показал, что саморегулируемая рыночная система есть система возрастающего богатства нации, в основе которого лежит разделение труда.

Следовательно, А. Смит увидел в развивающейся экономической системе две важные особенности. Во-первых, общество конкурирующих, ищущих прибыли людей может обеспечить материальное снабжение через механизм саморегулирующегося рынка (механизм цен). Во-вторых, такое общество, стремясь к наращиванию капитала, увеличивает свою продуктивность и богатство.

Помешать росту богатства страны, считал А. Смит, может только вмешательство государства в дела конкуренции и прибыльно-

сти. Любое ограничение стихийного хода событий и конкуренции сдерживает экономическое развитие. Главная функция государства – обеспечить «естественную свободу», основанную на экономической свободе. А само государство должно быть «ночным сторожем» свободной экономики.

Преданность А. Смита «невидимой руке» не сделала его стандартным консерватором. Он допускает в свободной рыночной экономике некоторые функции государства. Это: поддержание порядка в стране, обеспечение внешней безопасности страны, финансовая деятельность государства.

Финансовая политика государства включает формирование бюджета, государственного долга и налогообложение.

Формирование бюджета у А. Смита начинается с определения расходов государства. К расходам государства относятся расходы на оборону, расходы на отправление правосудия и расходы на общественные работы и общественные учреждения. Последние предполагают содействие торговле общества, расходы на учреждения для образования юношества и расходы на учреждения для образования людей всех возрастов. К расходам государства относятся и траты на поддержание достоинств государя, размеры которых колеблются в зависимости от различных периодов развития и от различных форм управления.

Государственные расходы, по мнению А. Смита, имеют две особенности. Во-первых, допустимы только те расходы государства, которые отвечают интересам общества. Это делает *государство «дешевым»*, экономически необременительным для населения. (Тезис Смита «дешевое государство» был воспринят последователями классической политэкономии). Во-вторых, как театр начинается с вешалки, так и государственный бюджет – с расходов. Для формирования бюджета государство должно сначала определить требуемые расходы и только потом, какими доходами оно может их покрыть.

Еще одна финансовая функция государства – использование государственного долга. Проблему государственного долга А. Смит связывает с финансированием государственных расходов в военное время. Обусловленные войнами долги не исчезают сами собой в мирное время, а наоборот, еще более возрастают из-за проблем погашения задолженности и необходимости выплаты процентов по

кредитам, что в свою очередь ведет к повышению налогов. Поэтому государство, по мнению А. Смита, не должно форсировать накопление общественного капитала через расходы государства, так как они по своей природе непродуктивны, и кредитное финансирование означает перекалывание государством средств из правой руки в левую. А. Смит отмечает, что политика государственной задолженности постепенно ослабляет каждое государство, которое ею воспользовалось. Если государственный долг превысит определенный уровень, то никогда не удастся справедливым образом и полностью его погасить.

Таким образом, А. Смит негативно оценивает практику кредитного финансирования государственных расходов, так как она уменьшает богатство нации, усугубляя налоговое бремя и препятствуя накоплению капитала. Дефицитное финансирование, – писал А. Смит, – это «улица с односторонним движением, вступив на которую однажды, нельзя повернуть обратно».

Однако, несмотря на негативное влияние государственного долга, в отдельных случаях он является неотъемлемым элементом деятельности государства (во время войны). Государственная задолженность в значительных размерах изымает из обращения имеющийся капитал, но меньше, чем повышение налогов (которое происходит за счет сокращения потребления). Это преимущество государственной задолженности во время войны несколько смягчает, по сравнению с налоговым финансированием, бремя военных расходов.

В целом же, государственные долги рассматривались представителями классической политэкономии как зло. Растущая государственная задолженность несет с собой, по их мнению, многократное увеличение потребительского спроса, что в условиях экономики полной занятости неизбежно ведет к повышению цен.

Государственная политика *налогообложения* у А. Смита строится на понятии налогов как добровольного пожертвования средств во имя приумножения общественного блага и развития конкретного человека. Налоги для того, кто их выплачивает, писал А. Смит, признак не рабства, а свободы.

Исходя из такого понимания налогов А. Смит разработал *классические принципы построения налоговой политики*, суть которых в следующем:

- *всеобщность* – подданные государства должны его поддерживать соответственно доходу, каким они пользуются под покровительством и защитой государства;
- *справедливость* – налог должен быть не произвольным, а точно определенным по сроку, сумме и способу платежа;
- *удобность* – каждый налог должен взиматься в то время и тем способом, когда и как плательщику должно быть удобнее всего платить его;
- *определенность* – из кармана налогоплательщика брать меньше, чем получает казначейство государства.

Эти основы налоговой политики отражают обязанности налогоплательщиков перед государством и в то же время обязанность государства перед налогоплательщиками. Налоги взимаются по доходам, они должны соответствовать силе и способностям граждан, определены для каждого дееспособностью человека, а форма и время взимания должны соответствовать интересам плательщика. В то же время налог должен быть удобен государству, взимание его должно обходиться возможно дешевле, налоги не должны поглощаться аппаратом чиновников. Все это делает налогообложение *справедливым*.

Налоги составляют основной источник государственного дохода. Среди налогов А. Смит выделяет налоги на заработную плату и налоги на все доходы (на ренту, на прибыль, подушные налоги и налоги на предметы потребления). Самым подходящим объектом государственного налогообложения является, по его мнению, земельная рента. Налог на земельную ренту нельзя переложить на кого-либо другого, он сокращает доход землевладельца. Налог с прибыли считается неэффективным, так как предприниматели могут переложить его на потребителя путем повышения цен. Нецелесообразен и налог на заработную плату, так как его будет платить предприниматель, чтобы обеспечить рабочему прожиточный минимум.

Следовательно, бюджетно-налоговая политика в свободной рыночной экономике выполняет фискальную функцию, являясь исключительно *финансовым* и ни в коем случае регулирующим инструментом.

Систему политэкономии, созданную А. Смитом, поднял на качественно новую ступень английский экономист Д. Рикардо. Его главный труд «Начало политической экономии и налогового обложения» (1817) приходится на период, когда сформировались основные клас-

сы капиталистического общества, резко обострились социальные противоречия. В этих условиях ключевое значение приобрел вопрос о распределении доходов. По этой причине понимание предмета политэкономии у Д. Рикардо связано с *теорией распределения*. Главной задачей политэкономии является определение законов, управляющих распределением продуктов труда между тремя классами общества – землевладельцами, капиталистами и рабочими.

Но это не значит, что Д. Рикардо отрицал решающую роль производства в экономике. В качестве исходного пункта исследования у Д. Рикардо выступает теория трудовой стоимости. С позиции этой теории он пытался преодолеть присущий А. Смиту дуализм в трактовке целого ряда экономических явлений (стоимость, зарплата, прибыль, рента) и создать на этой основе монистически стройную и непротиворечивую теоретическую систему.

Во взглядах Д. Рикардо нашла полное выражение система классической политэкономии:

- стремление проникнуть вглубь экономики с помощью метода научной абстракции;
- понимание объективного характера экономических законов;
- теория трудовой стоимости; в стоимость товара Д. Рикардо включает не только стоимость, созданную затраченным трудом, но и стоимость капитала, который участвовал в производстве товаров;
- проблема производства и распределения с точки зрения положения основных классов (капиталисты, наемные рабочие и земельные собственники);
- анализ воспроизводства всего общественного капитала;
- механизм рыночного саморегулирования «невидимой рукой» конкуренции;
- максимальное ограничение вмешательства государства в экономику.

Образцом классической политэкономии является *марксизм*.

Марксизм возник не на голом месте, в своем развитии и утверждении он опирался на достижения науки. Марксизм питали немецкая философия Гегеля, классическая политэкономия Смита и Рикардо, учение французских социалистов-утопистов. В результате

марксизм стал целостной системой научных знаний, включающей философию, политическую экономию и научный социализм, которые образуют стороны единого научного мировоззрения.

В стройной системе научных взглядов К. Маркса особое место занимает его *экономическое учение*.

Какие особенности марксизма делают его образцом классической политэкономии?

Во-первых, Марксова логика исследования, с помощью которой усилия человеческого ума превращались в творческую лабораторию, в которой рождалась система логических доказательств, обладающая строгостью математической формулы. Методология К. Маркса – это диалектический материализм, а развитие общества, согласно его теории, есть естественно-исторический процесс.

Во-вторых, научно-экономическая культура К. Маркса, позволившая представить миру цельную по охвату и емкую по смыслу картину экономической реальности. «Капитал» К. Маркса до сих пор остается лучшим образцом раскрытия законов движения капиталистического способа производства.

В-третьих, присутствие в научном анализе К. Маркса социального начала, помогающего раскрыть глубинную сущность происходящих явлений, т.е. не только отразить, но и объяснить экономическую реальность. Для марксизма характерна тенденция к синтезу экономической теории и других социальных наук. К. Маркс ассимилировал теорию и практику, экономику и политику, доказав свою научную многогранность.

В-четвертых, количественные и качественные методы анализа К. Маркса, нашедшие выражение в динамичном подходе к рыночной экономике. Одно из важнейших доказательств эволюционного принципа анализа экономических явлений, изучение их в развитии – Марксова теория циклического развития, показавшая, что экономический цикл есть форма движения рыночной экономики, ее роста и развития.

Другое доказательство – Марксова концепция трех стадий развития капитализма (простая кооперация, мануфактура и крупное машинное производство) и его учение о техническом и органическом строении капитала, доказавшие, что производительные силы являются революционным элементом способа производства.

В-пятых, именно К. Маркс вдохновил ученых на использование математики в экономическом анализе. Его тезис о точности научных выводов при условии обогащения анализа математическим аппаратом нашел яркое подтверждение в теории общего рыночного равновесия: знаменитые схемы простого и расширенного воспроизводства выявили закономерности выравнивания спроса и предложения, производства и потребления, накопления и потребления.

В-шестых, К. Маркс обосновал наличие в капиталистическом обществе противоречий, которые особенно ярко обнаруживаются в безработице, циклических колебаниях, росте богатства и бедности. Противоречия, отмечает К. Маркс, присущи самой рыночной системе, через их частичное разрешение происходит движение капиталистической экономики.

Вместе с тем теория К. Маркса имела идеологическую заданность и политическую направленность. Научное обоснование исторически преходящего характера капитализма и классовой борьбы как формы разрешения противоречий капиталистического способа производства дали основание долгие годы замалчивать марксистское учение как несостоятельное.

Однако, экономическая наука – это общественная наука, поэтому ее идеи не нейтральны к объекту исследования (экономическим отношениям между людьми), как это бывает в физике или химии. Поскольку сам объект анализа включен в социальные процессы, он несет идеологический заряд. Более того, если экономическая теория не просто отражает, а объясняет происходящие процессы в обществе, она может быть использована для установления определенной идеологии в обществе, с помощью которой реализуется ее объясняющая функция. В этом смысле можно говорить об идеологическом начале в марксизме, когда факты действительности не говорят сами за себя, а отражают проведение в жизнь государством определенной экономической идеологии.

Все эти особенности марксизма как экономического учения позволили занять ему достойное место в едином ряду различных направлений экономической мысли.

«В науке нет широкой столбовой дороги, – писал К. Маркс. – И только тот достигнет ее сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по ее каменистым тропам».

Сияющей вершиной марксизма, трудом всей жизни К. Маркса стало его произведение – «Капитал» (в трех томах), а понятие «капитал» превратилось в главную категорию марксизма. Первый том «Капитала» вышел в свет в 1867 г., два других были опубликованы уже после смерти К. Маркса, благодаря огромной работе над ними Ф. Энгельса. «Капитал» имеет подзаголовок «Критика политической экономии».

Цель, которую поставил К. Маркс при создании «Капитала», – показать основной закон движения капиталистического общества. Достижение этой цели стало возможным благодаря: во-первых, материалистическому пониманию истории; во-вторых, разработанной К. Марксом теории прибавочной стоимости, которая является краеугольным камнем всей его экономической теории.

Структура «Капитала» логична и носит законченный характер. Первый том посвящен анализу законов капитализма в сфере производства, второй – анализу законов развития в сфере обращения, третий – анализу законов воспроизводства (производства и обращения в единстве).

Анализируя сферу *производства*, К. Маркс вскрывает глубинную сущность производственных процессов. Анализ всех производственных процессов базируется на его учении о *двойственном характере труда*, которое сам К. Маркс называет самым лучшим, что есть в «Капитале». Учение о двойственном характере труда проходит красной нитью через все темы первого тома «Капитала».

Двойственный характер труда означает, что труд в товарном производстве является одновременно конкретным (частным) и абстрактным (общественным). *Конкретный труд* – это целесообразная деятельность человека, направленная на создание определенной потребительной стоимости. В товарном производстве, основанном на частной собственности, он выступает как частный труд. *Абстрактный труд* – это общечеловеческий (затраты мускулов, энергии, мозга), общественный труд, отвлеченный от его конкретной формы. Абстрактный труд является мерилем разных конкретных частных видов труда, сводя их к единому общественному труду. В результате все товары как единство потребительной стоимости и стоимости становятся качественно сравнимыми и количественно соизмеримыми. Стоимость и есть общественный абстрактный труд. В условиях рыночной экономики общественный характер труда

скрыт в силу частной собственности и проявляется только на рынке через абстрактный труд.

Учение о двойственном характере труда позволило К. Марксу раскрыть категорию прибавочной стоимости. *Прибавочная стоимость* создается абстрактным общественным трудом и выступает как неоплаченный труд рабочего. Категория прибавочной стоимости связана у К. Маркса с *особым товаром – рабочей силой*, способным создавать стоимость большую, чем стоимость рабочей силы. В необходимое рабочее время рабочий создает себе стоимость на жизнь (заработная плата), а в прибавочное время – прибавочную стоимость, присваиваемую капиталистом. Следовательно, прибавочная стоимость выступает как результат эксплуатации рабочего, который бесплатно работает на капиталиста.

На основе теории прибавочной стоимости К. Маркс раскрыл категорию *капитал* как самовозрастающую стоимость, выражающую отношения эксплуатации, а на базе учения о двойственном характере труда – структуру капитала по принципу участия в создании стоимости: постоянный и переменный капитал. *Постоянный капитал* (с) – это капитал, который в процессе производства не меняет своей величины. Конкретным трудом рабочего он сохраняется и переносится на готовый продукт. *Переменный капитал* (v) в процессе производства увеличивается благодаря абстрактному труду рабочего, который не только воспроизводит стоимость рабочей силы, но и создает новую (добавочную) стоимость (m). Деление капитала на постоянный и переменный раскрывает двойственную природу стоимости товара, состоящей из старой стоимости (с) и новой стоимости (v+m). В результате стоимость созданного товара выражается так: $T = c + v + m$.

Капитал в своем существовании постоянно увеличивается за счет прибавочной стоимости, одна часть которой идет на рост постоянного, а другая – на рост переменного капитала. Возрастание капитала за счет прибавочной стоимости называется *накоплением капитала*. Накопление капитала сопровождается изменением его структуры, которая у К. Маркса представлена также двойственно: *стоимостным* и *техническим* строением капитала. Взаимосвязь стоимостного и технического строения капитала выступает как *органическое строение* капитала.

Органическое строение капитала – это стоимостное строение, изменяющееся в зависимости от технического строения капитала. К. Маркс показал, что технический прогресс, характерный для капитализма, вызывает изменение структуры капитала: все больше средств идет на постоянный капитал и относительно меньше – на переменный капитал. Такое состояние К. Маркс называет *ростом органического строения капитала*.

С накоплением капитала связывает К. Маркс и образование безработицы. Спрос на рабочую силу определяется не всем капиталом, а только его переменной частью, которая уменьшается, образуя излишнюю рабочую силу относительно роста накопления капитала. Безработица выступает неизбежным спутником капитализма.

Рост накопления капитала сопровождается поляризацией общества: на одном полюсе растет богатство в руках класса капиталистов, на другом полюсе – увеличивается безработица и ухудшается положение широких слоев населения. К. Маркс назвал это *всеобщим законом капиталистического накопления*.

Общий вывод, который вытекает из анализа законов капиталистического производства, накопление капитала в буржуазном обществе создает предпосылки замены его новым, лишенным эксплуатации обществом. В этом К. Маркс видел *историческую тенденцию капиталистического накопления*.

Раскрытие законов движения в *сфере обращения* К. Маркс начинает с главной мысли: капитал существует, пока *движется*. Затем рассматривается *общественный капитал* как совокупность индивидуальных капиталов в их взаимосвязи и взаимозависимости. Общественный капитал выступает в двух формах: стоимостной и натуральной (в виде средств производства и средств потребления). Поэтому в каждый данный момент движения общественный капитал представлен и стоимостной формой, и натуральной.

Движение капитала – это *кругооборот капитала*, т.е. постоянное прохождение капитала через сферы обращения, производства и снова обращения, и соответственно смена капиталом своей формы: денежная форма сменяется производительной, производительная – товарной. Постоянное повторение кругооборота капитала есть *оборот* капитала. Каждая форма капитала выполняет свою функцию, а движение капитала представляется единством сферы произ-

водства и сферы обращения. Следовательно, повторение процессов производства и обращения и есть *воспроизводство* капитала. Другими словами, воспроизводство капитала предстает как беспрепятственный кругооборот общественного капитала в сфере производства и обращения и соответственно беспрепятственное превращение одной формы капитала в другую.

В силу стихийного, конкурентного рынка наибольшую сложность представляет движение капитала в сфере обращения. Поэтому проблема воспроизводства сводится к проблеме *реализации*.

Чтобы весь совокупный общественный продукт (СОП) нашел своих потребителей (производительных и личных), необходимо, чтобы все части продукта были возмещены и по стоимости, и по натуре. Возмещение всех частей СОП по стоимости и по натуре и есть *реализация* продукта.

К. Маркс рассматривает условия реализации СОП в капиталистическом обществе на примере схем простого и расширенного воспроизводства.

Марксистская теория макроэкономического равновесия означает, что для бесперебойного функционирования процесса производства должны соблюдаться строгие *пропорции* выпуска многообразных товаров, чтобы произведенные продукты покрывали все запросы предпринимателей и рабочих и давали возможность расширять производство. Другими словами, в общественном воспроизводстве должно быть равновесие между элементами стоимости совокупного общественного продукта и между его различными частями по натуральной (функциональной) форме, т.е. между двумя подразделениями общественного производства.

Пропорции между двумя подразделениями общественного производства обеспечивают воспроизводство общественного капитала и, следовательно, равновесие на макроуровне.

С помощью схем воспроизводства К. Маркс показал принципиальную возможность реализации всего капиталистически произведенного продукта. Однако в условиях стихии и конкуренции пропорции между I и II подразделениями общественного производства и внутри обоих подразделений постоянно нарушаются, что ведет к обострению проблемы реализации товаров и углублению противоречий капитализма.

Проблемы III тома «Капитала» – это *проблемы воспроизводства*, когда в единстве рассматриваются сферы производства и обращения. Из этого следует, что, во-первых, все категории капитализма выступают как *превращенные* (сфера производства – сущность, сфера обращения – явление). Во-вторых, воспроизводство общественного капитала предполагает движение через все воспроизводственные стадии: производство, обращение, распределение и потребление. Поэтому главные категории «Капитала» – прибавочная стоимость и капитал – приобретают превращенную и конкретную форму: прибавочная стоимость – прибыль, процент, рента; капитал – промышленный, ссудный, земельный. Норма прибавочной стоимости, отражающая степень эксплуатации рабочих ($m' = m/v\%$), дополняется у К. Маркса нормой прибыли, показывающей рентабельность, прибыльность предприятия ($p' = p/k\%$).

Рассматривая действие основного закона капитализма (погоня за прибылью), К. Маркс вскрывает внутренние противоречия капиталистической системы, приводящие к расширению масштабов производства и одновременно относительному сокращению платежеспособного спроса населения. Этому способствует функционирование всех форм капитала, а также тенденция нормы прибыли к падению. В результате создаются условия для экономических кризисов, которые К. Маркс рассматривает как механизм установления пропорций в капиталистическом обществе. Таким образом, реальная возможность кризисов превращается в действительную картину циклического развития рыночной экономики.

Общий вывод К. Маркса – капитализм усиливает напряженность в обществе и обостряет противоречия рыночной системы (норма эксплуатации, безработица, низкий уровень жизни трудящихся). Поэтому сущность капиталистического способа производства – это исторически определенная форма общественного производства.

Таким образом, по сравнению с классической школой марксизм представил принципиально иной подход к трактовке *предмета политэкономии*. Исходя из диалектико-материалистической концепции К. Маркс установил, что в основе естественно-исторического процесса лежит развитие материального производства, определяющего в конечном счете социальную, политическую и духовную сферы общественной жизни. Из всей совокупности общественных

отношений основными, определяющими остальные области общественной жизни, являются производственные отношения. А производство материальных благ играет решающую роль по отношению к распределению, обмену и потреблению. Вся совокупность этих отношений есть форма развития производительных сил.

Следовательно, впервые в истории экономической науки было проведено четкое разграничение материально-вещественного содержания производства и его общественной формы, т.е. производительных сил и производственных отношений. А в качестве *предмета* политэкономии марксизм рассматривает исторически определенные *производственные отношения* в их органической взаимосвязи с достигнутой степенью производительных сил или, что тоже самое, исторически определенные *способы производства*, опирающиеся на достигнутую степень производительных сил и характеризующиеся специфическим типом производственных отношений.

Глава 2

ТЕОРИЯ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ НЕОКЛАССИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

В последней трети XIX в. и первые десятилетия XX в. ученые экономисты Запада работали над созданием новой теории производства и распределения взамен старой, классической теории. Они взяли на вооружение идеи *экономического либерализма* классиков и создали свою систему методологических принципов и теоретических взглядов, получившую название *новой классики*.

Яркими представителями новой классики явились: в Англии – У. Джевонс, Ф. Эджуорт, А. Маршалл, А. Пигу; в Австрии – К. Менгер, Ф. фон Визер, Е. фон Бем-Баверк; в Швейцарии – Л. Вальрас; в США – Дж. Кларк; в Швеции – К. Виксель. Усилиями этих и других экономистов была разработана теория, которая стала называться «неоклассическим экономическим анализом». В результате возникла *вторая* (после А. Смита и Д. Рикардо) классическая ситуация в политэкономии.

Неоклассическая теория подвергла пересмотру все основополагающие понятия классической политэкономии: *стоимость, цена, издержки производства, капитал, богатство, основные виды доходов, благосостояние* и др.

Пересмотр важнейших понятий политической экономии базировался на двух главных основаниях:

- *методологическом* – исследование основных категорий товарно-денежного хозяйства осуществлялось с позиции *предельных приращений* (принцип маржинализма). Принцип маржинализма открыл дорогу применению математических методов в экономике, имел огромное значение для прогресса техники экономического анализа;
- *сущностном* (содержательном) – следуя концепции «экономического человека», неоклассики сместили акценты и в центр исследования поставили не объективные факторы («естественный порядок»), а *субъективные мотивировки экономического*

поведения индивидуума. Экономическая теория повернулась лицом к человеку – производителю и потребителю.

Это был принципиально новый подход к исследованию экономических явлений, получивший название в теории – *субъективизм*. Что двигает людьми в экономической сфере? Каковы объективные следствия этих побудительных причин? Описать модели экономического поведения людей – вот главная задача неоклассиков.

Новый подход в неоклассической науке начинается с нового взгляда на *предмет* исследуемой проблемы.

Неоклассики обратили внимание на то, что одно и то же количество труда и капитала можно использовать по-разному (этого не видели классики). Следовательно, имеется не один, а несколько способов направления и использования имеющихся ресурсов. И задача состоит в том, чтобы из нескольких конкурирующих способов выбрать один, при котором функция оценки является максимальной. Проблема *рационального выбора* и составила главный *предмет* исследований неоклассиков.

В своих исследованиях неоклассики показывают, как действует автоматический механизм «невидимой руки». В центре внимания у них проблемы равновесия и эффективности экономики, которые достигаются с помощью конкуренции. Поэтому основное внимание у неоклассиков уделено поиску оптимальных результатов при ограниченных ресурсах.

Новое понимание предмета исследования превратило экономическую теорию в науку совершенно иного типа. Экономическая наука получила новое название – *экономикс* (от англ. *economics*) – *экономическая теория* (вместо политической экономии). И это не было простым переименованием. Многие экономисты того времени (У. Джевонс, Л. Вальрас и др.) создавали чистую экономическую науку, наподобие физики, очистив ее от социальных и политических отношений. Экономическая наука как бы разделилась на политическую, социальную и теоретическую. Именно теоретическая наука и предполагала исследование механизма рыночной экономики. Это так называемая *чистая экономическая теория*, стоящая на трех китах:

- использованию предельных величин;
- применению математических методов;
- определении критерия оптимальности.

Объединенная общим маржиналистским подходом, новая экономическая теория сформировала новую систему взглядов, которая впоследствии получила название «*микроэкономический анализ*». Все исследования, проводимые учеными неоклассической школы, осуществлялись на уровне *микроэкономики*.

Поскольку методом изучения рыночной экономики у неоклассиков был *функциональный анализ* (вместо сущностного у классиков), то их исследуемые проблемы – это проблемы *механизма* рыночной экономики, внешних проявлений сущностных процессов. Поэтому не случайно, что краеугольным камнем неоклассической системы является *теория цен* (а не стоимости, как у классиков).

Первым шагом в разработке теории цен является *теория предельной полезности* (У. Джевонс, К. Менгер). Согласно этой теории, общая полезность товара для потребителя возрастает вместе с каждым приращением у него запаса данного товара, но не с той скоростью, с какой увеличивается его запас. Поэтому полезность каждого прироста этого товара уменьшается с каждым новым приростом имеющегося у покупателя запаса. Предельная полезность товара для покупателя есть полезность предельной покупки. Ценовое выражение предельной полезности товара означает: чем большим количеством какого-либо товара обладает покупатель, тем меньше цена, которую он готов уплатить за дополнительное его количество. Предельная цена спроса снижается. Поэтому потребитель будет приобретать данный товар до тех пор, пока предельная полезность последней покупки не сравняется с ценой товара.

Следующий шаг в разработке теории цен – *концепция спроса и предложения А. Маршалла*. Все три параметра рынка (цена, спрос, предложение) А. Маршалл рассматривает вместе, в их взаимодействии. С одной стороны, рыночный механизм, действуя в условиях неограниченной конкуренции, устанавливает зависимость спроса и предложения от цены. С другой стороны – рыночная система работает в противоположном направлении, определяя движение цены соотношениями спроса и предложения. Воздействие спроса и предложения на цену значительно меняется в зависимости от продолжительности отрезков времени. В рамках *краткосрочного периода* приоритет ценообразующего фактора получает *спрос*, ибо предложение более инерционно, не поспевает за постоянными колебаниями

ми спроса. В *долгосрочный период* роль основной ценообразующей силы переходит к *предложению* и связанным с ним денежным издержкам производства (заработная плата, процент на денежный капитал и предпринимательский доход), поскольку именно производство определяет движение потребностей, которые затем выступают в виде предельных полезностей и спроса.

А. Маршалл соединил теорию предельной полезности с теорией издержек производства. Ни спрос, ни предложение не имеют приоритета с точки зрения определения цен, являясь равноправными элементами механизма рыночного ценообразования. Предельные величины потребления и спроса выступают и на стороне производства и предложения. «Мы могли бы с равным основанием спорить о том, – говорит А. Маршалл, – регулируется ли стоимость полезностью или издержками производства, как и о том, разрезает ли кусок бумаги верхнее или нижнее лезвие ножниц». На основе этого А. Маршалл дал теоретическое объяснение рыночного механизма ценообразования.

Рынок у А. Маршалла предстает как особый механизм сопоставления полезного эффекта продукта с затратами на его производство. Рыночная цена обеспечивает совпадение интересов потребителей и производителей или равенство производства и потребления. Это равновесие *на рынке продуктов* есть *частичное равновесие*. Неоклассики раскрыли условия частичного равновесия: колебание цен под воздействием спроса и предложения. Система гибких цен направляет ресурсы в нужные обществу отрасли и обеспечивает их эффективное использование.

Теорию частичного равновесия А. Маршалла дополнила теория *общего рыночного равновесия* Л. Вальраса. Суть ее состоит в том, что:

- издержки производства, доходы, оценки товаров на рынке, спрос, предложение, объемы производства и размеры покупок – все определяется на рынке совместно и одновременно;
- главным регулирующим механизмом достижения общего равновесия являются цены. Если равновесие нарушается, то изменяется структура цен и равновесие восстанавливается;
- в заданных условиях совокупная сумма спроса в экономике по стоимости всегда будет равна совокупной сумме предложения ($\Sigma S = \Sigma D$). Это закон *общего равновесия* Л. Вальраса.

Таким образом, теория общего равновесия доказывает, что рыночный механизм при неизменных исходных условиях и совершенной конкуренции способен достичь оптимального распределения ресурсов, когда обеспечивается максимально высокий уровень удовлетворения потребностей.

Теория Л. Вальраса дала новый импульс для изучения *проблемы благосостояния*, поставленной еще А. Смитом.

В этой связи представляет интерес экономическая *теория благосостояния В. Парето*. Она базируется на *модели рационального индивидуального поведения*. Суть этой модели состоит в том, что каждый субъект рыночной системы стремится оптимизировать свое благосостояние, добываясь максимальной выгоды при минимальных затратах. При этом он руководствуется исключительно *субъективными* оценками параметров собственного благосостояния.

Для каждого субъекта существует индивидуальная функция полезности, характеризующая их предпочтение. Отражение всех индивидуальных функций полезности на уровне народного хозяйства представляет собой функцию социального благосостояния. Значит, *социальное благосостояние* – это все индивидуальные функции полезности.

В. Парето определил условия роста максимального благосостояния, которые известны в экономической литературе как *критерий Парето*. Суть критерия Парето заключается в следующем: если любое изменение в распределении ресурсов увеличивает благосостояние минимум одного человека без снижения благосостояния всех других людей, то такое изменение увеличивает социальное благосостояние.

Основной вывод из всех теорий неоклассиков означает, что конкурентный рынок без вмешательства государства оптимально использует ресурсы и результаты производства.

Итогом исследования неоклассиков явилось создание модели *саморегулируемой и саморазвивающейся* рыночной экономики. Эта модель отражала рыночный механизм в условиях совершенной конкуренции и характеризовала *микроэкономический* подход к национальной экономике.

Механизм саморегулирования, приводящий в соответствие расходы и доходы и поддерживающий полный объем производства и полную занятость в экономике, реализуется по двум каналам:

- через гибкие товарный цены и гибкую заработную плату;
- через процентную ставку, изменение которой обеспечивает равенство сбережений и инвестиций.

Спад производства и снижение занятости (безработица) возможны под воздействием каких-либо *внешних факторов*, но это не будет длиться долго. Цены, заработная плата, процентные ставки являются гибкими, и они вернут экономику в равновесное состояние, когда рабочая сила будет полностью занята и все, что произведено, продано. Следовательно, экономика свободной конкуренции внутренне устойчива и нет необходимости государственного регулирования.

Таким образом, неоклассики создали модель «экономики без трений».

Но неоклассическая теория содержала в себе идеи, которые грозили ее разрушить. Они получили название «недостаточность рынка», или ограниченность рыночного механизма. К явлениям, которые не попадали под модель «совершенной конкуренции», относились *монополии*, *внешние эффекты* (экстерналии), *публичные блага* (общественные товары). Существование этих явлений могло быть причиной «сбоев рынка».

Монополия как следствие возрастающей отдачи от масштабов производства, означает контроль над ценами и тем разрушает рыночный механизм. В условиях несовершенной конкуренции необходимо государственное вмешательство в форме антимонопольной политики государства, системы налогов и субсидий, национализации. Важнейшей функцией государства, способствующей сохранению и поддержанию рыночной среды, является антимонопольная политика.

Внешние эффекты – это издержки или выгоды от рыночных операций, не отраженные в ценах и воздействующие на третьи лица, которые не участвуют в рыночных сделках. Внешний эффект бывает *положительный*, если третье лицо получило выигрыш бесплатно. *Отрицательный* внешний эффект, когда третье лицо получает ущерб.

Существование «внешних эффектов» приводит к тому, что стоимость предельного общественного чистого продукта не совпадает со стоимостью предельного частного чистого продукта. Это нарушает рыночное равновесие и обуславливает неоптимальное (с точки зрения благосостояния) распределение ресурсов. Отсюда сбой в рыночном механизме.

Тогда одной из важнейших задач государства становится выявление социально значимых «внешних эффектов», их денежное измерение и принятие решений, компенсирующих несовершенство рыночной системы.

Государство разрабатывает систему так называемых *корректирующих налогов* и *субсидий*, чтобы привести в соответствие стоимость предельных частных чистых продуктов и предельных общественных чистых продуктов.

Корректирующий налог используется при *отрицательных* «внешних эффектах», когда предельные частные издержки меньше предельных общественных издержек. Общество проигрывает, так как производится продуктов больше, чем необходимо. В условиях свободной конкуренции корректирующий налог увеличивает цену товаров, пока она не станет равной предельным общественным издержкам. Следовательно, корректирующий налог – это компенсация за нанесенный обществу ущерб. Его называют «*налог Пигу*».

Корректирующие субсидии используются при *положительных* «внешних эффектах». Корректирующие субсидии – это платеж потребителям или производителем товара, потребление которого создает положительный «внешний эффект». Оплачивают эти субсидии через налоги те, кто использует положительный эффект.

В оптимальном варианте государственное решение не ущемляет индивидуальные интересы. Это – перераспределение доходов в пользу тех, кто несет не учтенные рынком издержки или «не добывает» частный предельный продукт. Это рост их индивидуального благосостояния.

Такая экономическая политика удовлетворяет *критерию Парето* и увеличивает *социальное благосостояние*. Но это происходит лишь при оптимальном государственном решении. В практике существуют большие сложности. Это выражается в том, что для принятия государственных решений часто трудно получить информацию, определить и измерить «внешние эффекты». Следовательно, на практике государственные меры по выявлению «внешних эффектов» не являются оптимальными.

Общественные товары – это товары коллективного пользования, в потреблении которых участвуют все граждане, даже если они их не оплачивают. К ним относятся национальная оборона, конт-

роль за загрязнением окружающей среды, общественные водопровод и канализация, охрана общественного порядка.

Общественные товары обладают двумя признаками, действующими в совокупности:

- *коллективное потребление и неисключаемость из потребления;*
- *равное потребление.*

Поскольку люди потребляют эти товары в равных количествах, независимо от того, оплачивают они их или нет, то рынок не может обеспечить их поставку в эффективных объемах. Обеспечение населения общественными товарами берет на себя государство, участвуя в рыночной экономике.

Особое место в этой проблеме занимает вопрос *платности*. Для общественного товара существует одна цена – *налог*. Но как он должен быть распределен между людьми, если потребление одинаковое?

В основе налогообложения лежит принцип *равной предельной жертвы*, означающий, что каждый должен в одинаковой степени ощутить урон от налогообложения, независимо от дохода. Этот принцип лучше всего реализуется в *прогрессивной* шкале налогообложения. Наиболее последовательно принцип прогрессивного налогообложения отстаивал К. Висксель. Он получил название *критерий распределения налогового бремени Вискселя*.

Таким образом, концепция общественных товаров устанавливает связь между коллективными потребностями и государственной политикой.

Подводя итоги анализа неоклассической теории, отметим следующее:

– *экономикс* – это не общетеоретическая, а скорее *функциональная наука*. Она ограничивается исключительно изучением *внешних функциональных связей* рыночной экономики. Следовательно, неоклассики ослабили мировоззренческий, философский, социологический, исторический подход к рассмотрению предмета экономической теории и формированию ее содержания. В действительности, только теоретический анализ с использованием *сущностных категорий*, наполненных смысловым богатством, может усилить познавательную роль экономической теории;

– изучение функциональных связей рыночной экономики неоклассики осуществляют на различных уровнях. В экономикс обычно выделяют два больших раздела: *микроэкономiku* и *макроэкономiku*. Микроэкономика имеет дела с деятельностью отдельных хозяйствующих субъектов (потребители, фирмы, домохозяйства). Макроэкономика изучает экономику в целом как единую хозяйственную систему. Но разграничение двух разделов не является абсолютным, границы между ними все больше размываются. Плодотворное изучение микроэкономики предполагает знание макроэкономических проблем, а изучение макроэкономики невозможно без знания микроэкономических проблем. Поэтому деление экономикс на два раздела является в некотором роде искусственным;

– неоклассический метод экономического анализа – это отображение внешних функциональных связей, эмпирических количественных зависимостей рыночных процессов посредством графиков, таблиц, схем, математических формул (включая элементы дифференциального и интегрального счисления). Математические приемы (без содержательного раскрытия рыночных процессов) позволяют описывать только результаты, а не сами рыночные процессы. Вследствие чрезмерной математизации излагаемого материала игнорируется по существу исследование фундаментальных закономерностей развития экономики, причинно-следственных связей изучаемых явлений, что неизбежно ведет к абстрактным, эклектически противоречивым положениям, оторванным от реальной действительности, которая неизмеримо богаче по содержанию как качественно, так и количественно;

– естественно-научный метод анализа неоклассиков (заимствованный из физики) сказывается на содержании предмета. Статика, равновесие, стабильность (вместо динамики, неравновесия, изменчивости), характерные для неоклассической теории, оказывают селективное воздействие на содержание науки, оставляя на обочине исследование неравновесных процессов. В центре внимания оказываются выявление и формально-логическое отображение условий равновесия. Развитие же экономических систем выступает как смещение от одного равновесия к другому, новому равновесию, которое происходит сразу, скачкообразно;

– между классической политэкономией и неоклассической школой существует качественное отличие, так как неоклассика по существу не имеет собственных фундаментальных основ. С классическим направлением политэкономии неоклассическую школу связывает главным образом приверженность к свободной конкуренции. Но поскольку неоклассическое направление выступает оппонентом теории трудовой стоимости, то оно не может считаться продолжением классического направления.

Политическая экономия – это экономико-философская теория, это философия рыночного хозяйства. По словам М. Туган-Барановского, она имеет два корня. Одной своей стороной экономическая наука соприкасается с шумом и гамом уличного базара или биржи, а другой стороной близка к бесстрастному покою философского созерцания. Задача науки состоит в том, чтобы путем чистого умозрения установить законы взаимодействия и равновесия хозяйственного целого. Такая задача достаточно грандиозна, чтобы увлечь воображение философа. Поэтому величайшими экономистами были люди с широкими философскими интересами и с любовью к абстрактному мышлению¹.

Таким образом, методологические изъяны неоклассической школы вызвали противоречие с содержанием экономической теории, которая перестала соответствовать реальной действительности. Требовались новые идеи, новые теоретические обобщения происходящих в жизни изменений. На экономической ниве появилось *кейнсианство*.

¹ См.: Туган-Барановский М. Очерки из новейшей истории политической экономики и социализма. СПб., 1907. С. 24.

Глава 3

КЕЙНСИАНСКАЯ ТЕОРИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Правильность экономической теории подтверждается прежде всего тем, насколько она соответствует реальной экономической ситуации и способна ли объяснить те проблемы, с которыми сталкивается экономика.

В период кризиса 1929–1933 гг. положения неоклассической школы не имели успеха, так как резко противоречили действительности. В странах Западной Европы и Америки наблюдалось катастрофическое перепроизводство товаров, хроническая безработица была на высоком уровне. В Англии с 1921 по 1939 г. (в течение 19 лет) уровень безработицы постоянно превышал 10%. В период 1931–1933 гг. он составлял 20%, а с 1932 г. по январь 1933 г. – 23%. Безработица превратилась в острейшую проблему рыночной экономики. Неоклассическая школа не могла ответить на вопрос, как сократить безработицу, как выбраться из кризиса. Сама неоклассическая теория попала в кризис. По словам Джоан Робинсон, кризис экономической теории возник из крушения теории, которая не могла объяснить уровень занятости.

Кризис 1930-х годов не был очередным циклическим кризисом перепроизводства, то был кризис самой системы, которая уже не могла функционировать по-старому и нуждалась в глубокой перестройке всего механизма своего регулирования. Новые процессы требовали новых идей, нового теоретического обобщения происходящих изменений.

Вывел из глубокого кризиса западную экономическую теорию Джон Мейнард Кейнс (1883–1946), английский экономист, ученик А. Маршалла. Первая половина XX века представлена формированием экономической системы Дж. Кейнса. Личность Дж. Кейнса, его способности оказались созвучными новым потребностям перестройки экономической теории.

Дж. Кейнс интересовала не только наука, он был склонен к проблемам государственной политики. Большая государственная активность Кейнса и определила новый подход к экономической теории.

Как ученый Дж. Кейнс опубликовал серию книг: «Экономические последствия Версальского мира» (1919), «Трактат о вероятности» (1921), «Пересмотр мирного договора» (1922), «Трактат о денежной реформе» (1923), «Конец Lasser faire» (1926), «Трактат о деньгах» (1930), сборник «Опыт убеждения» (1931), «Общая теория занятости, процента и денег» (1936). Все эти труды Дж. Кейнса были своеобразным ответом на проблемы, которые выдвинула жизнь.

Интересна практическая деятельность Дж. Кейнса: он был председателем крупнейшей страховой компании, управляющим инвестиционной компанией, владельцем еженедельника «Нейшнл», редактором теоретического органа английских экономистов «Экономик джорнэл». К тому же он – покровитель театра, балета, коллекционер, книголюб.

Но особенно многосторонней была политическая карьера Дж. Кейнса. Его первая государственная служба – Департамент по делам Индии Министерства финансов. В Первую мировую войну Дж. Кейнс был советником Министерства финансов. Он принимал участие в подписании Версальского договора. Дж. Кейнс критиковал Версальский договор (написал о нем две книги), был против его подписания. Сказав правительству «Вы делаете безумие», Дж. Кейнс вышел в отставку.

В 1920-х годах Дж. Кейнс занимался проблемами денежного обращения. Когда правительство У. Черчилля вернулось в 1925 г. к золотому стандарту, Дж. Кейнс резко осудил эту политику («Конец Lasser faire»). Во время кризиса 1930-х гг. Дж. Кейнс был членом правительственного комитета по финансам, затем – председателем Экономического совета при правительстве по безработице. В начале Второй мировой войны Дж. Кейнс занимал пост советника Министерства финансов и одного из директоров Английского банка.

Формирование послевоенных валютных отношений (Бреттон-Вудская система), создание Международного валютного фонда (МВФ) и Международного банка реконструкции и развития (МБРР) происходило при активном участии Дж. Кейнса.

Неоклассик А. Пигу в своей книге «Экономическая теория благосостояния» приводит слова Леонарда да Винчи: «Теория – это ге-

нерал, а эксперименты – солдаты». И дальше отмечает: у экономической теории уже есть хорошо обученные генералы, но из-за природы того материала, с которым она работает, заполучить солдат трудно. Таким солдатом в науке стал Дж. Кейнс. Более того, он объединил в одном лице и генерала, и солдата.

Как сам Дж. Кейнс оценивал свою «звезду» на небосклоне экономической теории? В 1924 г. в одной из газетных статей Дж. Кейнс признался, что с точки зрения неоклассической теории его взгляды являются «еретическими»: «Я полагаюсь на государство; я покидаю точку зрения “Laisser faire” – правда без энтузиазма и не потому, что испытываю неуважение к этой старой доброй доктрине, а потому, что, нравится вам это или нет, времена ее успехов миновали».

Критика старомодной политики невмешательства государства в экономическую жизнь пронизывает все работы Дж. Кейнса начиная со второй половины 1920-х годов и завершается созданием новой теории, изложенной в книге «Общая теория занятости, процента и денег».

Экономическая теория Дж. Кейнса есть синтез преемственности и новаторства. Дж. Кейнс подверг критике некоторые основные положения неоклассической теории. В экономической науке это получило название «кейнсианская революция». В чем состоит «кейнсианская революция»?

1. Дж. Кейнс выступил против неоклассического понимания главной задачи и цели экономической науки.

Главная задача и цель экономической науки у неоклассиков состоит в выборе наилучшего из вариантов по использованию ограниченных редких ресурсов, причем редкость выступает в качестве исходного в экономическом анализе. В действительности наблюдались не столько ограниченные ресурсы, сколько переизбыток ресурсов – массовая безработица, недогрузка производственных мощностей, празднующий капитал, непроданные товары и т.д.

Дж. Кейнс считал, что прежде чем искать оптимальный вариант использования редких ресурсов, экономист обязан ответить на вопрос: как от неполной занятости перейти к полной. Следовательно, Дж. Кейнс расширил понимание предмета экономической науки, включив в него анализ *депрессивной экономики*.

2. В отличие от неоклассиков, которые считали цены абсолютно гибкими, Дж. Кейнс говорил об *относительной негибкости цен*. Прежде всего цены реагируют на нарушение равновесия с запозданием: сначала меняются физические объемы производства и только потом – цены. Кроме того, Дж. Кейнс уловил новые сдвиги в механизме ценообразования вследствие монополизации экономики (монополисты-производители и профсоюзы противятся падению цен и заработной платы). Поэтому экономика развивается не так гладко, как представляли неоклассики.

3. Дж. Кейнс был не согласен с положением неоклассиков о совершенстве *ценовой информации*, считая ее *несовершенной*. Поэтому на основании текущих цен нельзя принять оптимальное решение о настоящем и будущем производстве.

4. Дж. Кейнс подверг критике тезис неоклассиков о тождественности условий сбережений и инвестиций. Между инвестициями и сбережениями существует несоответствие, так как, во-первых, субъекты сбережений и инвесторы – разные люди, поэтому и решения о сбережениях и инвестициях принимаются различными группами лиц. Во-вторых, субъекты сбережений и инвесторы руководствуются различными мотивами: например, некоторые сберегают деньги, чтобы сделать крупные покупки, другие – чтобы оплатить жилье, третьи – для утверждения стабильности своего положения. Мотивы инвестиций тоже различны. Поэтому ставка процента не является единственным фактором, учитываемым при величине инвестиций. Другой мотив инвестиций – прибыль, которая увеличивается при росте инвестиций. В-третьих, на денежном рынке сбережения не являются единственным источником инвестиций (как говорят неоклассики), есть и другой источник – кредитные учреждения.

Поэтому планы сбережений и инвестиций не соответствуют друг другу, в результате чего могут происходить колебания общего объема производства, дохода, занятости, цен. Дж. Кейнс сделал вывод о существовании разрыва между сбережением и инвестированием, что приводит к *обострению проблемы реализации*. В результате для рыночной экономики характерно неравновесие.

5. Критикуя закон Сэя ($\Sigma S = \Sigma D$), Дж. Кейнс пришел к выводу, что объем производства национального дохода и его динамика определяются непосредственно не факторами предложения (разме-

рами труда, капитала, их производительностью), а факторами *эффективного* (платежеспособного) *спроса*. Хотя предложение товаров (производство) обеспечивает определенный доход (спрос), но не весь доход может реализовываться, часть его может сберегаться. Это вызывает нарушение в спросе.

6. Недостаточный эффективный спрос приводит, по мнению Дж. Кейнса, к *вынужденной безработице*. Это новый тезис в экономической теории (вынужденная безработица). Неоклассики считали, что в рыночной экономике существует только фрикционная и добровольная безработица.

Несмотря на жесткую критику неоклассической теории, Дж. Кейнс свято верил в саморегулируемый рыночный механизм. Однако он был не согласен с тем, что рыночная система каждый раз автоматически возвращается к равновесию, соответствующему уровню полной занятости. *Полная занятость*, по Дж. Кейнсу, – это *редкое и кратковременное* событие.

7. Дж. Кейнс показал, что рыночная система чаще всего автоматически достигает равновесия на уровне, не соответствующем полной занятости. Следовательно, существует не одна, а *несколько точек*, где система достигает *равновесия*.

8. Дж. Кейнс не отвергал микроанализа неоклассиков, но считал, что в сложившихся условиях его возможности ограничены. Дж. Кейнс стремился к теоретическому объяснению *рыночной экономики в целом* (макроанализ). По его мнению, без макроанализа невозможно обоснование государственного регулирования. В этой связи американский экономист Р. Харрад отмечал: «Кейнс, по-видимому, должен занять постоянное место в истории экономической мысли в качестве первого лица, которое разработало полностью обоснованную теорию того, что мы именуем сейчас макроэкономикой».

Таким образом, особенностью метода Дж. Кейнса является, во-первых, акцент на *макроэкономические показатели* – потоки инвестиций, доходов, нормы сбережений и потребления, потребление и производство в масштабах всего общества. Поэтому его считают одним из основоположников западного макроанализа. Во-вторых, Дж. Кейнс, как и неоклассики, ограничивал свой анализ *короткими периодами*, не рассматривая проблемы экономического роста.

9. Теория Дж. Кейнса весьма *прагматична*. Она тесно связана с толкованием задач государственной политики. Теория Дж. Кейнса сделала поворот от социально нейтральной экономической науки к теории, лежащей в основе формирования политики государства. В результате у экономической науки появилась *практическая функция*. Теория Дж. Кейнса создала почву для государственного вмешательства в экономику.

Главный труд Дж. Кейнса – «Общая теория занятости, процента и денег». Из названия работы видно, что главной у Дж. Кейнса является проблема занятости. В поисках решения проблемы занятости средствами экономической политики государства Дж. Кейнс анализирует причинно-следственные связи на макроуровне и пытается определить на какие переменные величины может оказывать влияние экономическая деятельность государства, чтобы сократить безработицу.

В результате он пришел к выводу, что главным фактором экономики является совокупный спрос. Поэтому основу всей кейнсианской теории составляет *концепция эффективного спроса*.

Совокупный спрос влияет на объем производства, динамику национального дохода, объем занятости. «Перевернулось все вверх дном, и ночь теперь считается днем», – писал в шутовском стихотворении «Плач по экономической теории» американский экономист Д. Бай. Если раньше предполагалось, что наличие экономических ресурсов и эффективность их использования определяют величину реального производства и предложения товаров, а следовательно, и общего уровня национального дохода, то теория Дж. Кейнса сформулировала проблему в точности до наоборот: именно спрос определяет то, сколько будет инвестировано и произведено. Поэтому от уровня колебаний спроса зависит динамика национального дохода и уровень, и колебания занятости.

Основными компонентами совокупного спроса являются *потребление и инвестиции*.

Что влияет на потребление?

Анализ потребления Дж. Кейнса базируется на *основном психологическом законе*, суть которого заключается в следующем: люди склонны увеличивать свое потребление с ростом доходов, но не в той мере, в какой растет доход. Из этого закона следует, что:

- потребление *напрямую* зависит от дохода. Значит, потребление есть функция дохода;
- зависимость потребления от дохода определяется *склонностью к потреблению*, которая изменяется с изменением дохода. Для характеристики этой зависимости Дж. Кейнс вводит понятие – *предельная склонность к потреблению*, которое показывает, на сколько изменится потребление при изменении дохода на единицу. Следовательно, с ростом дохода потребление абсолютно увеличивается, но в меньшей степени, чем доход.

Однако не весь доход используется на потребление, часть его сберегается. С ростом дохода люди меньше потребляют и больше сберегают. Поэтому с ростом дохода доля эффективного спроса, обеспечиваемая личным потреблением, падает. Растущие же сбережения должны поглощаться растущим спросом на инвестиции.

Размер инвестиций Дж. Кейнс считал главным фактором эффективного спроса. Они определяют движение реального производства, дохода и занятости.

Следовательно, в кейнсианской модели *личное потребление* является *зависимой* от дохода и занятости *величиной*, а инвестиции играют роль *независимой переменной* относительно дохода и занятости. В этих условиях проблема состоит в том, чтобы все сбережения перевести в реальные инвестиции, ибо это происходит не автоматически (как у неоклассиков). Поэтому объем эффективного спроса может оказаться недостаточным, чтобы обеспечить полную занятость. Следовательно, кейнсианская теория занятости – это, по существу, теория эффективного спроса.

Стабилизировать положение может *государство*, оказывая воздействие на объем эффективного спроса через активную экономическую политику.

Государство увеличивает совокупный спрос за счет собственных расходов (корректировка исходного потребления) и за счет стимулирования инвестиций – это главное.

Следовательно, основным средством борьбы с безработицей Дж. Кейнс считал повышение эффективного спроса государством. Поэтому особое значение он придавал *инвестициям*. По его мнению, реальный объем инвестиций определяется двумя факторами:

- ожидаемым доходом от капиталовложений, или *предельной эффективностью* капитала, когда уравниваются издержки инвестирования с выручкой от инвестирования;
- нормой процента. Это означает, что предприниматели продолжают инвестирование до тех пор, пока *предельная норма инвестирования* остается выше нормы процента. Чем ниже норма процента, тем оживленней инвестиционный процесс. И наоборот, понижение эффективности капитала до уровня нормы процента способно стать причиной глубоких депрессий.

Стимулирование инвестиций предполагает воздействие государства на ставку процента с целью ее снижения.

Согласно кейнсианской теории, ставка процента формируется на денежном рынке через взаимодействие спроса и предложения денежной массы. Денежная масса через ставку процента и инвестиций оказывает влияние на реальные величины – объем производства (национальный доход) и занятость. Цепь этих функциональных зависимостей можно выразить так:

Денежная масса увеличивается → норма процента снижается → инвестиции растут → занятость и доход растут. Следовательно, через связку «норма процента – инвестиции» Дж. Кейнс увязал движение *реальной и денежной сфер* экономики.

Влияние денежного фактора и ставки процента на движение инвестиций, а следовательно, на уровень дохода и занятости получило свое отражение в так называемой кейнсианской модели *Хикса-Хансена*. Она отражает взаимосвязь между денежной и реальной сферами экономики. При увеличении предложения денег норма процента понизится, что вызовет рост инвестиций и рост национального дохода, который в свою очередь приведет к росту спроса на деньги и т.д. Этот процесс будет продолжаться до тех пор, пока не возникнет новое равновесие товарного и денежного рынка. Колебания в инвестициях вызовут большие изменения в занятости и производстве вследствие действия мультипликационного эффекта.

Термин «мультипликатор» (от лат. *multiplicator* – умножающий) открыт коллегой Дж. Кейнса по Кембриджу Р. Каном. Дж. Кейнс использовал его в своей теории. Мультипликатор у Дж. Кейнса отражает количественную связь между инвестициями и национальным доходом.

Эффект мультипликатора сходен снежному кому: приращение инвестиций увеличивает доход, а рост дохода – потребление, а следовательно, и спрос. Увеличение спроса удовлетворяется за счет новых инвестиций, что приводит к росту дохода и так далее до тех пор, пока не установится новое равновесие, соответствующее новому уровню национального дохода. Итоговое приращение национального дохода оказывается больше первоначальной суммы инвестиций. Другими словами, национальный доход выступает как *умноженная* первоначальная инвестиция.

В итоге общий результат мультипликационного процесса и сама величина мультипликатора зависят от того, в какой пропорции доход разделяется на потребляемую и сберегаемую часть. Чем большая часть дохода потребляется, тем больше доходов будет порождать первоначально израсходованная сумма денег, тем выше конечный прирост всего национального дохода.

Но мультипликатор имеет не только положительные, но и отрицательные последствия. Это выражается в том, что любое экзогенное уменьшение расходов (сокращение инвестиций или государственных расходов, либо повышение налогов) приведет к многократным потерям. Поэтому желательно иметь не очень высокий уровень мультипликатора (США – 2,5).

В целом же концепция мультипликатора (устойчивая постоянная зависимость инвестиций и национального дохода) подвела к мысли о необходимости государственного воздействия на экономическую динамику путем стимулирования инвестиционного спроса.

Дж. Кейнс в своей теории сделал и *практические выводы* для экономической политики государства. Все экономические факторы он делил на три группы:

- *исходные* (заданные) факторы, от которых теория Дж. Кейнса абстрагируется: достигнутый уровень квалификации, количество рабочей силы, технология, степень конкуренции, качество капитальных благ, привычки и вкусы потребителей;
- *независимые* переменные: склонность к потреблению, предельная эффективность, норма процента;
- *зависимые* переменные – объемы занятости и национального дохода.

Задачу государственного вмешательства Дж. Кейнс видел во *влиянии на независимые переменные*, а через их посредничество – на занятость и национальный доход.

Первым, важнейшим фактором повышения эффективного спроса Дж. Кейнс считал *стимулирование инвестиций* путем использования денежно-кредитной и бюджетной политики.

Денежно-кредитная политика – это всемерное понижение ставки процента, чтобы уменьшить нижний предел эффективности будущих капиталовложений и сделать их более привлекательными. По своей сути – это механизм *дешевых денег*, т.е. накачивание экономики денежной массой.

Однако денежно-кредитная политика носит ограниченный характер, поскольку при достаточно низкой норме процента экономика может оказаться в так называемой *ловушке ликвидности*, когда норма процента уменьшаться больше не будет, как бы не увеличивалась денежная масса.

Поэтому политика на денежном рынке должна быть дополнена активной *бюджетной* (фискальной) *политикой*, или «социализацией инвестиций». Она послужит «локомотивом» для частных инвестиций. Под *социализацией инвестиций* Дж. Кейнс понимал активное финансирование, кредитование частных предпринимателей из государственного бюджета. В этих же целях предусматривалась организация государственных закупок.

Второй фактор повышения эффективного спроса – *потребление*. Дж. Кейнс считал, что государству надо проводить мероприятия, направленные на увеличение склонности к потреблению. Главными мероприятиями в этом направлении являются организация общественных работ и потребление государственных служащих. Кроме этих основных мероприятий Дж. Кейнс предлагал перераспределить часть доходов в пользу малоимущих слоев населения и уменьшить таким образом имущественное неравенство.

Итак, смысл труда Дж. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» – создание теоретических основ для решения проблемы хронической безработицы методами активной экономической политики государства. Эта идея аргументируется следующими выводами:

- рыночная экономика внутренне нестабильна вследствие нестабильности частных инвестиций, что вызывает нестабильность дохода и занятости, возможность их длительного и устойчивого отклонения от состояния полной занятости;
- определяющее значение для движения уровня национального дохода и занятости имеет совокупный спрос;
- государственные расходы и налоги призваны компенсировать нестабильность частного сектора, стабилизировать движение дохода и занятости и поддерживать экономический рост благодаря эффекту мультипликации;
- монетарная политика влияет на уровень совокупного спроса через ставку процента;
- фискальная и монетарная политика противоречивы относительно степени их влияния на уровень дохода и занятости;
- экономическая роль государства состоит в формировании наиболее эффективной комбинации мер фискальной и монетарной политики. При этом определяющую роль играет фискальная политика, а монетарная политика является вспомогательной;
- политика маневрирования фискальными и денежными рычагами может совпадать со стихийным движением экономического цикла, удерживая экономику от «перегрева» в фазе подъема и стимулируя ее в случае намечающегося падения производства;
- активная экономическая политика государства имеет своей целью достижение краткосрочной стабилизации дохода и занятости при отсутствии инфляции.

Теория Дж. Кейнса прошла в своем развитии несколько этапов. Особую популярность она получила в послевоенные годы. А в 1950–1960-е гг. вера в возможность с помощью государства решить острые проблемы рыночной экономики утвердилась окончательно. Масштабы государственного регулирования в развитых странах расширились. В результате весь послевоенный период до начала 1970-х годов XX в. вошел в историю как «эпоха Кейнса».

Кейнсианская концепция макроэкономической политики опиралась на большие бюджетные расходы государства. Строго сбалансированный государственный бюджет не соблюдался. Одновременно была разработана теория дефицитного финансирования государ-

ственных расходов за счет эмиссии денег и государственных займов. Это означало новое понимание роли кредитно-денежного регулирования как инструмента, поддерживающего прежде всего бюджетную политику, а не безынфляционную денежную систему. В результате происходит смещение приоритетов в работе центрального банка: кредитно-денежная политика участвует в регулировании эффективного спроса (увеличивает или уменьшает экспансию в период спада и подъема экономики).

Подводя итоги рассмотрения кейнсианской теории экономической политики государства, отметим следующее.

1. Кейнсианская концепция макроэкономической политики не предполагала ситуации «стагфляция».

Стагфляция – это сочетание таких различных кризисных процессов, как падение производства, увеличение безработицы и рост инфляции. Этот «альянс» кризисных явлений есть отражение перенакопления производственного и денежного капитала. Стагфляция означает уменьшение загрузки производственного капитала, превращая производительный капитал в бездействующий. Невозможность полной загрузки производственных мощностей становится существенным фактором роста безработицы. Образуется замкнутый круг: перенакопление производственных мощностей (недогрузка предприятий) стимулирует перенакопление рабочей силы (рост безработицы), что в свою очередь усиливает дальнейший рост недогрузки производственных мощностей. И все это сочетается с ростом цен, ухудшая и без того тяжелое положение широких слоев населения, обостряя социально-экономические проблемы.

Кейнсианская теория, будучи относительно эффективным средством регулирования спроса, и следовательно, кризиса и безработицы, оказалась неэффективной по отношению к инфляции, ибо связанная с механизмом государственного бюджета (увеличением расходной его части), антициклическая политика становилась причиной усиления инфляционных процессов. Дело в том, что важнейшим средством расширения конечного спроса выступает сознательное превышение расходов государственного бюджета над доходами. Государство идет на дефицитность бюджета, чтобы создать дополнительный спрос на товары и услуги. Однако государственный спрос основывается не на реальном повышении платежных

возможностей, а на эмиссии денежных знаков. В результате цены на товары во время кризиса удерживаются на достигнутом уровне и даже повышаются, а фаза подъема, характеризующаяся ростом инвестиционного и потребительского спроса, ведет к дальнейшему росту цен. Новый бюджетный дефицит во время кризиса снова способствует повышению цен. Следовательно, создаются условия для «ползучей», а затем и «галопирующей» инфляции.

Недооценке развития инфляции способствовал и тот факт, что в основе экономической политики государств лежало традиционное представление о несовпадении периодов экономического кризиса и массовой безработицы, что под действием стихийных рыночных сил безработица и инфляция вытесняют друг друга. Теоретическую базу такого представления составлял «новый экономический закон», сформулированный английским экономистом А. Филлипсом и известный в экономической литературе как *кривая Филлипса*. Согласно этому «закону», поскольку безработица сокращает спрос, то уменьшение безработицы влечет за собой инфляцию (под ней понимался рост цен по любым причинам), а падение цен (дефляция) вызывает экономический кризис и рост безработицы. Опираясь на это утверждение, правительства развитых стран направляли свои усилия либо на уменьшение безработицы ценой инфляции, либо на поощрение дефляции ценой безработицы.

Пока инфляция была относительно слаба, экономическая политика государства, основанная на кейнсианских рецептах, имела определенные положительные результаты. Но длительное претворение в жизнь кейнсианских рецептов приводило к внутреннему разладу механизма государственного регулирования. Стагфляция явилась выражением кризиса государственной экономической политики.

2. Бюджетно-налоговые и денежно-кредитные методы, которыми пользуется кейнсианская экономическая политика, не являются независимыми друг от друга. Реализация государственных мер в одной области может оказать влияние на другую. Это выражается прежде всего в «столкновении» антициклической и антиинфляционной направленности рычагов регулирования. Денежно-кредитные методы регулирования, направленные на сдерживание инфляционных процессов, приводят в конечном счете к тому, что денежная масса и особенно скорость обращения денег оказываются все

менее поддающимися воздействию государства. Бюджетно-налоговые рычаги, призванные смягчить циклические колебания путем создания дополнительного спроса на средства производства, предметы потребления и услуги, обуславливают хроническую дефицитность государственного бюджета и рост государственного долга. В результате, преследуя разные цели, и те и другие методы стимулируют рост инфляции.

Вместе с тем антициклические методы (снижение учетной ставки процента, увеличение государственных расходов, снижение налогов), направленные на расширение спроса, ведут к дальнейшему усилению инфляции со всеми экономическими и социальными последствиями. А антиинфляционные меры (повышение учетной ставки, уменьшение государственных расходов, увеличение обязательных резервов банков), направленные на ограничение платежеспособного спроса, способствуют углублению экономического кризиса. В результате антициклические методы противоречат антиинфляционным, поскольку использование бюджетно-налоговых и денежно-кредитных рычагов имеет различную направленность. Поэтому в длительных периодах их применение вызывает новые противоречия.

Регулирующие методы экономической политики государства «сталкиваются» и на разных уровнях их использования – национальном и международном. Методы государственного регулирования ориентированы на национальную экономику, а она в современных условиях все больше становится мировой. Поэтому, функционируя более или менее эффективно на национальном уровне, экономическая политика оказывается неспособной воздействовать на международные процессы (структурные кризисы) и процессы, которые принимают международный характер (инфляция).

Таким образом, взаимодействие бюджетно-налоговых и денежно-кредитных методов государственного воздействия на экономику, рассчитанных на краткосрочный период, в длительной перспективе может исказить последствия тех или иных решений государства. Поэтому искусство экономической политики состоит в том, чтобы, во-первых, предвидеть отдаленные результаты принимаемых государством решений; во-вторых, найти компромисс экономических целей, а также правильное сочетание инструментов в достижении этих целей.

В рамках кейнсианской политики предпочтение отдается *смешанной* монетарно-фискальной политике – сравнительно жесткой фискальной политике и легкой монетарной политике. Монетарная политика выполняет роль *приспосабливающейся*, сопровождающей фискальную политику.

3. Кейнсианство нельзя сводить к обоснованию любых форм государственного участия в экономике. Несмотря на то что кейнсианская теория оставляет широкую возможность для выбора вариантов государственного вмешательства в экономику, речь идет о совершенно определенном направлении: экономическая политика осуществляется в рамках воздействия на совокупный спрос, складывающийся из потребления и инвестиций и государственных расходов.

4. История кейнсианства – это история непрерывного развития, приспособления к меняющейся действительности, поисков и уточнений как в области теоретического анализа, так и в практической политике. Кейнсианство прошло этап «неоклассического синтеза», когда была предпринята попытка формально объединить кейнсианскую теорию с неоклассической. На основе категорий кейнсианского анализа были созданы некейнсианские теории циклического развития экономики и теории экономического роста. Сегодня кейнсианство развивается в новом облике, получившем название посткейнсианство. Оно оказалось органически связанным с нынешними реалиями экономического развития.

Через революции и контрреволюции кейнсианство переживает непрерывный процесс изменений. Но главная идея кейнсианства – необходимость вмешательства государства для стабилизации капиталистической экономики – сохраняет свое непреходящее значение. Однако сегодняшние кейнсианцы признают опасность дальнейшего роста государственных расходов и бюджетных дефицитов. Они видят необходимость бюджетных ограничений и обосновывают важность кредитно-денежной политики. Вместе с тем кейнсианцы ищут и новые способы борьбы с инфляцией, предлагая политику доходов, т.е. добровольные соглашения между предпринимателями и профсоюзами об определенном темпе роста заработной платы, не превышающем рост производительности труда, контроль над ценами естественных монополий и т.п. В этой политике видится возможность одновременного решения проблем занятости и инфляции.

Как видим, политика всегда была прагматичной – такой она и осталась и в своем арсенале по-прежнему сохраняет многие из тех рекомендаций, которые были обоснованы Дж. Кейнсом и его последователями.

Итак, Дж. Кейнс дал теоретическое объяснение рыночной экономики в целом, т.е. раскрыл сущностные причинно-следственные связи на макроуровне. Он показал, что конкурентно-рыночный механизм не решает всех вопросов рыночного хозяйства. Есть немало социально-экономических проблем, неподвластных рынку (в частности, макроэкономическое регулирование экономики с целью ее стабилизации). Этими проблемами занимается *государство*.

Государство интегрируется в рыночное хозяйство. Появляется *смешанная* система, характеризующаяся динамизмом рыночной экономики, ее социальной ориентацией, направляемой государством. Современное рыночное хозяйство индустриально-развитых стран – это смешанная экономика.

Однако государство как сознательный субъект должно осуществлять свои функции осторожно, чтобы в рыночном механизме не было сбоев. Оно должно постоянно контролировать результаты регулирования, т.е. государственная деятельность не должна переходить границы, угрожающие рыночному механизму.

На протяжении 1950–1960-х годов экономическая политика государства развитых стран строилась на кейнсианских рецептах теории «эффективного спроса». Основными целями экономической политики государств были: высокий и устойчивые темпы роста экономики, полная занятость, стабильность цен и равновесие платежного баланса («магический четырехугольник»). Успешное продвижение по всем четырем направлениям рассматривалось как наилучшее средство стабилизации экономики.

Но 1970-е годы ознаменовались явлением stagflation, когда ни одна из задач магического четырехугольника» не была выполнена.

Букет всевозможных кризисов (stagflationных циклических 1974–1975 и 1980–1982 гг., структурных – энергетического, сырьевого, продовольственного) показал несостоятельность экономической политики государства, связанной с тем, что теоретическая модель государственного регулирования перестала соответствовать экономической реальности.

В этой ситуации на передний план выходят *неоконсерваторы* с острой критикой государственного вмешательства в экономику, с идеей *дерегулирования* экономики.

Ориентируясь на свободное частное предпринимательство и рыночный механизм, допуская в определенных рамках государственное вмешательство в экономику, неоконсерваторы предлагают использование государством кредитно-денежных и бюджетных рычагов для устойчивого развития на длительное время и создания климата для процветания частного предпринимательства.

По содержанию и структуре неоконсерватизм неоднороден. Он представлен тремя основными концепциями: теорией экономики предложения, монетаризмом и теорией рациональных ожиданий. Но в 1970–1980-е годы самым модным из этих концепций становится монетаризм, поскольку и рейганомика, и тэтчеризм формировались в соответствии с его рецептами.

Глава 4

МОНЕТАРИЗМ

Монетаризм – это концепция развития зрелой рыночной экономики с хорошо отработанным денежным хозяйством. Монетаристы – сторонники конкурентного капитализма, предполагающего организацию экономической деятельности на основе частных предприятий, действующих на свободном рынке.

Определяющую роль в колебательном движении экономики монетаристы отводят *деньгам*. Но монетаризм – наука не только о деньгах. В центре внимания, представителей этой школы (М. Фридмен, Ф. Кейтен, А. Шварц, К. Бруннер, Р. Селдон) находятся денежный механизм, денежно-кредитные инструменты, банковская система, денежно-кредитная политика) и валютные отношения. Монетаристы анализируют эти проблемы, чтобы выявить связь между денежной массой и объемом производства. Поэтому они формулируют специфический подход к регулированию экономики с помощью кредитно-денежных инструментов.

Монетаризм выходит на передний план в 70–80-е годы XX в. как отражение ослабления рыночного механизма и конкуренции, сбоев кейнсианских методов регулирования. Пусть конкуренция расчистит путь для дальнейшего развития, пусть исчезнут слабые, не способные выдержать конкуренцию. Пусть неудачник плачет. Государство же должно заняться регулированием инфляции.

Монетаризм выступает против централизованного контроля над экономической деятельностью. Тем не менее существование свободного рынка не устраняет необходимости во вмешательстве государства. Некоторые сферы экономики не могут развиваться на основе рыночных отношений или могут функционировать только ценой огромных издержек. Речь идет о так называемой *технической монополии* и *эффекте соседа* (действие индивидов, оказывающих воздействие на других индивидов). Государство должно решить проблемы технической монополии, «эффекта соседа», содей-

ствовать конкуренции и обеспечить здоровую финансовую систему. Главным направлением государственной деятельности, способствующим стабильности экономики, является денежная (монетарная) политика.

Ведущим представителем монетаризма является Милтон Фридмен (род. 1912), американский экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике 1976 г., присужденной за исследование в области потребления, истории и теории денег.

Чтобы представить концепцию М. Фридмена, выделим ее исходные положения, разделяемые в той или иной степени сторонниками монетаризма.

Первое – признание устойчивости рыночного хозяйства, основанного на саморегулировании, когда система рыночной конкуренции обеспечивает высокую стабильность, а цены – корректировку в случае нарушения равновесия. Постулат об устойчивости рыночного хозяйства направлен против утверждения Кейнса о необходимости государственного вмешательства, которое нарушает естественный процесс.

Второе – приоритетность денежных факторов, которые способны наилучшим образом обеспечить экономическую стабильность как главную цель регулирования. Это положение М. Фридмена противопоставляет бюджетной политике Кейнса денежно-кредитную политику как достаточно точный, быстрый и предсказуемый по результатам инструмент.

Третье – регулирование должно ориентироваться не на текущие, а на долгосрочные задачи, поскольку последствия колебаний денежной массы сказываются на основных экономических параметрах не сразу, а с некоторым разрывом во времени. Поэтому денежная политика должна носить долгосрочный характер.

Четвертое – необходимость изучения мотивов поведения людей, ибо рынок есть взаимозаинтересованность. На основе такого анализа можно строить прогнозы, а справедливость прогнозов служит проверкой правильности теоретических выводов. М. Фридмен – экономист-математик, предпочитающий точность оценок и формулировок. Теоретические обобщения и «математическое изящество» он стремится сочетать с изучением реальных побуждений людей, с объяснением «наблюдаемого поведения».

На основе этих методологических положений М. Фридена строится денежная политика государства.

Монетарная политика, по Фридмену, балансирует между Сциллой и Харибдой. Сцилла – это автоматически действующий золотой стандарт, Харибда – предоставление власти группе чиновников, собранных вместе в «независимый» центральный банк. Золотой стандарт невозможен и нежелателен. Невозможен, поскольку отсутствуют методика применения и уверенность в успехе. Нежелателен, так как требует больших издержек для добычи золота.

Произвольная денежная политика центрального банка чревата ошибками и способна причинить огромный вред экономике. Перефразировав известного французского политического деятеля Ж. Клемансо, М. Фриден замечает: «Деньги слишком серьезное дело, чтобы оставлять его в руках чиновников центрального банка».

Какой же выход? Монетаризм считает, что денежной системой должен управлять закон, а не люди. Специальное законодательство дает возможность населению осуществлять контроль над денежной политикой, предотвращает подчинение денежной политики прихотям властей.

Балансирование между Сциллой и Харибдой возможно при законодательном установлении основного так называемого *монетарного правила*, предписывающего центральному банку обеспечить постоянную норму роста количества денег. Органы власти, осуществляющие денежно-кредитную политику, ежегодно должны увеличивать количество денег на x процентов, при этом x находится где-то между 3 и 5%.

Визитной карточкой монетаризма является уравнение обмена

$$MV = PQ,$$

где M – количество денег; V – скорость обращения денег; P – уровень цен или средняя цена, по которой продается каждая единица продукта; Q – физический объем товаров и услуг, произведенных в стране.

В левой части уравнения – затраты, в правой – результаты производства. $PQ = \text{ВНП}$, поэтому уравнение можно записать так: $MV = \text{YNP}$, где YNP – валовой национальный продукт.

По мнению монетаристов, величина номинального ВВП зависит от предложения денег. Увеличивая его, государство способствует росту ВВП. Но есть еще один показатель – скорость обращения денег (V). Понятно, что предложение денег (M) может влиять на ВВП предсказуемо, если V остается стабильной. В противном случае возникает высокая степень неопределенности. Монетаристы считают, что скорость обращения денег изменяется, но постепенно и предсказуемо.

В монетарной политике есть свои проблемы. Если V стабильна, то за счет чего происходит рост ВВП – за счет изменения цен или физического объема товаров и услуг? А если изменяются оба показателя, то в какой степени это сказывается на росте ВВП? Что может помешать росту ВВП только за счет ценового фактора? На данные вопросы ответа у монетаристов нет. Из этого следует, что монетарная политика государства должна дополняться другими мерами государственного регулирования (например, фискальной политикой).

В рамках фискальной политики эквивалентом основному монетарному правилу (увеличению неизменными темпами предложения денег) может быть планирование расходов на те цели, которые общество реализует на государственном уровне. Но такое планирование должно осуществляться безотносительно проблемы экономической стабильности. Нужно планировать ставку налогообложения, чтобы покрыть плановые расходы. Следует избегать сумбурных изменений и в государственных расходах, и в налогах.

Монетаристы не признают теорию процента Кейнса, считая, что в долгосрочном плане денежная политика государства не влияет на процентные ставки. Следовательно, и здесь главным для монетаристов являются действия субъектов, предвидящих последствия роста денежной массы и цен.

Монетаристское течение неоконсерваторов связывает проблемы процентной ставки с денежной политикой государства. Монетаристы считают, что спрос на деньги устойчив (у кейнсианцев он неустойчив), поэтому необходимо устойчивое предложение денег. Если государство прибегает к политике «дешевых денег», то это вызывает снижение процентной ставки. Параллельно растет инфляция, которая влияет на ожидания. Предвидя дальнейший рост цен, субъекты рыночной экономики делают покупки сегодня, даже

ценой займа денег. Это приводит к росту спроса на деньги, в результате чего ставка процента возрастает. Новая норма процента уравнивает денежный рынок и чтобы понизить ставку процента, государство снова прибегает к денежной экспансии – так до бесконечности.

Американский ученый, лауреат Нобелевской премии И. Фишер, сформулировал правило зависимости номинальной процентной ставки от уровня инфляции, известное в экономической науке как эффект Фишера. Суть правила такова: рост уровня ожидаемой инфляции ведет к тенденции повышения номинальных процентных ставок. Эффект Фишера не распространяется на долгосрочный период.

Главный вывод монетаристов – в долгосрочном плане денежная политика не влияет на процентные ставки. Отсюда основной денежный закон монетаризма (правило x -процента): темп роста предложения денег должен быть стабилен и должен соответствовать темпу роста спроса на деньги, т.е. темпу роста рационального дохода и ожидаемой инфляции.

$$M_s = M_D = P_A + Y,$$

где M_s – долгосрочный темп роста предложения денег; M_D – долгосрочный темп роста на деньги; P_A – ожидаемая инфляция; Y – изменение национального дохода.

Монетаристы относятся негативно к вмешательству государственных органов в экономические процессы. Они не верят в способность людей воздействовать на экономику. Предложенное ими основное монетарное правило должно использоваться безотносительно складывающейся экономической ситуации. Но в этом случае ответственность за ошибки возлагается на безличное правило, а не на конкретных людей. Однако обществу от этого не легче.

Итак, монетаристы делят экономику на два сектора. *Реальный сектор* – производство и продажа товаров и услуг, здесь должны действовать только рыночные силы. *Денежный сектор* – это сфера деятельности государства. Задача государства – сделать денежный сектор нейтральным по отношению к реальному: снабдить его нужным количеством денег, не более и не менее. Государство не должно заниматься регулированием экономики, поскольку государствен-

ные органы делают ошибки. Монетаристы исповедуют своеобразный агностицизм и неверие в способность людей воздействовать на экономику.

Выход монетаризма на передний край в 1970–1980-е годы можно рассматривать как отражение бед бюрократизации экономики, ослабление рыночного механизма и конкуренции. Монетаризм предложил шоковую терапию для западных стран (Англия, США). М. Фридмен стал экономическим советником программы экономического восстановления Америки. В известных пределах шоковая терапия оздоровила экономику.

Однако господство монетаризма в 1970–1980-е годы не было полным. В теории и практике наблюдался синтез кейнсианства и монетаризма. Американский экономист Л. Туроу отмечал, что «рейгановская администрация доказала, что кейнсианская политика совокупного спроса все еще работает».

В 1990-е годы наметился возврат к кейнсианству. М. Фридмен по этому поводу сказал: «С одной стороны, все мы сегодня кейнсианцы, с другой стороны – никто из нас кейнсианцем не является. Все мы пользуемся языком и аппаратом Дж. Кейнса, но никто из нас не разделяет его первоначальные идеи и выводы».

Это показывает, что в экономической науке нет бесполезных и ненужных идей. Если в экономике не происходит революций, то по крайней мере меняются приоритеты экономического развития, а значит, соотношение рыночных сил и форм государственного регулирования.

Глава 5

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ

Институционализм как течение экономической мысли занимается изучением человеческого поведения и человеческих институтов. Он возник на рубеже XIX–XX вв.

Основателем институционализма был американский экономист и социолог Т. Веблен. В 1899 г. он опубликовал книгу «Теория праздного класса. Экономическое исследование институтов». Т. Веблен считал, что эволюция общественной структуры есть процесс естественного отбора институтов. А фактором перемен является не рынок, а институты, отношения и личности.

По существу, институционалисты выступали за *смешанную* экономику. Ими разрабатывалась идея общественного контроля над предпринимательством, обосновывалась необходимость планирования экономики. Институционалисты различали три ветки государственной власти: законодательную, исполнительную и судебную. Особый интерес они проявляли к юридическим основаниям экономического поведения, ибо право, по их мнению, определяет правило поведения на рынке.

Выводы и рекомендации институционалистов основаны на особенностях их методологии, выражающихся:

- в *междисциплинарном подходе* к рассмотрению экономических процессов с привлечением данных права, социологии, политологии, психологии, этнографии и других наук;
- в *эволюционном принципе*, в анализе экономических явлений, изучении их в развитии;
- в *эмпирическом методе* исследования, конкретном анализе с использованием обширного статистического и фактического материалов.

Развитие институционализма отражало существующую реальность, в которой механизм координации экономических процессов менялся в направлении роста сознательного регулирования.

В 1970-е годы произошло оживление институционального направления экономической мысли. Проблемы экономической теории изучаются при помощи *методов неоклассической школы* (применение аппарата современной микроэкономики и теории игр). Используется *дедуктивный метод анализа* (от общих принципов к конкретным явлениям). Следовательно, институты анализируются на базе единой теории и внутри ее. Применяется принцип *методологического индивидуализма*, когда институты анализируются через интересы и поведение индивидов, которые их используют для координации своих действий. В результате индивиды первичны, а *институты – вторичны*.

Следовательно, вторгаясь в сферу других наук об обществе, институционализм пытается исследовать все общественные отношения с позиции рационально мыслящего «экономического человека». Поэтому любые отношения между людьми рассматриваются через взаимовыгодный обмен. Такой подход называется *контрактным* (договорным). Контракт – это документальное оформление сделки, сама сделка.

Контрактный подход к теории институтов означает, что *институт* – это ряд норм и правил, ограничивающих поведение экономических агентов и упорядочивающих взаимодействие между ними. Нормы и правила всегда дополняются соответствующими механизмами проверки их соблюдения и обеспечения выполнения.

Нормы и правила поведения (институты) характерны тем, что экономят время и усилия на принятие решений: *делай, не думая*, «как все» – и успех если не гарантирован, то хотя бы более вероятен. Но «делай как все» означает также и ограничения на возможности выбора: то, что было бы максимально эффективным, но не соответствует норме, в результате не выбирается. Поэтому нормы, законы, правила, повышая эффективность в одной сфере, могут снижать ее в другой. Следовательно, институционалистов интересует не результат (максимальная полезность для индивидов, прибыль – для фирмы, народное благосостояние – для государства), а непосредственно процесс принятия решений, его условия и предпосылки.

Во взаимоотношениях между людьми существуют внутренняя несогласованность и непоследовательность действий. Общий интерес людей объединяет их в организацию, но средства достижения цели конфликтны. Следовательно, рациональность поведения

человека на индивидуальном уровне воспроизводит нерациональность на социальном уровне. *Социальный конфликт* – это отношение взаимоисключаемости, возникающее между индивидами по поводу некоторого объекта, который обладает ценностью для всех, но не может всеми одновременно использоваться.

Взаимозависимость индивидов требует урегулирования конфликта, установления определенного порядка. Это возможно лишь через введение системы ограничений на поведение людей (обезличенных), а это и есть функция института.

Следовательно, институт выполняет функцию опосредования, носителя компромисса между людьми. В результате набор ограничений в поведении людей расширяется – это не только экономические (доход, цены), но и правовые, этические ограничения.

Но институты – это не только ограничитель поведения людей, но и условия формирования предпочтений экономических агентов. Институт формирует ожидания в отношении поведения других людей и вместе с тем создает *систему правил*, согласованную с собственными интересами.

Правила бывают *формальные*, которые зафиксированы и обеспечены защитой со стороны государства, и *неформальные*, которые не фиксированы, но защищены другими (негосударственными) механизмами. Правила находятся в определенной соподчиненности. Выделяют *конституционные* (политические), *экономические правила* и *контракты*.

Таким образом, обобщающими характеристиками института являются:

- *нормы и правила*, влияющие на поведение людей;
- *принуждение*, применяемое для выполнения норм и правил;
- *посредник* в отношениях между индивидом и обществом.

Институт выполняет функцию *ролевого механизма*, задающего участникам заранее назначенные роли, позволяющего людям согласовывать свои действия, делающего результаты отношений между людьми предсказуемыми. Это превращает институт в особый экономический ресурс общества, который удешевляет экономические сделки, ограничивает расхищение ресурсов, бюрократизацию и коррупцию, смягчает социальную напряженность в обществе.

Возникновение институтов рассматривается институционалистами с двух позиций: *концепции институционального детерминизма* и *концепции спонтанной эволюции*. Первая концепция характерна для раннего институционализма, соответственно которой институты выступают основным препятствием спонтанности развития. Они – важный стабилизирующий фактор, поэтому задают «рамки» всего последующего развития. В этом случае институты возникают в результате спланированных действий людей. Концепция спонтанной эволюции исходит из предположения, что институты возникают в результате действий людей, но не обязательно в результате их осознанной деятельности, а независимо от нее, т.е. спонтанно.

Характеристика института была бы неполной, если бы она не дополнялась понятием *санкции*, которые применяются к нарушителям правил. Поэтому должен быть и механизм выявления нарушений, т.е. *контроль*.

Таким образом, институт отличается от организаций. *Организация* – это совокупность общественно-определенных индивидов, объединенных общей целью. *Институт* – это набор правил, он определяет, что и как будут делать люди, объединенные в организацию, как будут строиться их отношения с внешним миром. Институт – основа, на которой функционирует и эволюционирует организация, а значит, изменяется и сам институт.

Важнейшей частью учения неинституционалистов являются *теория прав собственности* и *теория трансакционных издержек*. Создателем этих теорий стал американский экономист лауреат Нобелевской премии Р. Коуз, доселе неизвестный восьмидесятилетний профессор Чикагского университета.

Когда стало известно о присуждении Нобелевской премии Р. Коузу, самой распространенной реакцией научного мира было недоумение. Люди типа Р. Коуза воспринимались новой порослью экономистов как реликты давно прошедших времен. У него нет формализованных моделей, длинных рядов математических выкладок или хотя бы графиков и диаграмм – обязательных примет науки сегодняшнего дня. «В дни моей молодости, – иронически замечает по этому поводу Р. Коуз, – говаривали, что если глупость слишком велика, чтобы произнести, ее можно спеть. В современной же экономической науке ее можно высказать на языке математики».

Не поражает Р. Коуз и размахом творческой деятельности: его научный авторитет покоится всего на двух статьях, одна из которых – «Природа фирмы» (1937), а другая – «Проблема социальных издержек» (1960).

И тем не менее работы Р. Коуза произвели переворот в видении экономической реальности, послужили источником парадигмального сдвига в современном экономическом анализе. Контрактный подход к теории институтов привел к возникновению междисциплинарной науки: соединение права, экономической теории и организации. Появилось целое семейство новых направлений теоретической мысли: экономика права, теория экономических организаций, теория общественного выбора, новая экономическая история.

Лейтмотив всех работ Р. Коуза составляет мысль, что любая форма социальной организации – рынок, фирма, государство – требует немалых издержек для своего создания и поддержания «на ходу». А отсюда следует: различные социальные институты могут значительно отличаться по уровню и структуре этих издержек; наиболее эффективными оказываются институты, обходящиеся обществу дешевле; искусство экономической политики состоит в отборе наименее дорогостоящих способов координации экономической деятельности.

Следовательно, наряду с производственными издержками существуют *транзакционные издержки* – все издержки, возникающие при совершении сделки.

Транзакционные издержки тесно связаны с *правами собственности*. Права собственности – это совокупность властных прав, санкционированных поведенческих отношений, складывающихся между людьми по поводу использования ими экономических благ («пучок» правомочий). Право собственности может *размываться* путем отделения от него некоторых правомочий и может укрепляться путем добавления к нему новых правомочий (это – *спецификация прав собственности*). Процесс спецификации – размывания прав собственности отражается на *транзакционных издержках*.

Первоначально идея транзакционных издержек была привлечена Р. Коузом для объяснения существования фирмы – «издержки пользования рыночным механизмом». В дальнейшем трактовка Р. Коуза подверглась корректировкам и модификациям (разработкой теории транзакционных издержек занимались в первую очередь Р. Коуз и

О. Уильямсон). В результате понятие «транзакционные издержки» приобрело огромную аналитическую значимость: они стали центральной объясняющей категорией всего институционального анализа.

Что же такое транзакционные издержки?

Транзакционные издержки – это издержки, связанные с обменом и защитой правомочий собственности. Категория транзакций понимается предельно широко: это обмен как товарами, так и юридическими обязательствами, сделки как краткосрочного, так и долгосрочного характера, в том числе как требующие детального документального оформления, так и предполагающие простое взаимопонимание сторон. Это затраты и потери взаимодействия субъектов рыночной экономики.

Выделяют пять основных форм транзакционных издержек:

- *издержки поиска информации;*
- *издержки ведения переговоров и заключения контрактов;*
- *издержки измерения;*
- *издержки спецификации и защиты прав собственности;*
- *издержки оппортунистического поведения.* Под ними понимается способность одной стороны получать выгоду за счет другой путем нарушения соглашения.

Транзакционные издержки – динамичная величина.

О динамике транзакционных издержек свидетельствуют следующие показатели:

- соотношение «синих» и «белых» воротничков внутри фирмы как отражение пропорции между производственными и транзакционными издержками. Издержки производства являются нижним пределом транзакционных издержек;
- растущее число фирм, специализирующихся на сделках между производителями и потребителями (торговля, банки, страхование, реклама, ремонт и техническое обслуживание);
- рост занятости в государственном аппарате.

Транзакционные издержки трудно подсчитать, так как существует разночтение в их определении и нет единой статистики транзакционных издержек. Но их значение велико. Американский экономист Дж. Стиглер писал, что мир с нулевыми транзакционными издержками так же страшен, как физический мир без трения.

Трансакционные издержки выражают ту цену, которую платит любая экономическая система за несовершенство своих рынков. Именно таким образом трансакционные издержки формируют общественный спрос на институты. Чем выше трансакционные издержки, тем выше спрос на институциональное регулирование, и наоборот.

Что нового вносит в экономическую науку теория прав собственности и экономика трансакционных издержек?

Прежде всего она обосновывает необходимость правовых норм и их соблюдения для функционирования экономики. Правила регулирования существуют для сокращения трансакционных издержек и, следовательно, для увеличения объема торговли.

Снизить трансакционные издержки способно государство путем принятия безличных законов и обеспечения их соблюдения. Законотворчество – это общественный товар. Общество экономит затраты при разработке законов. Издержки обмена сокращаются, поскольку основные правила его уже определены. Экономическая политика состоит в выборе таких юридических правил, процедур и административных структур, которые максимизировали бы стоимостный объем продукции.

Следовательно, если представители неоклассической школы исходили из существования нулевых издержек и нейтрального государства, то Р. Коуз доказывает необходимость правового регулирования обмена и вмешательства государства ради сокращения трансакционных издержек.

Теория Р. Коуза показывает также тесную связь между правами собственности и трансакционными издержками, которая сформулирована в знаменитой теореме Р. Коуза (хотя сам Р. Коуз и не использовал термин «теорема»). В оригинальной версии тезис Р. Коуза выглядит следующим образом: «Перераспределение прав собственности происходит на основе рыночного механизма и ведет к увеличению стоимости произведенной продукции» и, значит, «конечный результат (который максимизирует ценность производства) не зависит от правового решения (относительно первоначальной спецификации прав собственности)».

Теорема Коуза изложена в его статье «Проблема социальных издержек» и посвящена проблеме внешних эффектов (экстерналий), которыми называют побочные результаты любой деятельности,

касающиеся третьих лиц. Существование экстерналий приводит к расхождению между частными и социальными издержками. В случае отрицательных внешних эффектов частные издержки оказываются ниже социальных, а в случае положительных внешних эффектов – наоборот, социальные издержки ниже частных.

Такого рода расхождения исследовались еще А. Пигу в книге «Экономическая теория благосостояния» (1920). Он характеризовал их как «провалы рынка», которые служили для А. Пигу теоретическим обоснованием государственного вмешательства в экономику (через налоги-штрафы и субсидии).

Против позиции А. Пигу о необходимости государственного вмешательства и была направлена «теорема Коуза». С точки зрения Р. Коуза, в условиях нулевых транзакционных издержек (именно из этих условий исходила неоклассическая теория) рынок сам сумеет справиться с внешними эффектами.

Теория Коуза гласит: Если права собственности четко определены и транзакционные издержки равны нулю, то размещение ресурсов (структура производства) будет оставаться неизменным и эффективным независимо от изменений в распределении прав собственности. Другими словами, первоначальное распределение прав собственности не влияет на структуру производства, поскольку в конечном счете каждое из правомочий окажется в руках собственника, способного предложить за него наивысшую цену на основе наиболее эффективного использования данного правомочия. Сам Р. Коуз по этому поводу пишет, что если все права ясно определены, если транзакционные издержки равны нулю, если люди твердо придерживаются результатов добровольного обмена, то никаких экстерналий не будет. «Провалов рынка» в этих условиях не существует, и у государства нет оснований для корректировки рыночного механизма.

Примечательно, что сам Р. Коуз, полемизируя с положениями А. Пигу, не ставил перед собой задачу сформулировать какую-то общую теорему. Само выражение «теорема Коуза» было введено в оборот Дж. Стиглером, который, основываясь на статье Р. Коуза (1960), сформулировал теорему Коуза так: при совершенной конкуренции частные и общественные (социальные) издержки будут равными.

В качестве доказательства своей теоремы Р. Коуз использовал различные случаи из реальной судебной практики. В частности, Р. Коуз

рассматривает ситуацию с двумя фермерскими хозяйствами: одно разводит скот, другое занимается растениеводством. Скот потравил урожай на соседнем поле. Если такие потравы неизбежны, увеличение предложения мяса может быть достигнуто только за счет уменьшения предложения зерна. Природа выбора ясна: мясо или зерно.

По мере увеличения стада потери урожая возрастают, в том числе и на каждую дополнительную единицу скота. Что выгоднее скотоводу – заплатить штраф за потраву или построить изгородь? Если ущерб от потравы так велик, что продажа оставшегося зерна не возмещает издержки по его выращиванию, фермеры могут заключить сделку о прекращении обработки поля. Но возможен и другой вариант – установить изгородь, если это выгоднее, чем платить штраф фермеру. Таким образом, возмещение ущерба допускает несколько вариантов. Эти варианты реализуются при условии, что трансакционные издержки равны нулю. Проблемы решаются рынком или фирмой без участия государственных органов.

Однако допущение нулевых трансакционных издержек – абстракция. Если трансакционные издержки позитивны, сделки становятся дорогостоящими и требуют государственного регулирования.

При позитивных трансакционных издержках распределение ресурсов зависит от правовых норм. Фермер подает в суд, который оценивает размеры ущерба, тратит время и средства на ведение процесса, а затем – на исполнение приговора. Если судебные издержки относятся на счет истца, фермер рискует. При нечеткости правовых норм истец может проиграть процесс, пострадать материально и морально. Чтобы уменьшить трансакционные издержки, необходимо четкое определение прав собственности. Государство должно установить правила игры и обеспечить действия с наилучшим результатом для системы в целом.

Сегодня теорема Коуза считается одним из наиболее ярких достижений экономической мысли послевоенного периода XX века. Из нее следует несколько важных теоретических и практических выводов.

Во-первых, она раскрывает экономический смысл прав собственности. Согласно Р. Коузу, экстерналии (расхождения между частными и социальными издержками и выгодами) появляются лишь тогда, когда права собственности определены нечетко, размыты.

Когда права собственности определены четко, тогда все экстерналии «интернализуются» (внешние издержки становятся внутренними). Не случайно главным полем конфликтов в связи с внешними эффектами оказываются ресурсы, которые из категории неограниченных перемещаются в категорию редких (вода, воздух) и на которые до этого прав собственности в принципе не существовало.

Во-вторых, теорема Коуза отводит обвинения рынка в «провалах». Путь к преодолению экстерналий лежит через создание новых прав собственности в тех областях, где они были нечетко определены. Поэтому внешние эффекты и их отрицательные последствия порождаются дефектным законодательством, «провалами» государства. Теорема Коуза снимает стандартные обвинения в разрушении окружающей среды с рынка и частной собственности. К деградации внешней среды ведет не избыточное, а недостаточное развитие частной собственности.

В-третьих, теорема Коуза выявляет ключевое значение транзакционных издержек. Когда они положительны, распределение прав собственности перестает быть нейтральным фактором и начинает влиять на эффективность и структуру производства.

В-четвертых, теорема Коуза показывает, что ссылки на внешние эффекты – недостаточное основание для государственного вмешательства. В случае низких транзакционных издержек оно излишне, в случае высоких – не всегда экономически оправдано. Ведь действия государства сами сопряжены с положительными транзакционными издержками, так что лечение вполне может быть хуже самой болезни.

Однако, несмотря на огромное значение теоремы Коуза, для самого Р. Коуза вымышленная экономика с нулевыми транзакционными издержками была лишь переходной ступенькой к рассмотрению реального мира, где они всегда положительны.

Таким образом, определение прав собственности является важным предварительным условием рыночных сделок. Без определения прав собственности фирмы максимизируют свою деятельность за пределы допустимого, необходимы определенные ограничения тех или иных видов поведения. В противном случае цивилизация невозможна.

Важную роль отводят современные институционалисты *институту государства*. Природа государства определяется властными отношениями, возникающими между гражданами и государствен-

ным аппаратом. Распределение прав между гражданами и государством, как правило, фиксируется в Конституции, играющей роль *социального контракта*.

Добровольный отказ граждан от части своих прав и передача их государству связаны с уверенностью, что государство успешнее их самих справится с реализацией ряда функций по обеспечению взаимодействий между ними. Набор этих функций определяется провалами рынка, в результате чего появляются проблемы, задачи, которые нельзя решить без государства.

Какие же задачи решает государство?

- *Спецификация и защита прав собственности.*
- *Создание каналов обмена информацией.*
- *Разработка стандартов мер и весов.*
- *Создание каналов и механизмов физического обмена товарами и услугами.*
- *Правоохранительная деятельность и выполнение роли «третьей» стороны в конфликтах.*
- *Производство чистых общественных благ.*
- *Сегодня актуально формирование социоэкономико-экологической системы и повышение ее устойчивости.*

Во всех перечисленных сферах государство получает право легитимного, т.е. основанного на социальном контракте, принуждения и власти. С институциональной точки зрения главной функцией государства является спецификация и защита прав собственности. Оптимальные размеры государства определяются историческим кругом тех сделок, в которых оно действует как гарант более эффективно, чем другие гаранты (стороны сделки, арбитр, социальная группа).

Функционирование государства, как и любой другой организационной структуры, связано с трансакционными издержками. Чем в большем числе сделок выступает государство в качестве гаранта, тем больше трансакционные издержки.

Властные отношения, возникающие между индивидом и государством, носят *сложный* характер, поскольку, во-первых, индивиды делегируют государству право не только контроля, но и его передачи своим представителям – государственным служащим; во-вторых, индивиды делегируют право контроля не конкретному

лицу, а функционерам-бюрократам. Поэтому чем активнее роль государства в спецификации и защите прав собственности, тем сложнее структура государства и тем выше численность государственных служащих, а значит, и больше искажения информации. отсюда вероятность легитимного использования властных отношений всегда меньше 100%.

Поэтому наряду с «провалами» рынка существуют и «провалы» государства. К ним относятся: несоответствие доходов и расходов государства; отсутствие четких критериев эффективной деятельности государства (каковым является прибыль для фирмы); высокая вероятность достижения результатов, отличных от запланированных; неравномерное распределение ресурсов.

В результате выбор между рынком и государством является выбором между различными типами несовершенства: рыночный механизм обмена и защиты прав собственности предполагает отличные от нуля транзакционные издержки и эскалацию власти, а получение государством монопольного права на использование власти также приводит к росту транзакционных издержек внутри государственного аппарата.

В связи с этим существуют пределы роста государства, т.е. государство выступает гарантом не во всех, а лишь в некоторых взаимодействиях. Круг гарантируемых государством сделок ограничивается только теми сделками, которые связаны с меньшими издержками альтернативного гаранта: перед государством стоит вопрос – гарантировать самому или делегировать право контроля другому гаранту. Например, в одних странах сделки, связанные с социальным и медицинским страхованием или с образованием, гарантируются государством, а в других странах – делегируются частным фирмам. Следовательно, не существует абсолютной границы государства и оптимальных размеров государственного вмешательства в экономическую и социальную жизнь безотносительно к конкретным историческим условиям.

Государство, которое использует монополию на власть в рамках делегированных ему гражданами правомочий и в их интересах, является *контрактным* государством. Роль государства ограничивается ролью гаранта по кругу тех сделок, в которых защиту прав собственности выгоднее поручить ему самому. Целью контрактного государства является расширение прав собственности, максимизирующее со-

вокупный доход общества на основе передачи правомочий экономическим субъектам, которые могут оптимально ими распорядиться.

Если государство использует монополию на власть для максимизации дохода (налоговых поступлений) в интересах государственного аппарата, то такое государство неинституционалисты называют «эксплуататорским» (корпоративистским) государством. Главным фактором деятельности такого государства является развитие военной технологии, так как военно-промышленный комплекс обладает наибольшим потенциалом власти и имеет возможность присваивать монополию на применение власти. Поэтому эксплуататорскому государству присуща внутренняя нестабильность.

Эксплуататорское государство ликвидирует институты гражданского общества и заменяет их аморфными структурами, не защищающими гражданские интересы. Но как отмечал лауреат Нобелевской премии американский экономист Дж. Бьюкенен, государство, не контролируемое гражданским обществом, имеет гораздо больше возможностей не исполнять свои обязательства и злоупотреблять данными ему полномочиями, превращаясь в огромное чудовище – Левиафана.

Определить тип государства, т.е. насколько оно близко к модели контрактного или эксплуататорского государства, позволяет структура государственного бюджета. Критериями отнесения государства к тому или иному типу являются:

- *соотношение различных статей доходов бюджета*. Чем выше доля неналоговых доходов, тем активнее государство вмешивается в экономику. В этом случае роль государства выходит за рамки простого гаранта исполнения контрактов;
- *структура государственных расходов*. Чем больше государство расходует на содержание силовых министерств, государственного аппарата, тем дальше это государство от контрактного и ближе к эксплуататорскому;
- *способы финансирования бюджетного дефицита*. Из трех основных способов покрытия бюджетного дефицита – кредитов центрального банка, внешних и внутренних займов – контрактное государство предпочитает внешние займы как менее инфляционный способ. Эксплуататорское же государство использует преимущественно кредиты центрального банка правительству, которые, напротив, подстегивают инфляцию.

Следовательно, контрактное государство, выступая в качестве гаранта в ряде сделок, способствует сокращению транзакционных издержек, повышению прибыльности и экономическому росту.

В России, несмотря на рыночное реформирование, институциональная система все еще недостаточно развита. Слабыми остаются рыночные институты – частной собственности, судебной системы, контрактов, финансовой системы и фондового рынка. отсутствует законодательное регулирование отдельных видов экономической деятельности, не получили должного развития традиции демократического государственного регулирования. А достаточно большое государство остается слабым, зачастую не выполняя надлежащих контрольных функций по управлению обществом. В результате «чистые» экономические процессы, без институционального оформления, становятся причиной опустошения природной среды, социальной напряженности, бюрократизации и коррупции государственного аппарата.

Следовательно, основной проблемой для России сегодня является не *дерегулирование*, а *дебюрократизация* государственного аппарата. Государственное администрирование не должно подавлять рыночные механизмы. Если государственный аппарат чрезмерно бюрократизирован, то государство превращается в нерегулируемую стихию, которая не способна управлять обществом. Государство должно быть *сознательной* и «дешевой» (по Смиту) структурой, управляющей *гражданским* обществом во благо граждан общества.

Поэтому только институциональные реформы, создавая нормативную базу рыночной экономики, институты права, системы информации, консалтинга и экспертизы, а также квалифицированный аппарат управления и контроля могут гарантировать экономическую, социальную и правовую эффективность всего общества. А институт государства как сознательный регулятор *гражданского* общества направит эти преобразования на удовлетворение интересов всех граждан.

Итак, современные институционалисты – сторонники *смешанной экономики*. Они занимают социал-демократические или близкие к ним позиции.

Глава 6

СОВРЕМЕННЫЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЗМ

Если XIX век был веком капитализма, то XX век можно с полным основанием назвать веком социализма. Человечество на гигантских пространствах, с участием сотен миллионов людей, десятки лет на практике опробовало три главных течения социализма:

- *марксистско-ленинский социализм* в СССР (более 70 лет), в странах Восточной Европы, в Китае, Вьетнаме, КНДР и на Кубе (более 50 лет);
- *национальный социализм* (фашизм) в Германии, Италии, Испании (15–20 лет);
- *социал-демократизм* – в Англии, Франции, Швеции, ФРГ и других странах социал-демократы приходили к власти и правили по 5–10 лет.

И тем не менее и советский социализм в СССР и Восточной Европе, и национал-социализм потерпели поражение. А социал-демократия, добившись огромных успехов в перераспределении общественного продукта в пользу трудящихся, никаких средств увеличения общественного продукта не нашла и поэтому регулярно уступала власть своим противникам.

Следовательно, все виды социализма XX века не смогли стать заменяющим капитализм общественным строем.

В последнее время при обсуждении перспектив общественного развития все чаще предпочтение отдается такой общественной системе, в которой эффективная рыночная экономика сочетается с принципами социальной справедливости и защищенности. В программных документах основных политических партий и движений содержатся элементы социал-демократической идеологии – правомерность различных форм собственности, государственное воздействие на социально-экономические процессы, социальная солидарность, эволюционный реформизм, политический прагматизм. При

этом в качестве образца приводится успешный опыт осуществления реформ социал-демократами Европы.

Каковы же базисные идеи раннего социал-демократизма?

- ориентация на рабочий класс как носителя передовых идей. Только рабочие считались подлинными трудящимися, все остальные слои трудящихся превращались в рабочих;
- полное огосударствление – национализация и господство общественной (государственной) собственности;
- солидарность и взаимопомощь людей, справедливость как ведущая черта солидарности;
- равенство, признание всех людей равными, коллективизм.

В 80–90-е годы XX столетия в теории и практике социал-демократизма произошли серьезные изменения. Это выразилось в формировании «нового лейборизма» в Англии, партии «новой середины» в Германии, концепции «либерального социализма» в Италии.

Новое направление социал-демократизма стремится преодолеть негативные последствия неолиберализма (так называемого «первого пути») и традиционного, «старого» социал-демократизма («второго пути»), претендуя на «третий путь» развития. Идеи «третьего пути» нашли концептуальное развитие в программном документе «Европа: третий путь, новый центр», подписанном Тони Блэром (премьер-министром Великобритании) и Герхардом Шредером (канцлером Германии) в июне 1999 г. и призывающем всех социал-демократов Европы обсудить предложенные в нем идеи. Стратегия «третьего пути» Т. Блэра, которая должна была стать маяком для всего мира, носила серьезную поддержку у американского президента Б. Клинтона, была благожелательно воспринята Конгрессом Социал-демократов (ноябрь 1999 г.), нашла отзвук в России.

Современный социал-демократизм имеет ряд базисных идей, которые существенно отличаются от традиционных позиций социал-демократии. Это связано с изменением условий, в которых развивается современная социал-демократия.

Во-первых, обновилась и расширилась *социальная база* современного социал-демократизма. Раньше его социальную базу составлял рабочий класс. В современной социал-демократии происходит сокращение численности рабочего класса. Вместо преобладания

физического труда и рабочего класса в обществе утверждается перевес разных видов умственного труда и интеллигенции. Удельный вес занятых в крупном производстве непрерывно сокращается, а сфера мелкого растет. Производство уступает первенство по числу занятых другим сферам: обслуживанию, науке, культуре, образованию, здравоохранению. Роль носителя общественного прогресса рабочий класс уступил интеллигенции. В свете этих перемен в обществе главным становится *средний класс*, включающий интеллигенцию (ученые, врачи, инженеры, работники науки и культуры), квалифицированных рабочих, мелких производителей и предпринимателей, фермеров, малый и средний бизнес.

Средний класс является альтернативой антагонистическим классам. По словам отечественного экономиста Г.Г. Дилигенского, он не буден и не богат, он никого не угнетает и сам не испытывает угнетения. Он не стремится ни к богатству, ни к власти. Ему нужен доход, обеспечивающий достойную жизнь, личную свободу. Его главная забота – о семье. Средний класс – главный фактор гармонизации общества, основа его стабильности.

Следовательно, современный социал-демократизм связывает себя с состоятельными и активными трудящимися, желающими и способными обеспечить себя своими собственными усилиями. Его главная задача – образ жизни человека. В этих условиях интересам среднего класса все более близкой становится задача строительства социального государства с ориентацией на либеральные ценности.

Во-вторых, воззрения современной социал-демократии неоднородны, в них противостоят две тенденции: модернистов и традиционалистов. И те и другие согласны с идеями обновления идеологии. Но традиционалисты (лидер французских социалистов Лионель Жоспен, бывший председатель Социал-демократической партии Германии и министр финансов ФРГ Оскар Лафонтен, опубликовавший книгу под символическим названием «Сердце бьется слева») считают, что с некоторой доработкой можно сохранить базисные идеи социал-демократизма середины XX века. Модернисты же (Тони Блэр и Герхард Шредер) как господствующее правое крыло социал-демократии выступают за обновление всей системы идей. Это связано не с отступлением от некоторых ортодоксальных принципов марксизма, а с тем, что в новых условиях обнаружилась не-

эффективность ряда традиционных принципов самой социалистической доктрины (равенство, национализация, коллективизм), которая нуждается в переосмыслении и отказе от догм.

Рассмотрим фундаментальные положения современного социал-демократизма в их модернизированном виде.

Проблема *собственности*. Вместо полного огосударствления экономики при социализме, современные социал-демократы предлагают гибкое сочетание *трех видов* собственности: частной (мелкой и крупной), коллективной (от кооперативной до акционерной), государственной (от муниципальной до общенациональной).

Вместе с тем современные социал-демократы отказались от догматической интерпретации как самого института частной собственности, так и ее обобществления в форме всеохватывающей государственной национализации (общественная собственность). В 1994 г. лейбористы Англии устранили статью IV устава партии о праве на обобществление средств производства. (Одна из прежних лейбористских программ называлась «Путь Британии к социализму», а в экономике осуществлялась периодическая национализация, хотя результаты ее были провальными.) Под обобществлением теперь понимается не ликвидация института частной собственности, а *социализация* отдельных ее правомочий (функций) посредством установления государственного контроля за распределением доходов. Это — так называемый функциональный подход к модели общественного развития, примером которой является шведский «функциональный социализм».

Функциональный подход ставит акцент на структуру права владения, охватывающую целый спектр функций (правомочий): владение, распоряжение, пользование, контроль, распределение доходов и продуктов производства. Одни из этих функций (например, юридически закрепленное право владения) могут оставаться в частной собственности, другие могут быть обобществлены (социализированы). Другими словами, те или иные функции права владения можно распределять между различными субъектами власти. При этом решающее значение придается не праву собственности, а *политическому управлению* отдельными ее функциями, т.е. контролю над производством и распределением его продуктов через налоговую политику, регулирование рынка труда и т.д.

Социал-демократическая модель общественного развития. Эта модель ориентирована на конвергенцию, взаимодействие и взаимопроникновение социалистических и либеральных идей, что связано прежде всего с изменением социальной базы современного социал-демократизма.

Концепция «демократического социализма» прежних социал-демократов базировалась на таких ценностях, как коллективизм, солидарность, социальная справедливость. Политическая установка на достижение «равенства» (посредством установления прогрессивно высоких налогов на прибыль и широкой системы социальных пособий), приносящая на первоначальном этапе определенные социально значимые результаты (символом их опять-таки стал «шведский социализм»), в дальнейшем по мере развития экономики порождает психологию иждивенчества за счет постоянного роста государственных инвестиций и субсидий в социальную сферу, за счет не сбалансированного с уровнем производительности труда повышения заработной платы, разрастания бюрократического аппарата. В конечном итоге такая политическая задача становится тормозом развития: растет инфляция, снижается производительность труда.

Современные социал-демократы, пересмотрев прежнее жесткое противопоставление идей социализма и либерализма, решили гармонически соединить идеал равенства с требованиями индивидуальной свободы, принципы солидарности – с новым пониманием индивидуализма. Основной задачей новых социал-демократов является обеспечение равновесия между свободным рынком и социальной защищенностью, государственным вмешательством и дерегулированием, коллективной интеграцией и индивидуализмом как образом жизни.

Следовательно, в социал-демократическую концепцию включаются элементы «здорового либерализма» по отношению к государству, экономике и обществу. На первое место выдвигаются ответственность и прежде всего личная ответственность, идеи «индивидуальных достижений» и конкуренции. А поскольку личные достижения невозможны без свободы человека, то вполне логично внимание социал-демократов к проблеме свобод человека.

Некоторые видные итальянские социал-демократы (Н. Боббио, Л. Пелликани) выдвинули идеи так называемого либерального социализма, суть которых заключается в ограничении функций государства

в решении социальных проблем, важности развития рыночных отношений, конкуренции, частной инициативы, свободы индивида. По их мнению, индивидуализм и солидарность не исключают друг друга. В этом отношении показательна высокая оценка руководством Лейбористской партии Великобритании возможностей коммунитарного движения как способа организации повседневного общения людей в малых сообществах по месту жительства («комьюнити»), таких как церковь, школа, группа соседей. Способ реализации «комьюнити» – это развитие различных форм участия населения и отдельных его групп в решении социальных, экономических и политических вопросов развития общества на всех основных уровнях и во всех его сферах. Речь идет о предприятиях, научных и образовательных учреждениях, потребительских обществах, экологических организациях. Такое «общество соучастия», пронизанное снизу доверху самыми разнообразными формами взаимодействия людей и групп, пытается строить Великобритания. Особенно это ощущается в политической сфере, где одна конституционная реформа сменяется другой; расширяются права графств. Своим парламентом обзавелась Шотландия, а Уэльс – ассамблеей. Из палаты лордов исключаются наследственные пэры. Готовится замена традиционной мажоритарной избирательной системы пропорциональной. Все эти реформы направлены на то, чтобы смягчить отчуждение между властью и народом.

Ориентация на «комьюнити» свойственна и либералам, что расширяет возможности практического взаимодействия между социал-демократами и либералами. Тенденция к сближению социал-демократов и либералов вполне закономерна, так как строительство «социального государства», «государства благосостояния» является заслугой не только социал-демократов, но и либералов.

Модель нового социал-демократизма вобрала в себя и некоторые ценности консерватизма. Прежде всего это создание подлинного партнерства с бизнесом. Как отмечал Тони Блэр, изменения в социально-экономических отношениях промышленности и предпринимательства, осуществленные в течение 1980-х годов, остаются неизменными. И на этой основе реализуется программа реформ XXI века: в образовании, социальной сфере, в области инфраструктуры, т.е. было воздано должное предпринимательскому духу, творческой инициативе в бизнесе – последствиям «консервативной волны» М. Тэтчер.

Вслед за М. Тэтчер Т. Блэр выдвигает в своей программе и моральные, преимущественно семейные, ценности. Прочная семья – это сильная держава, центральный элемент социал-демократического видения Британии. В морально-этическом плане социал-демократия содержит определенные заимствования из багажа христианской демократии.

При всех различиях либерализма, консерватизма и социализма по многим вопросам у них просматриваются общие позиции – в понимании смешанной экономики, политического и культурного плюрализма, представительной демократии. Различия нередко проявляются в акцентах, дозах и очередности предлагаемых решений, а также в терминологии. Поэтому социал-демократы не повторяют модели общественного развития других партий а берут от них на вооружение положения, близкие к их позиции. Их главная задача – придать демократии новые жизненные силы.

Все социал-демократы считают, что рыночная экономика составляет фундамент общества, но само общество не должно быть рыночным. В таком обществе есть значительный государственный сектор и *социальное пространство*. Если в экономике господствует рынок и она развивается в условиях конкуренции, которую обеспечивает государство, то «социальное пространство» развивается не ради денежных, а ради человеческих ценностей. В сферу «социального пространства» сегодня включаются не только некоммерческие блоки образования или здравоохранения, но и инфраструктурные блоки (транспорт, энергетика, телекоммуникации).

В социал-демократическом обществе, соединяются преимущества рыночной экономики со всеобщей социальной справедливостью. Лозунг новых социал-демократов – меньше регулирования и больше гибкости, больше предпринимательской жилки. Задачи развития «социального пространства» определены как цели дальнейшего развития: достижение всеобщей занятости населения с основным упором на наукоемкие отрасли; совершенствование системы образования; возврат былой гордости за систему здравоохранения; окончательное решение проблемы детской бедности в течение 20 лет.

Следовательно, в социал-демократическом обществе, усилия государства направлены, с одной стороны, на поддержку рыночной экономики, с другой стороны – на обеспечение общедоступности

народа к благам и занятости, на реализацию прогресса и сохранения естественной среды, на ответственность перед трудящимися.

Какую роль отводят современные социал-демократы государству?

Прежние социал-демократы при характеристике общества на первый план выдвигали классы и классовую борьбу. Соответственно главным считалась защита интересов рабочих. Современные социал-демократы отказываются от идеи классовой солидарности в пользу *национальной солидарности*, а на первое место они ставят проблему *государства*. При этом государство должно не кормить граждан, а создавать все условия для их активности, успеха их личных усилий. Индивид не должен перебрасывать с себя на государство свою ответственность перед семьей, местным сообществом и общественностью. Пособия и помощь государства не должны подавлять или заменять личные успехи граждан, их предпринимательский дух, индивидуальную ответственность. Поэтому главная задача государства – помогать людям вести самостоятельную деятельность. В этой связи государство должно создавать условия для предприимчивости, поддерживать предприимчивость людей, но ни в коем случае не заменять эту предприимчивость.

Вместе с переменной взглядов на государство меняется подход к идее равенства. Равенство современные социал-демократы толкуют как *равенство возможностей* и, что особенно важно, это равенство доступа к этим возможностям. Следовательно, старая идея равенства в смысле одинакового дохода заменена идеей одинаковой ценности каждой личности.

Как формулируются конкретные задачи государства современными социал-демократами?

В проблеме *защиты труда* современные социал-демократы делают упор не на гарантирование работы (обеспечение занятости, гарантирование минимума оплаты, установление количества часов рабочей недели), как это было у прежних социал-демократов. Такая политика трудовых отношений в условиях научно-технической революции, когда могут закрываться целые отрасли, переориентироваться целые регионы, когда надо поддерживать отрасли технического прогресса, противоречит требованиям времени.

Современные социал-демократы думают о всей человеческой жизни. Вопросы о квартире, о плате за телефон и электроэнергию,

о цене автомобиля и бензина, о даче, о школе для детей для них столь же актуальны, как и величина заработной платы. Однако главный акцент они ставят на гарантирование образования и возможности получения новых профессий, на доступность и реальность участия трудящихся в непрерывном образовании, чтобы дать им возможность жить в непрерывно изменяющемся мире.

Важное значение для трудящихся имеет и проблема общих условий достойного образа жизни. Это касается:

- прав и свободы человека, причем социализм должен гарантировать все права;
- демократического устройства государства, ибо демократия является наиболее подходящим механизмом согласования интересов в обществе;
- культуры, защиты трудящихся от разного рода ее заменителей и подделок;
- ситуации в области окружающей среды.

Проблема *социального обеспечения* успешно решалась прежними социал-демократами путем реализации комплекса мер в области пенсионного обеспечения, медицинского обслуживания, пособий многодетным семьям и т.д.

Современный социал-демократизм ориентируется не на социального иждивенца, требующего помощи, а на человека, которому тоже нужна помощь, но уже не в виде потребительских благ и льгот, а такая, которая поможет ему проявить свою активность, реализовать свои инициативы. И одна из главных форм поддержки – помощь в овладении более оплачиваемыми профессиями, помощь в заблаговременной подготовке к переходу к другим видам труда, в перспективные отрасли и регионы.

Современные социал-демократы считают, что «государство всеобщего благосостояния» является не только ответом на нужду и несправедливость, но отчасти и их причиной, порождая в обществе иждивенчество. Поэтому оно нуждается в изменениях.

Современное гражданское общество должно базироваться на этике взаимной ответственности или долга. А это значит, что ничто не дается даром. Правила игры в таком обществе следующие: получает только тот, кто что-то дает. Следовательно, центр тяжести

переносится с общественного вспомоществования малоимущим на создание для них таких условий, чтобы они могли сами обеспечить себя. Вместо «всеобщего равенства» реализуются принципы «селективности», т.е. формальное право, например, на пособия, имеют все многодетные семьи, но получают только те, кто действительно в них нуждается.

Проблема *государственного бюджета и налогов* также рассматривается современными социал-демократами. Традиционно социал-демократы поддерживали рост налогов и дефицит бюджета, поскольку бюджет их интересовал только с одной точки зрения – увеличения в нем доли на распределение в пользу трудящихся. Однако это оборачивалось для стран «проеданием» своих накоплений, снижением конкурентоспособности по сравнению с теми государствами, которые вкладывали ресурсы в новые технологии. В итоге проигрывали не только предприниматели, но и трудящиеся.

Новая социал-демократия ставит и проблему пределов для доли бюджета в ВВП, и проблему лимита доли налогов, и проблему лимитов по главным разделам бюджета, а также проблему лимита дефицитности бюджета. Современная социал-демократия исходит из идеи, что деньги, которые не забрало государство, при правильной организации общества могут принести ему больше пользы, чем если бы они попали в бюджет.

Проблема *экономического роста* ранее была вне поля внимания социал-демократов. Для них главным был «дележ» общественного продукта. Поэтому они были нейтральны, а то и враждебны к росту затрат на исследования и инвестиции в новые технологии. Даже инвестиции в защиту окружающей среды воспринимались ими с недоверием.

Современные социал-демократы признают огромное значение инвестиций в науку, новейшие технологии, экологию не только для будущих поколений, но и для ныне живущих трудящихся, даже если это грозит сокращением роста зарплат. Примером может служить решение социал-демократов Германии поддержать закрытие атомных электростанций, несмотря на перспективу роста безработицы, на возможность роста издержек и цен, а также расходов бюджета на эти цели. А социал-демократы Испании и Греции выступили в совершенно новой роли – организаторов экономического роста своих стран.

Международные проблемы всегда интересовали социал-демократов, поскольку они являются интернационалистами. Однако понятие интернационализма носило примитивный, упрощенный характер (Пролетарии всех стран соединяйтесь!) и дополнялось таким же примитивным лозунгом о праве всей наций на самоопределение.

Современный социал-демократизм разрабатывает новую концепцию социалистического интернационализма, социалистического подхода к глобализации и интеграции, социалистического отношения к проблеме самоопределения наций. Он выдвигает четкие критерии, в зависимости от которых нация может претендовать или на самостоятельность, или на территориальную автономию, или на культурно-национальную автономию.

Что касается отношения социал-демократов к актуальным мировым проблемам, то чаще всего оно не отражало их собственного подхода. Например, лейбористы Англии долго колебались в отношении объединенной Европы, евровалюты. Социал-демократы Европы поддержали американскую схему решения проблем Югославии, американскую модель взаимоотношений с постсоветской Россией. А грядущий мировой порядок, когда НАТО по своему усмотрению вмешивалось бы в дела суверенных государств, лидер британских лейбористов Т. Блэр определил как «новый интернационализм» (тогда как один из профессоров Калифорнийского университета назвал это «новым интервенционизмом», означающим возможность для Америки делать то, что она считает правильным, независимо от международного права).

И только в последние годы современные социал-демократы начали искать, уточнять свою позицию. Это выразилось в сближении их позиции с позициями России и Китая в отношении новых «звездных» планов США. Все более критическим становится отношение социал-демократов к нынешней глобальной модели. Они начинают осознавать, что монетаристски-либеральная модель глобализации и глобализация как таковая – далеко не одно и то же. являясь объективным качественным этапом интернационализации, глобализация в монетаристски-либеральном варианте означает стремительное формирование на базе современных (компьютерных) технологий единого общемирового финансово-информационного пространства с изъятием финансов и интеллекта. А это означает прогресс более разви-

той страны за счет деградации осваиваемой. Возникают глобальные монополии, не поддающиеся регулированию государством и международными организациями. И значит, вырождается конкуренция. Поэтому в такой форме глобализация выступает не как путь к всеобщему процветанию, а как усиление развитых стран (США) и ослабление слабых. Отсюда выступления народных масс против глобализации, ибо такая модель глобализации противоречит интересам мирового сообщества. Не случайно Тони Блэр в Давосе предложил заняться фундаментальными вопросами реформ мирового управления, таких, как МВФ, Всемирный банк, ООН, НАТО, ВТО.

Собственная концепция отношения социал-демократов к международным проблемам поможет стать их позиции принципиальной и последовательной.

Итак, главными принципами современного социал-демократизма являются:

- *равенство возможностей* – равенство в доступе к сферам труда, равенство при выборе человеком сферы своей деятельности (вместо равенства в сфере распределения);
- *справедливость необходимого обществу неравенства* (вместо справедливости в рамках принципа «каждому по его труду»);
- *солидарность* как поддержка и забота всех о каждом (вместо солидарности как своего рода благотворительности).

Эти основные принципы современного социал-демократизма, реализующиеся по-новому и имеющие новые черты, свидетельствуют о преемственности с социализмом прошлого.

Современный социал-демократизм не является универсальным учением, его принципы отнюдь не могут рассматриваться в качестве образца для всех регионов мира. Так, некоторые страны Азии и Африки не склонны заимствовать теорию и практику социал-демократизма, так как считают, что у них иная социальная база и основной проблемой для них является нищета значительной части населения. Поэтому, по их мнению, принятие либералистских принципов равенства исходных возможностей для индивидов и равенства лишь перед законом привело бы к дальнейшему ухудшению и без того тяжелого положения масс в их странах. Да и сами создатели социал-демократической программы заявляют, что принципы

новой социал-демократической политики разработаны для Европы, т.е. носят региональный характер.

И тем не менее зарубежный опыт общественного развития, достижения других стран в проведении реформ заслуживают всестороннего изучения и продуманного, взвешенного использования с учетом специфических условий страны. Это касается и России.

Нынешнее социал-демократическое движение в России находится в стадии становления. Изучаются прошлый опыт российской социал-демократии и информация о современной мировой социал-демократии, налаживаются связи с Социалистическим интернационалом, проводится работа по формированию собственной российской социал-демократической платформы.

В последние годы наблюдается поворот к социал-демократии крупных структур. В 2002 г. зарегистрирована новая Социал-демократическая партия России. В этом же году сделано заявление о вступлении СДПР в Социнтерн.

Возрождение социал-демократизма в России – сложный и противоречивый процесс. Речь идет не о механическом возрождении старой социал-демократии, а о совершенно новых условиях появления новой партии с новыми подходами и новым пониманием общества. В основе стремления социал-демократов к созданию единой и массовой партии лежит постоянная тяга большинства народа к *справедливости*. Все хотят, чтобы все было по справедливости. Пусть даже бедней, хуже, чем у других, но справедливо. Отсюда общее негодование по поводу воровства, коррупции, несправедно нажитых капиталов. Учитывая это, российские социал-демократы предлагают соединить социалистические ценности, в первую очередь справедливость с интересами людей.

Однако неразвитость рыночных отношений не позволяет пока сформировать социальные слои, которые только и могут «питать» социал-демократию: обеспеченные рабочие, представители массового мелкого и среднего бизнеса, уверенно чувствующая себя интеллигенция. На среднем классе у нас держится не больше 10–12% национальной экономики (в Европе и США – 70–80%).

Специфика России требует существенных корректировок современных социал-демократических положений. Нужен российский вариант социал-демократической идеологии. Он включает: за-

ситуации национальных интересов и определение приоритетов развития; эффективную экономику и эффективную социальную политику в условиях частной собственности и рыночных отношений; здравоохранение, воспитание, образование, культуру, науку в условиях диктата рыночных отношений; национальные проблемы и способы их разрешения; безопасность (внутренняя и внешняя) в период возникновения принципиально новых угроз; экологическое мышление; демократия как средство установления действенного контроля над деятельностью бюрократии; развитие гражданского общества и социальное партнерство; возможности использования в России опыта зарубежной социал-демократии; прогнозы на будущее России и мирового сообщества, перспективы глобализации.

Когда в России сформируется гражданское общество и появится значительный средний класс, социал-демократия займет важное место в политическом спектре страны, став одной из основных в системе концепций российской демократии. Ибо успех социал-демократии основывается на ценностях ее программы и поддержке широких слоев общества.

Итак, современный мир – это борьба нового со старым, это статика и динамика, изменение и сохранение, это вызов прошлому и будущему. Преодолевая накопившуюся определенность прошлого, ученые овладевают надвигающейся неопределенностью будущего. И делают это они так, как того захотела современность.

Что требует от экономической науки современность?

Осмысление целей и возможностей производства, его средств и механизмов, результатов и последствий. А главное – осмысление трех фундаментальных связей: человек – производство – природа, человек – культура – производство, человек – культура – природа, а на их основе – отношения человека к человеку.

Овладеть новым видением мира экономическая наука сможет только с помощью *философии*. Это означает осмысление современной экономики с позиции здравого и свободно мыслящего человека, исповедующего общечеловеческие культурные и духовные ценности, стремящегося найти образ разумного и нравственного поведения человека. Как говорил Гегель, философия управляет представлениями, а они управляют миром.

Путь философского осмысления экономики трудный и тернистый, поскольку сама экономика – сложнейший природно-технично-соци-

альный процесс, феномен культуры. Но понять экономику означает понять практически *весь* мир, его явные и глубинные смыслы, общую эволюцию и массу конкретных тенденций. И ученые, экономисты-философы продолжают и будут продолжать это важное и нужное дело.

ЛИТЕРАТУРА

- Блауг М.Б.* Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994.
- Гэлбрейт Дж.К.* Экономические теории и цели общества. М., 1979.
- Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег. Избранные произведения. М., 1993.
- Конюшников Р.И.* Новая институциональная теория. М., 1999.
- Коуз Р.* Фирма, рынок, право. М., 1993.
- Маркс К.* Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23–25. Ч. 1–2. М., 1975.
- Маршалл А.* Принципы экономической науки: В 3 т. М., 1993.
- Пигу А.* Экономическая теория благосостояния. М., 1995.
- Постижение Маркса/ Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М., 1998.
- Сажина М.А.* Научные основы экономической политики государства. М., 2001.
- Сажина М.А.* История экономических учений. М., 2007.
- Сажина М.А.* Экономический олимп. Очерки о лауреатах Нобелевской премии по экономике. М., 2007.
- Селигмен Б.* Основные течения современной экономической мысли. М., 1968.
- Смит А.* Исследования о природе и причинах богатства народов. М., 1962.
- Тамбовцев Б.Л.* Государство и экономика. М., 1997.
- Уильямсон О.* Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки и «отношенческая контрактация». СПб., 1996.
- Фридмен М.* Количественная теория денег. М., 1966.
- Худокормов А.Г.* История экономических учений. М., 1998.
- Шаститко А.Е.* Неинституциональная экономическая теория. М., 1998.
- Шумпетер Й.А.* Капитализм, социализм и демократия. М., 1995.
- Эрхард Л.* Благосостояние для всех. М., 1991.

История и философия права

(Профессор Г.А. Белов)

Глава I

ИСТОРИЯ ПРАВА

1.1. Возникновение и исторические типы права

Значение истории права для теории права состоит в том, что в ней накоплен опыт осмысления правопорядка в прошлом, правовой рефлексии на реальности своего времени. Первым вопросом истории и философии права стал вопрос о времени возникновения права и факторах, которые вызвали право к жизни. Время возникновения права – это время перерастания потестарной организации жизни в государственную, становления цивилизации. Право – один из признаков становления цивилизации. Относительно факторов возникновения права существует множество версий, традиционно называемых теориями. Нет ни одной версии, которая не вызывала бы критического к ней отношения, но нет также ни одной, которая могла бы быть однозначно отвергнута. С некоторой долей условности все версии могли быть предварительно разделены на версии теологического и рационально-критического свойства. В основе теологических убеждений лежат следующие утверждения. Возникновение государства и права является продуктом Бога. Древнегреческий мыслитель Демосфен называл право «произведением и даром богов». Создатель обнаружил, что люди живут несправедливо, страдают от жесткости и агрессии. Власть и правопорядок понимались как способ выйти людям из «тьмы»: дикости, хаоса, анархии, вой-

ны всех против всех. Благодаря Богу утверждается порядок, при котором может предотвращаться и преодолеваться хаос. По ведийскому преданию люди долгое время жили в довольстве и мире по закону дхармы, но без власти. Однако наступило темное время, в человеке проснулся эгоизм. Начались анархия и борьба людей друг с другом, воцарился закон рыб: крупные и сильные пожирали малых и слабых. Распространенным ритуалом в традиционном обществе было провозглашение решения суда от имени богов.

Распространенность мифов о прошлом и убеждение в зависимости земной жизни от космоса, воли богов позволяли давать иррациональный, но ясный ответ на вопрос о природе права и порядка. Суммируя известные мифы, можно было бы следующим образом выразить их содержание. Власть пришла к народам через посвященных, пророков, связанных с богами или Богом. Таковыми считаются в Индии основатель арийского племени Рама, брахманизма в Индии Кришна, святитель Египта Гермес, сын бога Аполлона Орфей, Моисей, Христос, Мухаммед. В законах Хаммурапи (XVIII век до н. э.) утверждается, что власть получена им от богов, чтобы править «черноголовыми». Сам царь богоподобен, связывает небо и землю, хранитель порядка, защитник справедливости и источник благополучия. В некоторых теологических версиях фактически высказывается догадка о конфликтах как социальном источнике возникновения права.

Первые рационально-критические теории возникновения государственной власти и права появляются уже в Древнем мире. Последние по времени теории возникают в середине XX в. Не исключено, что со временем появятся другие теории. Все имеющиеся теории можно было бы сгруппировать по общему основанию. Таковы теории подавления (теория насилия, классовая теория, расовая теория), интеграционные (патриархальная, договорная, ирригационная, кризисная), социоэкономические (теория специализации, патримониальная, экономическая, классовая теория и теория специализации), социокультурные (спортивная, инцестная теории). Каждая теория содержит в себе момент истины, и на основе имеющихся теорий можно реконструировать несколько вариантов возникновения государства и права. Однако единой и общепризнанной теории не существует, и можно допускать, что со временем воз-

никнут новые теории, которые обогатят или усложнят наше понимание первых истоков государства и права.

С понятием исторического типа права связывается выделение устойчивых исторически преходящих свойств права, определяемых особенностями эпохи и местом формирования и развития цивилизации. Выделение исторических типов права является способом обобщения мировой практики, нахождения общего и различного в правовой организованности общества.

В советское время единственно научной считалась формационная типология государства и права. Вся история права и государства подчинялась простому алгоритму. Каков способ производства – такова собственность, какова собственность – таков и исторический тип права. При господстве такой схемы не было необходимости изучать историю права, так как исторические находки пополняли знания деталей, но не однажды открытой неумолимой логики развития права. В последние десятилетия советской эпохи формационный подход к исторической типологии стал заменяться другим стадийным подходом в выделении исторических типов права.

Типология права по стадиям развития сложнее формационной типологии, главное – освобождена от идеологических перегрузок. Стадийная историческая типология права, является способом социологического и цивилизационного анализа, обобщения мировой правовой практики, помогает открыть его универсальные и национальные свойства. Учитывается множество экономических, социальных, духовных оснований существования общества.

Если согласно формационному подходу достаточно выделить исторически определенный способ производства, и будет ясно, с каким правом мы имеем дело, то согласно стадийному подходу необходима целостная, комплексная характеристика всей социальной среды, в которой функционируют и развиваются государство и право. При этом учитываются не только отношения собственности, но и характер разделения труда, особенности содержания и функционирования культуры, специфика внешней среды социума.

В истории права условно можно выделить несколько исторических типов, соответствующих большим историческим стадиям развития общества: протоправо, или архаическое право, право традиционного, или сословного общества, право модернизированного,

или техногенного общества. Различия между этими типами настолько велики, что их можно отнести к цивилизационным различиям. Выделение разных исторических типов условно потому, что переходы от одного типа к другому занимают большой исторический период. Для этих периодов характерен не какой-либо один исторический тип, но сочетание элементов уходящего и нового типов, исторически предыдущего и нового типов. К тому же в период полной смены одного типа можно обнаружить остатки прошлого и ростки будущего. Они могут рассматриваться как устойчивые рудименты ушедшей и возможные начала приближающейся новой эпохи.

Протоправо относится к первому тысячелетию до н.э. Протоправо, как и будущее право, состояло из норм поведения. Однако для протоправа характерны черты, которые не свойственны праву в собственном смысле: локальность, существование в форме обычаев, синкретичность и отсутствие специальных каких-либо институтов, поддерживающих действие норм протоправа. Действие существующих норм ограничивалась территорией рода, племени. Формой существования протоправа были обычаи, т.е. нормы, сложившиеся в течение тысячелетий, поддерживаемые силой их привычности и понятности. Нормы протоправа были моонормами. Их особенность заключалась в том, что эти нормы существовали в эпоху, когда не знали различий между моральными, правовыми, политическими и техническими нормами.

К архаическому праву, или праву традиционного общества, относится право всех древних и средневековых государств. Право традиционного общества для современной теории ценно тем, что с правом такого типа человечество прожило большую часть своего цивилизационного состояния. Именно с традиционным обществом связано формирование характерных черт права индустриального и техногенного общества. Элементы архаического права, маргинализованные и остаточные, сохраняются и в некоторых современных обществах, особенно в странах Востока.

Архаическое право отличается от права модернизированного общества рядом специфических свойств. Существенной особенностью мышления и образа жизни традиционного общества была неразличимость Я, Мы, отсутствие человека как индивида автономного по отношению к власти.

Право жестко определяло возможные виды деятельности работников, не имеющих земли, основного средства производства в традиционном обществе. Основная масса работающих (крестьяне и горожане) не имела в собственности главного средства производства, земли. Характерной была только опосредованная связь производителя с землей. Непосредственно землей распоряжался род, община, феодалы, но не крестьяне, т.е. не те, кто работает на земле. Крестьянин был привязан к земле, основному материальному благу, только через подчинение роду, общине, феодалу. Для работников свобода распоряжения своим трудом по законам рынка исключалась. Этим определялась их внеэкономическая зависимость от собственников земли. Общество делилось на сословия с их правами, привилегиями и обязанностями, и государственная власть имела дело не столько с человеком, сколько с кастами, сословиями.

Все традиционные общества были основаны на жестком неравенстве, закреплённом в законе. Население государства состояло не из отдельных граждан, но из сеньоров и вассалов, подданных и рабов, крепостных и ремесленников. Жесткое неравенство пронизывает все уровни общественного сознания. Социальные различия проявляются прежде всего в существовании каст, привилегированных родов (в древних обществах), сословий (в эпоху Средневековья). Переходы из одной касты, сословия в другие были исключены. Одежда, жилище, занятие должны были соответствовать сословному статусу. Сама кастовость и сословность освящалась волей богов.

1.2. Сословный принцип правового регулирования

Пространство права традиционного общества уже не было так локально, как пространство протоправа. Но в отличие от права модернизированного общества архаичное право еще не становится единой правовой системой. Оно имеет дело не с единой в политическом и правовом отношении нацией, но с обществом, разделённым на племена, роды, в эпоху Средневековья на разные сословия. Так, в средневековом обществе существовало отдельно несколько видов права: феодальное и церковное, городское и цеховое, торговое, уголовное право. Феодальное право, определяющее порядок землевладения и отношения между членами узкого сословия соб-

ственников земли, феодалами и Церковью. Некоторые элементы феодального права впоследствии переключались в современное земельное право. Церковное право – совокупность норм, определяющая религиозные ценности, организацию церковной иерархии, отношения со светской властью. Городское право определяло отношения между горожанами, дозволенное или предусмотренное поведение, отношения с королем, сеньором, который был собственником городской земли. Впоследствии сложившиеся обычаи городского управления стали частью полицейского (административного) права. Цеховое право – определяло привилегии отдельных цехов (гильдий), регулировало внутреннюю организацию производства, включая технологию, допустимое сырье, качество товара. Торговое право закрепляло привилегии купеческих гильдий, торговые обычаи, правила торговли и способы рассмотрения споров.

Правом закреплялись привилегии верхних сословий, из верховенства по отношению низшим сословиям. Верхние олицетворяли силу общества в целом, армии в особенности.

Для традиционного государства характерна воинствующая позиция в отношении религии. Одна поддерживалась, другие так или иначе притеснялись. Религиозная принадлежность решала вопрос о главе государства в религиозно расколотых странах, во Франции и в Англии.

В 1534 г. английский парламент принял специальный закон «Акт о супрематии», на основе которого король провозглашался главой английской церкви. Она не только отделилась от римской церкви и стала называться англиканской, но перестала в какой-то мере быть соперником короля во властных отношениях. Монастыри были упразднены, монахи изгнаны, имущество монастырей и церквей поступило в казну государства. На стабильность трона влиял религиозный раскол и в России.

Для архаического права была характерна фрагментарность, не было никакой системы правовых норм. Системность стала достоянием права при быстром ускорении и усложнении права, что стало характерным свойством процесса модернизации. При архаическом праве были только некоторые моменты того права, которое утвердилось только в модернизированном обществе.

Права существовало при множестве властей, творящих и применяющих право. Человек имел дело с разными властями в обществе: царской, церковной, или храмовой, властью старейшин, общины – властью вотчинной, или феодальной. Обоснование и принятие принципа суверенитета (XVI в.) выражали новое явление в организации права.

Во все времена традиционного общества были сильны властные функции церковных иерархов. Церковь имела в собственности огромные земельные владения, вершила свой суд: разбирала все уголовные и гражданские дела служителей церкви.

Характерно в этом отношении «Общеземское прусское уложение 1794 г.». Уложение жестко связывает крестьян исключительно с сельскохозяйственным трудом под страхом государственного принуждения и изъятия у него земли. Крестьянин не может оставлять поместья, к которому приписан, но и помещик не может их продать, выменять или уступить иным образом помимо воли крестьян.

При вступлении в брак подданные обязаны испрашивать на то разрешения помещика, который может отказать на законных к тому основаниях: лицо, которое намеревается вступить в брак, повинно в тяжком преступлении; известно своим беспутством, нерадением, непослушанием, что доказывается свидетельскими показаниями; когда оно физически слабо и не может выполнять хозяйские работы; когда оно по физическому состоянию не может прокормить семью.

Многообразие властных отношений в традиционном обществе обуславливало неустойчивость государственных институтов, их прямую зависимость от состояния союза верхов. История государств традиционного типа – это история усиления, распада, возрождения.

Доминирование материального права. Архаическое право по преимуществу было материальным правом. Было ничтожным значение процессуальных норм, которые каким-то образом обеспечивали права человека на защиту от обвинений в совершении какого-либо правонарушения. Для установления ответственности кого-либо за преступление достаточно было фиксирования самого события, или убеждения в том, что было событие, которое осуждается обществом. Виновны ли в этом индивид или группа людей, не имело особого значения для обвинения. Наказания носили альтернативный характер. Основная цель суда над лицом, которое обвинялось в злодеянии, – это склонение сторон к примирению. Проявлял себя общинный принцип. Причинение материального вреда одним из членов рода мог возмещать род (все за одного), семья, город и т.д. Определение ответственности носило сословный характер. Ответственность существенно различалась в зависимости от того, кому или кем причинен вред. Наказаний в современном смысле было мало, и доказательства причастности к преступлению искали в проверке отдельных качеств человека. Проверяли испытаниями, которые никакого отношения к совершенному деянию не имели. Наказаниям придавалась торжественность, ритуальность. Так, споры о правоте одной из сторон могли разрешаться поединком. Архаическим правом долго поддерживался обычай кровной мести, ей придавалась театральность, демонстративность. Не было специальных органов, которые творили бы право или суд.

Система наказаний основывалась на страхе мучений и позора.

Традиционные общества только во времена абсолютных монархий знали тюрьмы как способ изоляции человека на годы или на всю жизнь. Назначались битье (палками, канатами, плетьюми), членовредительство (отрубание какой-либо части тела: отрезание носа, полового члена, вырезание половых губ, языка, ушей, пальцев, производилась кастрация), наносилось клеймо (на тело, лицо). В Афинах гражданина могли лишить какого-то права, подвергнуть бесчестью, подвергнуть штрафу с конфискацией имущества, приговорить к смерти. Свободного человека могли продать в рабство.

Сохранение синкретизма в понимании норм права. Право традиционного общества долго остается в сфере синкретического видения процесса регулирования общественных отношений. Право не выделяется среди других волевых или регулятивных отношений. Авторитет существовавших норм поведения не был отделен от авторитета власти, религии, нравственных нормативов. В мысли традиционных обществ право выступало не отдельно от общества, не как способ организация в обществе или над обществом, как союз или согласие сил, обладающих материальными и духовными ресурсами, относительно общего порядка. При таком подходе возникали и влияли на общество мифы. Однако спорадически формируется грань, разделяющая право и мораль, возникают первые правовые идеи, но собственно правовых учений не было.

Для традиционного общества было характерно соединение или близость религиозного и светского начала. Оно проявлялось в слиянии религиозной и светской власти, в обязательной близости религиозного и светского начал в осуществлении власти.

В Англии это проявлялось в активном отношении королей к решению религиозных проблем, в создании ими обстановки нетерпимости к иноверцам. Если королем был католик (таковы были Стюарты до конца XVII века), то преследовались протестанты. Если королем становился протестант, то ограничивались права католиков, их не принимали на государственную службу, преследовались пуритане, вынужденные эмигрировать в американские колонии. В России вопрос о конфессиональной принадлежности монарха не был политически острым, все приезжавшие из Германии (онемеченная Анна, Петр III, Екатерина) или были православными, или принимали православие. Но до 1906 г. люди неправославного вероисповедания не имели доступа на государственные должности и военную службу.

Сохранение синкретизма проявлялось в большой роли обычая как основной формы права.

Вместе с тем сфера синкретизма уменьшается. Стали отделяться нормы, определяющие преступность деяния, и нормы, регули-

рующие отношения собственности и товарооборота. Характерно, что наиболее тяжкими преступлениями были посягательства на существующую власть: заговоры, разглашение государственной тайны, мятежи. За такие преступления отвечали не только прямо обвиняемые, но и их родственники.

Источники права традиционного общества еще не обладали важным качеством, которое необходимо для реализации права, ясностью написанного. Но в этом современниками виделась сила источника. Темные места казались необходимыми и воспринимались как таинственные. И могущество власти усматривалась не только в способности использовать силу, но также в таинстве власти.

1.3. Право модернизированного общества

Начиная с эпохи позднего Средневековья западное общество переживает модернизацию. Суть ее в формировании и развитии способности общества, отдельного человека принимать изменения и приспосабливаться к ним. В результате освобождения от сословного деления, распространения в большей части стран Запада протестантской этики (М. Вебер), утверждения гражданских свобод, принципов равноправия, формирования гражданского общества коренным образом изменился жизненный уклад. Появились новые классы и социальные группы. Жизненные ориентации стали определяться не только социальным положением человека, но также энергетикой, интеллектуальным уровнем, волей человека. Быстрое и эффективное развитие стран Запада стало притягательным для других стран. На путь модернизации в конце XIX в. стала Япония, в XX в. Россия. Во второй половине XX в. процесс превращения традиционных обществ в новые модернизированные и техногенные общества стал всеобщей тенденцией мирового развития.

Обновление традиционных функций права. Право нового исторического типа, как и архаическое право, выполняет две основные функции, регулятивную и правоохранительную. Однако по сложности и разнообразию проявлений функций, сложности организации новое право существенно отличается от своего предшественника.

С помощью права государственная власть не только регулировала общественные отношения, но стимулировала процессы в пользу развития современной экономики, повышения активности

самых разных слоев общества, содействуя созданию социальных лифтов, повышению ответственности личности за свою судьбу. Задача правового обеспечения защиты частной собственности, характерная еще для традиционного общества, переросла в проблему обеспечения не только защиты, но и развития правовых отношений.

Право стало развиваться как единая национальная система, пределы действия которой определяются государственными границами. Между национальными правовыми системами появилось много общего, особенно относительно принципов права. Юридической наукой выявлено множество национальных правовых систем, объединенных рядом общих исходных начал правового регулирования. Выделяются, в частности, романо-германская правовая семья, к которой относится и российское право, англосаксонская правовая семья, семьи мусульманского и традиционного права и др.

Меняются субъекты и объекты правоотношений. В новом праве человек становится основным, наряду с государственными органами и различного рода корпорациями, субъектом всех правоотношений. Человек вступает в различные правоотношения по реализации своих прав. Не выделяется статус отдельных сословий и классов. Права граждан уже не зависят от происхождения, национальности, имущественного положения, половой принадлежности. Но выделяется специальный статус гражданина в зависимости от его занятости, профессии, квалификации, заслуг, предусмотренных законом. Правом регулируют отношения между гражданами как избирателями, налогоплательщиками, субъектами прав человека и гражданина. Основой правового регулирования является обеспечение достаточной автономности человека и достаточных возможностей реализации им своих способностей на основе свободного труда, профессиональной подготовки.

Существенно изменились объекты правоотношений. Земля остается одним объектом правоотношений, но появилось множество принципиально новых средств производства и социальных благ. Соответственно множество объектов частной собственности, по поводу которых развиваются правоотношения. Приобретение новых благ стало источником доходов и жизненных ресурсов. Право, стимулируя развитие общества, стало более сложным и разнооб-

разным. Появились и другие динамичные объекты, материальные и нематериальные объекты правоотношений. Таковы предприятия, структуры, обеспечивающие работу предприятий и сбыт производимой продукции. С развитием системы массового образования, превращением ее в жизненно необходимое условие существования образовательные услуги стали широко распространенным объектом правоотношений. С ростом продукции массового спроса стала актуальной проблема защиты авторских прав.

Право нового общества регулирует отношения, в которых основной фигурой является человек с его правами на активность, защиту, определенными общественно значимыми обязанностями. В правоотношениях участвуют не только граждане, но также новые, уже не сословные, корпорации. В обществе выделяются защищаемые правом интересы общие, представляемые, как правило, государством, и интересы, носителями которых могут быть как граждане, так и различного рода коммерческие и некоммерческие организации. Соответственно на макроуровне право как бы разделено на два уровня. Для сферы публичного права характерно участие государства как обязательной стороны правоотношений. Для сферы частноправовых отношений наиболее характерна и добровольность волеизъявления и диспозитивность в определении статуса субъектов в правоотношениях.

Во всех видах правоотношений все субъекты являются в сравнении с эпохой традиционного общества более самостоятельными в своем волеизъявлении. У права развивается функция ограничения прав и притязаний всех субъектов деятельности во имя охраны общих интересов, принципов гуманизма и справедливости.

Новым предметом правоотношений стал продукт информации и авторского творчества, возрастает их доля в общей совокупности объектов правоотношений. Новые объекты требуют нового управления, контроля за сохранением их как частной собственности конкретного субъекта. Без владения необходимой ценной информацией становятся затруднительными или даже недоступными успехи в любой сфере деятельности. Государство в свою очередь сильно в той мере, в какой владеет ценной информацией, контролирует ее распространение, предупреждает ее утечку, использует в своих

интересах. Соответственно на всех уровнях приобрела правовые формы проблема информационной безопасности.

Изменения настолько существенны, что происходит радикальная переоценка основ правового реагирования. На ранних стадиях становления индустриального общества собственник большей части предприятий был одновременно основным или генеральным управляющим. С этим временем связано формирование понятий «предприниматель», «бизнесмен». Во второй половине XX в. происходит менеджеральная революция. Один из итогов её заключается в том, что статус собственника изменился. Развилось новое, корпоративное право, которое регулирует непростые отношения по управлению корпорацией, в частности между управляющими разных уровней. Собственник уже не может держать исключительно в своих руках производство, определение перспектив.

Модернизированное право в сравнении с правом традиционно общества быстро меняется. Законодательные органы каждый год принимают сотни новых законов или законов в новой редакции. Сохраняется принцип, сложившийся в традиционном обществе: незнание закона не аргумент. Но следование этому принципу, как правило, уже не под силу одному человеку. Возрастает всячески с этим значение юридической службы.

Первый этап гуманизации права был связан с утверждением гражданских прав и свобод в период буржуазных революций XVII–XVIII вв., становления капитализма, формирования гражданского общества. Однако с формированием новых классов, буржуазии и пролетариата, обнаружилась теневая сторона гражданских прав. Ими предоставлялась свобода, но не гарантировалась социальная защита от эксплуатации. В XIX в. Маркс дал гражданским правам радикальную коммунистическую характеристику, объявив гражданские права человека правами эгоистического человека. Последующее развитие показало, что в таком жестком и однозначном вердикте был свой великий момент истины. Одним из следствий разочарования в возможности с помощью гражданских прав обеспечить всеобщее благополучие стало развитие социалистических идей и социалистического движения, возникновение социал-демократических партий. Сформировалась концепция нового, второго поколения прав. Парадигмой новых прав является обеспечение со-

циальной защищенности человека, помощи ему в социализации. Однако советский опыт показал, что непринятие гражданских прав как якобы буржуазных, сведение прав человека к его правам на социальную поддержку – это другая (по сравнению с абсолютизацией гражданских прав) односторонность. Опыт показал, что без гражданских прав не формируется общество свободных людей. На основе только социальных прав обеспечивается социальное выравнивание большинства, но существует риск ослабления интереса к индивидуальной активности, возникновения стагнации.

Современная правовая система техногенного общества основана на совокупности как гражданских, так и социальных прав гражданина. В итоге в современном развитом обществе нет былого жесткого, характерного для традиционного общества неравенства. Роль наследственных привилегий в социальной стратификации не является определяющей. Для нахождения компромисса помогает и корпоративное право. Большая часть занятых людей по найму включена в большие и малые корпорации, коллективы. Работники имеют приобретают акции своих корпораций, что содействует росту общего интереса в успехе предприятия.

Развитие современного права отличается постепенным возрастанием в правовом регулировании доли публично-правового регулирования. Возрастает роль государства в поддержании общего социального мира и порядка, обеспечении контроля за ключевыми процессами во всех сферах общественной жизни. Государственным делом является контроль за товарно-денежными оборотами, резкими колебаниями цен, противодействие процессам монополизации производства, обеспечение постоянного роста затрат на общие нужды, поддержка на должном уровне развития фундаментальной науки, образования, содействие сохранению или росту мобильности и работоспособности населения.

Глава 2

ОСОБЕННОСТИ И ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Философия права относится к наиболее абстрактной форме осознания и познания права как социокультурного относительно самостоятельного образования, системе знаний о мировоззренческих истоках и фундаментальных закономерностях развития права. Философия права – это способ постижения существа права, его оснований, границ и возможностей права, закономерного и случайного, допускаемого и обязательного должного, рационального и иррационального в праве. Адекватно этим теоретическим сверхзадачам вырабатывается понимание соотношения права со всеми сферами жизни общества и другими неправовыми формами воздействия на общественные отношения, политику и мораль.

В современном знании права нет единого мнения относительно границ, или предмета философии права, но существует общность понимания относительно эпицентра философского пространства осмысливания права как универсальной части всех цивилизаций современности и относительно недалекого прошлого. В современном сложившемся правовом научном знании и системе преподавания права философия права не выделяется как самостоятельная научная дисциплина. Чаще обращается внимание на ее междисциплинарный характер. Философия права может рассматриваться и как часть или раздел философского знания наряду с философией истории, математики. В системе сложившегося юридического образования России философия стала составной частью теории права, поэтому философия права привлекает теоретиков права и философов.

В философии права в концентрированном виде выражены стадии и направления развития права, общее и различное в территориально разделенных цивилизационных типах права. Цивилизации Запада и Востока существенно различаются между собой по характеру исторической смены одних культурных архетипов другими, по типам взаимодействия, историческому опыту, накопленным ценностям.

В истории мысли о праве две эпохи. Первая эпоха (хронологически совпадает с временами глубокой древности, или эпохой Древнего мира) – это эпоха космического и синкретичного понимания права. Вторая эпоха правовой мысли – это время возникновения и развития предпосылок модернизации общества, преодоления синкретизма, видения и государства и права как относительно самостоятельных явлений со свойствами и законами, формирования вначале протогуманистического (христианского) правопонимания с распространением просветительских идей прямо гуманистического понимания права.

Начиная с древних времен для Запада характерно выделение философии права как относительно самостоятельного направления мысли. Для Востока характерно большое влияние традиции синкретизма, не свойственна предметная специализация философии. Философские вопросы права растворены в емкой философии созерцания и постижения. Философия права как специфическое соединение философской и правовой мысли развивалась как составная часть западной мысли, как продукт соединения философского осмысливания права и теоретических обобщений изменений и действия права.

В XIX в. в период расцвета немецкой классической философии права философия формируется как относительно самостоятельное направление мысли и особый уровень постижения права. Основным вопросом философии права виделся в определении специфики права как социокультурного феномена, связи естественного (разумного) права и государственной воли, ее результата, позитивного права. На основе решения основного вопроса решаются другие философские вопросы права. Среди них вопросы сущности права, пределов и возможностей права, соотношения в праве объективного и субъективного, сущего и должного, случайного и закономерного, онтологические и аксиологические аспекты исследования права. В странах англосаксонской традиции правопонимания ответы на вопросы, которые выделяли немецкие философы права, не считались основными и считались частью общей теории права.

Исторически первые признаки возникновения философии права обнаруживаются в иудейской и древнегреческой культуре, развиваются в рамках течений древнегреческой философии и раннего христианства.

Новый этап в развитии философии права был связан с двумя великими историческими процессами. Один из них – это осмысление права на базе уникального явления древней цивилизации, развития римского права и юриспруденции. Римская философия права возникает в результате приземления греческой философской традиции, сближения ее с обыденной практикой урегулирования усложнившихся отношений и возвышения развившегося юридического анализа до высокого теоретического обобщения практики правового регулирования. На этой основе сформировалась философия права своего времени, элементы которой сохранили жизнеспособность до наших дней. Другой путь формирования философии права связан с возникновением христианства. Христианская философия права переживала долгий период становления христианства как законченного и последовательного учения. Сложившись, христианская философия права оказалась куда более долговечной. Богословско-правовые идеи Блаженного Августина и Фомы Аквинского были определяющими для правопонимания и развития правовой культуры в течение всей эпохи Средневековья. В Новое время классическая христианская философия переросла в неотоцизм.

Третий исторический этап был открыт эпохой Просвещения. Он отличается прежде всего рационализацией философского понимания права. Философия права постепенно освобождается от космогонического и Божественного видения истоков права, обогащается большим числом рациональных моделей путей понимания и исследования права. Новая эпоха отличается множеством теорий права. Возвышение одних теорий сменяется их жесткой критикой, появлением новых теорий. В XVIII–XX вв. теории формировались под знаком модернизации. В конце XX в. парадигма модернизации уступает место парадигме постмодернизма. Основным результатом постмодернистских перемен – это скепсис в отношении любой теории.

Исторически первичные элементы философии права, видимо, возникают еще до возникновения цивилизаций. Содержание собственно философии права формировалось по мере преодоления синкретизма в осмыслении жизнеустройства и окружающей его среды. Первоначально же элементы философии права возникают как неотъемлемые элементы монистического сознания. История правовых идей и правовой философии уходит в мифологию, рож-

денную за много столетий до н.э. Представления об упорядоченности и мироздании обычно выражено в мифах о Божественном происхождении всего мироздания. Для древней эпохи характерен синкретизм мышления, государство и политика, право и мораль не различаются. Идея политической или государственной власти не отделена от власти богов, традиции, рода, семьи. В архаической мысли тема правопорядка не выделялась в нечто самостоятельное. В потестарном обществе господствовали монормы, и правовое сознание не было отделено от религиозного, нравственного, политического. В них содержатся одновременно элементы правовых, моральных, религиозных норм. Порядок идентифицировался как союз или согласие относительно общего порядка разных сил, обладающих материальными и духовными ресурсами. Существовали мифы не о государстве, тем более не о праве, но о сильной власти, ее истоках и функциях. Соответственно вопросы философии права возникают не отдельно от морали и политики, но как общие вопросы обустройства мира. Закон является проявлением необходимости, силы которая властвует над бытием. Характерно, например, что Августин, творчество которого протекает в период предверия полного краха великой империи древности, все еще не разделял философские вопросы права и специфически юридические вопросы. Все они рассматривалось как часть единого христианского видения права.

В архаическое время собственно философия права не формируется, но формируется мысль относительно природы и истоков власти, взаимосвязи и взаимовлияния права, когда не собственно правовых образований. Первичным предметом сформировавшегося метафизического осмысливания власти и порядка были владычество и его закон сущего, все природные явления как требование необходимости, силы сущего (фюсис)¹. Владычество фюсиса есть нечто имманентное всем наблюдаемым объектам, навязанный им порядок. Вначале архаичным сознанием отмечаются некие свойства космоса, ищутся безопасные пути приспособления к нему, обосновывается в связи с этим законосообразность поведения. В итоге космический порядок как необходимость уступает место закону, силе,

¹ См.: Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Вопросы философии. 1991. № 9. С.136.

устанавливающей порядок. Античное сознание толкует эту смену как Сотворение мира демиургом. Закон сообщается богами людям и становится инструментом в их руках¹. Власть воспринимается уже не как непознаваемая сила космоса, но как нечто вещественное. Власть и закон оказываются в руках демиурга, богов и героев, которые идентифицируются как избранные, приобщенные к тайному знанию, обладают даже характерными личностными чертами. Боги становятся частично людьми, и закон уже не выходит сам из себя, его приносит великая сила.

Власть сущего дробится и становится инструментом в борьбе Света и Тьмы, Огня и Воды, Любви и Вражды. Порядок и гармония рассматривались как реализация внеземного закона. Архаическое понимание порядка основано на синкретизме, правовой порядок не выделяется как одна из форм организации. Порядком объединяется все, что поддается некоторому пониманию и толкованию: цикличность изменений, движение светил, отношения между богами и людьми, собственно общественные отношения. Только со сменой эпох стремление к познанию единого мирового порядка постепенно теснится актуализацией темы влияния индивида на политическую жизнь. Но первые знаковые шаги выделения власти, порядка и закона как относительно самостоятельных социальных образований, не сливающихся с космическим порядком, делаются уже в древнюю, или архаическую эпоху.

Некоторые фрагменты архаического видения оснований жизнеустройства дошли до наших времен и могут поражать силой наблюдения и таинственностью связей, которые скрыты за изучаемым объектом. Так, Конфуций оценивает состояние общества, власти, духа нации по состоянию музыки. Ему принадлежит непростой, подобный откровению посвященный алгоритм: «Если хочешь узнать, благополучно ли обстоит дело с правлением какой-то страны и здоровы ли ее нравы, то прислушайся к ее музыке»².

Характерно, что исходным для всех правовых идей традиционного общества было убеждение в изначальном неравенстве людей.

¹ См.: *Исаев И.А.* Метафизика власти и закона. М., 1998. С. 16.

² Цит по: *Золтан Д.* Этос и аффект. История философской музыкальной эстетики от зарождения до Гегеля. М., 1977. С. 19, 157.

Встречающиеся различия позиций в этом вопросе касались только меры и характера неравенства. Причем неравенство не только считалось естественным, но и узаконивалось. Согласно Ведам и «Законам Ману» принадлежность к верхним слоям определяется происхождением, которое является результатом Божественного творчества. Убежденный в предопределенности неравенства, Конфуций делил людей на четыре категории, у каждой из которых было свое место в обществе. Платон делил людей на сословия на основании их разной интеллектуальной и нравственной одаренности, считая, что сложное искусство управления доступно только особым людям, которые выделяются неземными силами.

Августин (V в.) также разделял человеческий род на два разряда: живущих по человеку и живущих по Богу, хотя и не обосновывал права избранных повсеместно повелевать. Однако католическая церковь широко использовала идею естественного неравенства в идеологии политического августинизма. Марсилий Падуанский (XIV в.) отстаивал казалась бы демократический тезис о том, что источником как светской, так и духовной власти является народ. Однако под народом понималась высшая часть общества, т.е. служащая общему благу военные, священники, управляющие.

Уже в древности наметилось принципиальное различие между западной и восточной традициями отношения к власти. Согласно восточной традиции, главным в политике было возвышение власти, воспроизведение страха перед ней. На Западе власть не стала объектом поклонения, но большое внимание уделялось формам организации власти, их институциональной характеристике, проблеме выбора между властью одного, немногих, большинства. С распространением на Западе христианства в политической мысли стал происходить великий, длительный по времени, перелом в отношении к власти, оценке места человека в системе политических отношений. По содержанию и последствиям он явился духовной революцией, великим обновлением всей человеческой мысли и деятельности. Политическая мысль стала обогащаться принципом подчинения земных порядков великим нравственным максимам, которые впоследствии стали называть общечеловеческими. Глобальный характер стала приобретать проблема равенства – неравенства между людьми. Постепенно пробивал себе дорогу принцип равенства между людьми, но не на земле, а перед Богом, в другом мире.

2.1. Характерные черты древних правовых идей

Наибольшее влияние на правопонимание в течение всей эпохи древнего традиционного общества Востока и Запада оказывали учения, которые возникли примерно в одно время – середине первого тысячелетия до н.э.

Древневосточная мысль о нормативных основах порядка. Для древней восточной мысли характерны однозначные и категоричные определения назначения власти. Наиболее известны в этом отношении древнеиндийские и древнекитайские источники. Среди древнеиндийских источников выделяются источники эпохи ведийской культуры, времени господства брахманизма (конец II тыс. до н.э.) в источниках эпохи распространения буддизма, пришедшего на смену брахманизму (середина I тыс. до н.э.), и в эпоху формирования индуизма, ставшего историческим сплавом брахманизма и буддизма (конец I тыс. до н.э.), а также в древнекитайских источниках и в учении даосизма. К древнекитайским источникам относятся книги, в которых излагается учение конфуцианства (основатель – Конфуций, IV в. до н.э.), даосизма (основатель – Лао-цзы, III в. до н.э.) и легизма (основатель – Шан Ян, IV в. до н.э.).

Цель власти видится во всех древнеиндийских источниках как обеспечение общего блага, которое не равняется сумме личных благ, но предполагает прежде всего сохранение общественного порядка, созданного Богом, и исполнение каждым своей или единой для всех дхармы.

Конфуций видел назначение власти в достижении общего блага. Признаками его объявляются следующие: народ не голоден и даже состоятелен, в обществе нет контрастов в жизненном уровне, каждый что-то умеет делать.

Древняя китайская политическая мысль оставила на Востоке наиболее многогранное наследие: от отрицания государственности до возвышения власти до видения в ней определителя всех сторон образа жизни.

Достижение общего блага возможно, по Конфуцию, благодаря не столько активности власти, сколько утверждению в обществе принципа добродетели, т.е. распространению в обществе чувства долга, справедливости, стремления к знаниям, уважения к старшим.

Главным условием действия принципа добродетели является соответствие каждого отведенному ему месту. Каждый призван знать, к какой категории он относится, и претендует на статус и блага в соответствии с этой категорией. Достигается такое соответствие благодаря нравственному самосовершенствованию.

Основной девиз нравственного самосовершенствования сводится к стремлению не делать другим того, чего не желаешь себе. Несмотря на большое неравенство между людьми, каждый, зная свое место, не претендует на большее даже если его фактическое место в нижней части общества. Благодаря действию принципа самосовершенствования может действовать **закон исправления имен**, т.е. изменения статуса человека во имя приведения его в соответствие с его действительной категорией. Истинная роль человека, считал Конфуций, зависит не от того, в какой семье он рождается или каким наследством он обладает, но исключительно от личных качеств человека.

Результатом исправления имен, считал Конфуций, в обществе каждый, кто достоин более высокого статуса, будет иметь таковой, и наоборот. Тем самым управляющими будут люди достойные по своим реальным добродетелям, но отнюдь не по происхождению.

Сильной стороной конфуцианской утопии является то, что объективно она как бы критикует реальность. Идея исправления имен выражала тот факт, что и низы и верхи в той или иной степени не соответствуют своему назначению. В верхах много гордыни, лености, мало умения и много стремлений к крайне большому богатству при нищете широких низших слоев. Аристократия, считал Конфуций, наделена обилием привилегий и чрезмерно богата, в то время как темные люди чрезмерно бедны. В конфуцианском принципе исправления имен просматривается идея циркуляции элит, сформулированная только в XX в.

Конфуций не идеализирует низы, считая что среди низов много гордыни. Простолюдины тоже не самосовершенствуются, так как они не мирятся со своим положением, считая его слишком бедственным. По Конфуцию, мудрый человек никогда не будет посягать на авторитет правителя. Даже если правитель плохо управляет, мудрый молчит, полагается на Божью волю и занимается самосовершенствованием. Такая нравственная позиция помогала во времена роста социальной подвижности ориентироваться не столько на вы-

работку требований к властям, сколько на мобилизацию каждым своих ресурсов, чтобы не оказаться в низшей категории общества.

Какова роль власти в исправлении имен, в содействии принципу самосовершенствования? Конфуций – противник новых законов и наказаний, поскольку они могут распространить страх, но не будут пробуждать потребность в самосовершенствовании. Приспосабливаясь к новым законам, люди научатся обходить законы и тем самым избегать наказаний, но не научатся стыду, который появляется как выражение всеобщей честности и искренности.

Значение власти в процессе самосовершенствования Конфуций признает в той мере, в какой носители власти, управляющие ведут себя примерно в соответствии с принципом добродетели, проявляют во всем умеренность, способность находить середину. Конфуций учил, что главное для правителя – это достижение любви народа, потеря народной любви означает потерю власти.

В учении Конфуция соединено верное отражение древней реальности и заманчивое, но утопическое видение путей ее изменения, реалистическое изображение человека смиренного и гордого, трудолюбивого и ленивого, инертного и способного самосовершенствоваться. Сдержанная оценка роли власти в самосовершенствовании общества сохраняет свое значение и в наши дни.

Согласно сторонникам даосизма, общество и человек рассматривались как часть природы. И залог их счастья состоит в единении с природой. Все же изобретения, пусть субъективно направленные на улучшение общественных отношений, ведут к нарушению дао – первопричины и закона развития Вселенной. Даосистская версия первопричины не содержит обращения к воле богов и той доли мрачности, что свойственна ведийскому толкованию дхармы. Но призывы отказаться от каких-либо улучшений, использования в труде и быту каких-либо орудий и приспособлений, выделения тех, кто отличается по своим способностям, доходят у даосистов до абсурда.

Аргумент, выдвигаемый в пользу глобального отказа от чего-либо, что допускало неравенство, был актуальным. Лао-цзы осуждает разбой и приобретение богатства. Служение власти посредством дао исключает покорение других стран посредством войска, видит связь между роскошью дворцов и пустыми хлебохранили-

щами и полями, покрытыми сорняками. Он делает великое открытие, которое нам в России особенно полезно помнить: когда в стране множество ненужных вещей, народ становится бедным.

Однако альтернатива усилению неравенства с помощью власти, виделась в отказе человека от каких-либо улучшений, от любой цивилизованной жизни, в слиянии человека с природой наподобие животных. Если Конфуций связывает осуществление своего идеала с властью, то Лао-цзы, наоборот, связывает с властью все несчастья человека, а во власти видит только выражение корыстных интересов. В любой цивилизации всех времен не находили и не находят места следующие даосистские максимы: отсутствие желания приносит покой, и тогда порядок установится в стране сам собой; когда правительство последует принципу неделания, народ будет счастливее во сто крат. Согласно даосистам, выделение способных ведет к соперничеству, любовь к драгоценностям – к воровству. Мудрость правителя объявлялась в умении подавлять у людей все знания и желания, у имеющих знания – стремления проявлять активность.

В даосизме сформулированы идеи, которые в индустриальном обществе стали неотъемлемым компонентом анархизма: исключительно отрицательная оценка государства как искусственного образования, служащего подавлению и насилию в интересах малой группы; положительная оценка бездеятельного правительства, ухода людей от любых общественных дел.

В противоположность даосизму сторонники легизма возвышали власть до силы, способной принудить всех поступать в соответствии с предписаниями власти. Предшественником легизма считается Мо-цзы (V в. до н.э.). Им обосновывалась идея равенства, справедливости, достижимая при всеобщей равновеликой для всех любви. Для изменений во имя таких великих идеалов, считал Мо-цзы, необходима политика выравнивания с помощью власти положения людей. Мыслителем критикуется аристократизм, роскошь, стремления в утонченностям. Власть для достижения поставленных целей прибегает к новым законам, наградам и наказаниям.

Шан Ян (IV в. до н.э.), считающийся основателем собственно идеологии и движения легистов, считал, что народ распущен и развращен, забыл, что основное в жизни труд. Если государство не будет бороться с распушенностью, считали легисты, народ подомнет под

себя государство – и все погибнет. Рассуждения же о добродетели сами по себе без опоры на твердую власть являются просто болтовней. Для активной и целеустремленной власти нужен чиновничий аппарат, суверенные все регламентирующие законы и карательные органы.

Философия права древнего Средиземноморья. Начиная с архаического периода Древней Греции (IX–VI вв. до н.э.) древнегреческая мысль развивалась под воздействием не столько сакральной, сколько земной или человеческой интерпретации. Благодаря этой традиции стали формироваться разные социокультурные – нравственные, правовые, политические – основания регулирования общественных отношений. Уже в поэмах Гомера первоисточком обычного права является вечная справедливость. Первые семь мудрецов выделяли основополагающее значение для полиса справедливых законов и законного порядка. Согласно Солону, закон – это самое большое добро для полиса. Пифагорейцы считали наихудшим злом анархию. Принцип повиновения законам и предоставления права управления аристократам духа воспроизводится Демокритом.

В философской мысли раннего периода возникает также аристократическое (элитарное) толкование волевых истоков закона. По Гераклиту, законы полиса должны следовать логосу, единому Божественному началу. Постигание логоса доступно небольшому, избранному числу мудрых. Они являются через законы и управление полисом, они становятся как бы посредником между Божественным, логосом и полисом. Специалисты в области политических и правовых учений обращают внимание на гераклитовскую модернизацию понятия «аристократ». Под аристократией стала пониматься не родовитая замкнутая каста, но как бы открытый высший слой. Вхождение в него зависит от каждой личности в отдельности¹. Возникла первая политико-правовая утопия, иерархии власти и нормативного обеспечения порядка. Со времен софистов и Сократа развивается версия о естественном, или природном праве, о различии естественного права и права полиса (позитивного права. – Г.Б.).

Первую философскую систему власти и закона излагает Платон. В 50-е гг. XX в. было распространено негативное отношение к

¹ История политических и правовых учений. М., 2001. С. 42.

платоновской философии государства и закона. К. Поппер относил платоновскую систему власти к тоталитарным системам¹. Такая однозначность оценки философии великого Платона была данью обостренно негативного отношения к тому, что оценивалось или могло оцениваться как форма тоталитаризма.

Определяя справедливость как первоисток всех законов, Платон возвышает ее до Божественного начала в обеспечении лучшего управления. Справедливость не сводится, как у пифагорейцев, к воздаянию равного за равное. Платоновская категория справедливости синкретична: естественное или природное и социальное начала неразрывны. Изначально справедливостью наделен Космос, первообраз сотворенной природы. Платон находит справедливость последовательно в государстве, затем в индивидуе. Справедливость ассоциируется с порядком и неизменностью. Инновации могут только извратить их. Справедливость в государстве реализуется в его единстве и стабильности, в человеке, законопослушании. Справедливость формирует в человеке соразмерность и стройность. Справедливость видится в правильном распределении функций, в реализации принципа «каждый занимается своим делом и не вмешивается в дела других».

Платон рассматривал закон как искусство соразмерности, как прекрасную форму, благодаря которой Хаос переходит в порядок. Платон считал, что наилучшие (хотя и трудно переживаемые обществом) очищения в управлении может произвести тиран-законодатель². Идею особой миссии единовластия развивал Гоббс, обращая внимание на агрессивность человека, неспособность людей установить мир без власти монарха. Платон оказался первым, кто посеял в зарождающейся западной цивилизации семя интереса к восточной культуре властвования и государственности, поддерживаемой ими стабильности и единству общества.

Тему соотношения справедливости и закона развивает Аристотель. Понятие справедливости, писал Аристотель, связано с представлением о государстве (полисе). Право определяется как полисное, или политическое. Справедливость в праве, или политическая справед-

¹ См.: Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1. Чары Платона. М., 1992. С. 124–125.

² См.: Платон. Законы 735.

ливость, служит нормой политических (полисных) отношений, политического управления. Политическое право состоит из естественного, природного и условного (установленного органом полиса).

Платоновское государство – это не политическая и правовая реальность, но идеальный, вне времени и пространства, тип власти. Создание идеального типа государства было рефлексией на вызовы обстоятельств древней эпохи. Великий философ наблюдал изменения в управлении и порядке, на их основе давал пессимистический диагноз развития. Философу казалось, что происходит деградация и отдаление от золотого века. Платон и Аристотель были выразителями распространенного в древнем и средневековом обществах убеждения о естественности и справедливости неравенства. Обоснование неравенства носит эзотерический характер, излагается как откровения посвященных в тайное знание, которое остальным недоступно. В платоновском «Государстве» правят философы, посвященные в тайное знание и соединенные в организацию. Философ приобщен к тайному знанию. Оно является несекретной информацией. Но оно недоступно для тех, кто не принадлежит к философам: «... им нельзя предположить предварительные разъяснения»¹. Для такого уровня познания требуется не многознание. Более того, невежество, по Платону, менее опасно, чем дурно направленное многознание. Чистота касты философов гарантируется их отделением от всех других, они объединены организационно. Это помогает им сосредоточиваться на законах и позиционировать обособление. Правители собираются на ночное собрание, им доступно законодательство, лучшее из искусств. Искусство же политики состоит в умении управлять сообразно законам. В законах выражена справедливость, описываются ориентиры и мотивация поведения.

Аристотель, в отличие от Платона, рационален в обосновании идеальной формы правления. Стагирит находит положительное начало во всех формах правления, правильных и неправильных. На основе выделенных положительных сторон аристократии и демократии Аристотель конструирует смешанную форму правления. Политика Аристотеля оказалась первой моделью рационально обоснованной формы правления.

Древний Рим оставил Западу великое цивилизационное достижение – римское право. Широкое развитие и высокий авторитет

¹ Платон. Законы. Кн. 3. С. 778.

права в жизни Древнего Рима привел к необходимости развития прежде всего правовой технологии, или юридической техники. Выработывалась культура детальной разработки конкретных юридических вопросов, осторожности формулировки общих положений и дефиниций. Стало крылатым изречение, которое связывают с именем римского юриста II в. Яволена: «Всякое определение чревато опасностью». Тем не менее практика подсказывала искать общие начала права. Появились общие характеристики права, определение его роли в жизни социума. К общим местам относятся определение права, связь права со справедливостью, соотношение положительного и естественного права, права и закона. Юрист Павел увидел несколько образующих право начал. Одно из них – выражение справедливости и добра. Таково естественное право. Право определяется как искусство, умение добра, равенства и справедливости. Понятие справедливости выражает момент равенства, соразмерности, эквивалентности в отношениях между людьми. *Justitia*, отмечал Ульпиан, есть постоянная и непрерывная воля каждого создавать свое право. Это требует с одной стороны – познания Божественных и человеческих дел, с другой – реализации всеобщего требования жить честно, не чинить вреда другому, каждому предоставлять то, что ему принадлежит¹. Другим образующим началом права является необходимость, долженствование, стремление к общей пользе, или пользе многим. Это начало реализовано в гражданском праве. Третьим образующим началом является преторское право, т.е. судебное, или процессуальное, право.

Через определение образующих начал были впервые сформулированы общие принципы права, которым следует современная юстиция. Так, Павел писал: «То, что воспринято вопреки началам права, не может быть распространено на последствия». Юлиан иначе выражает ту же установку: «То, что установлено вопреки смыслу права, не может соответствовать юридическому правилу»².

Мысль о природном начале в поведении человека и соотношении его с устанавливаемым порядком законом возникает в Древней Греции (V в. до н.э.). Греческий философ-софист Антифонт отри-

¹ История политических и правовых учений. С. 97.

² Там же. С. 99.

цал возможность «природных», или врожденных, идей в сфере морали и права, считал общепринятые нормы и законы конвенциональными фикциями и условностями¹. Антифонт высказывал предположение о возможной враждебности властного предписания природе человека, его естественным правам. Истинная природа человека сводится к биологическим инстинктам и естественным склонностям, выражается в гедонистическом постулате: максимум удовольствия и минимум страданий. Запреты на природу человека объявлялись враждебными природе человека, стесняющими ее. В конце концов, так или иначе природа преодолевает противные ей законы. Оковы, связывающие человека, разрушаются или становятся фикциями. Такая анархическая философская концепция² могла возникнуть на островной части Средиземноморья. Здесь не было вообще широких перспектив для расширения территории развития государства и права, не культивировалась ценность внутренней и внешней безопасности страны.

Иное дело в Древнем Риме в начале новой эры. Сложилась великая и могущественная империя, внедрявшая начала единого правового порядка на огромной разноплеменной территории. Термин «естественное право» возникает как момент или фрагмент римского права, которое сформировалось в первые века нового летоисчисления. По способности переживать собственное время термин «естественное право» сопоставим с римским правом. Но только как термин. Понятие же естественного права менялось от эпохи к эпохе.

В Древнем Риме под естественными правами понимались буквально естественные потребности, защищаемые правом. Естественное право (*Ius naturale*) выступает в толковании юристов как один из источников римского права. Различалось право богоданное (*fas*) и светское. К богоданному относилось прежде всего то, что считалось естественным или давно сложившимся, проявлялось в обычаях, традициях, в том, что привычно, то, что можно было считать положительным правом. Согласно Ульпиану, естественное право – это выраженные в нормах уроки природы, то, чему природа учит все живое. В частности, это сочетание мужчины и женщины, сформиро-

¹ Новая философская энциклопедия. М. Т. 1. С. 213.

² См.: Лурье С.Я. Антифонт – творец древнейшей анархической системы. М., 1925.

вавшийся в связи с этим институт брака, рождение и воспитание детей. Естественным правом как бы решался вопрос об очевидных для наблюдения, природных истоках права. Постулат о естественном праве помогал решать две фундаментальные проблемы. С одной стороны, закон «приземлялся», связывался с потребностями человека. Но, с другой стороны – право возвышалось. Обращаясь к природному началу, юристы находят неотъемлемое, главное, определяющее свойство права. Таковым является справедливость. Это свойство глобально, характерно не только для мира непосредственно окружающего человека, но и для Космоса в целом.

С выделением естественного права возникали общие вопросы философии права. Один из них – это соотношение естественного и позитивного права, реальных законов, которых становилось все больше. Естественное право не противопоставлялось позитивному праву, или, как писали римские юристы, гражданскому праву. По Ульпиану, гражданское право это собственно право, которое формируется на основе общего или естественного права. Разница, по Ульпиану, не так уж велика: что-то добавляется, что-то сокращается, становится писанным. Были, однако, и другие позиции. Юрист I в. Павел высказывался более определенно: «Не из правила выводится право, а из существующего права – правило».

2.2. Христианская философия права

Становление раннехристианской философии права. Становление христианской философии права происходило более тысячи лет. Сложность и длительность процесса были обусловлены множеством социокультурных факторов. Одна группа факторов была связана со сложностью перехода от архаичных представлений об истоках сил, стоящих над человеком и определяющих его поведение. Другая группа факторов связана со сложностью самого процесса формирования христианства как мировой цельной и последовательной религии.

Формирование и утверждение христианской философии власти и права происходило при выполнении Церковью функций большого социального значения. Одна из них была связана с положением Церкви во времена раннего и развившегося феодализма. Государственная власть в эти эпохи испытывала кризисы двоякого рода. Власть госу-

дарств-завоевателей была неустойчивой и часто разрушалась со смертью выдающихся полководцев и завоевателей. Проявлением слабости власти было дробление территорий на малые королевства, мелкие княжества, герцогства, курфюрства, города. Власть, закон, право, порядок были слабыми. Актуальной была проблема обеспечения сильного государства. Частые конфликты и противоречия мешали распространению и сохранению господства католической церкви. В связи с этим актуальным было обоснование лидирующей роли Церкви в формировании цельной государственной власти. Предпосылкой развития христианской философии права было также существование сложной проблемы теоретического обеспечения единства и последовательности самого религиозного учения.

В христианском мировоззрении закон является элементом нового мирозерцания и одной из координат определения сакрального пространства. С распространением христианства в мирозерцании происходит революция. Одухотворяется понимание истоков бытия. В отведенном для него пространстве человек видится творцом законов. Божественная сила эманурует последовательно от Бога к высшим, от высоких к низшим чинам бытия. Законность видится в установлениях Бога. Свои чины расположены и в небесном и в земном мире. Вначале Божественные законы устанавливаются через пророков. Первым земным законодателем стал Моисей. Ему явилось Божественное Откровение и способность перевести заповеди Бога на ясный для человека язык. С установлением и признанием христианства высшей Божественной силой на земле становится Церковь, церковная иерархия. Человек оказывается в ином, по сравнению с архаическим периодом, мироздании. Раб божий должен быть не только богопослушным, а также занимать свое активное место в мире, подчиняя природу своим потребностям. Частица бытия подчиняется воле человека. Книга Бытия обязывает человека властвовать над природой. Тем самым у человека появляется своя сфера свободы воли. Возникла возможность открывать и формулировать законы. Человек становится частично творцом своей судьбы.

В христианскую эпоху человек получил возможность духовного возвышения, тем самым приближения к Богу. В архаические времена над человеком безраздельно властвовала непознаваемая страшная сила Космоса, носителя внезапного и созидания, и разруше-

ния. В христианстве все окружающее человека видится не темным и непонятным, но результатом Божественного творения мира, соразмерности или гармонии. На основе этих требований формулируются позитивные и негативные последствия активности человека.

Преобразуются архаические представления о небесном и подземном мирах, возникают понятия противоположных по духу градов, царств. Складываются понятия Царства Небесного, царства земного, царства подземного. Между всеми царствами есть границы, переход которых предполагает перевоплощение. Земное царство – промежуточное между двумя другими. Это определяет его состояние. Земное царство гетерогенно, в нем могут находиться силы из двух других царств. Здесь Свет противостоит Тьме. Наиболее полная интерпретация противостояния двух миров, двух Градов дана Блаженным Августином. Один Град (Град Христа) духовно очищен. Другой Град (Кесаря) развращен (Град блудницы). В Царстве Христа побеждают Свет и Любовь. В царстве Кесаря – Люцифер с его Гневом (огнем и адом).

Складывается понятие закона. Первозакон исходил прямо от Бога, был сформулирован в виде запрета. Первый человек был предупрежден о возможной санкции за его нарушение Закона: «смертью умрешь». За нарушение Первозакона, за свой первый грех человек был наказан, изгнан из рая и вступил в пространство исторически конечного времени. Первозакон был результативным, но отделился и стал запредельным для человека, оказавшегося в новом пространстве. Но с совершением человеком первого греха обнаружилась также первая двусмысленность поведения Создателя. Бог создал человека по своему подобию, но также дерево познания с Сатаной, допускает связанное с ними искушение или ограничен в возможности его предотвращения. Тем самым уже Первозакон не был императивом.

Закон становится сложным в своем действии, его провозглашение, принятие не гарантируют его полного соблюдения. С одной стороны, закон стал положительным человеческим выражением Божьего слова. Но человек греховен, не только ошибается, но постоянно подвергается искушениям, может стать пленником князя Тьмы. Сложность соблюдения закона усугубляется и тем, что сам Бог бывает двусмысленен и непредсказуем в своем решении. По

выражению Юнга, в поведении Бога по отношению к Адаму совмещаются ориентация на показ привлекательного древа познания и одновременно запрещение пользоваться его плодами, тем самым провоцируя грехопадение Адама. В отношении к создателю Бога сохраняется архаическая традиция отношения к Космосу, о наличии или отсутствии помыслов вообще ничего не было известно. Возникла возможность христианского объяснения истоков нарушения Божественных законов.

Вторым Откровением стали 10 заповедей, ставшие первоисточником Торы, свода законов, моральных наставлений, сакральных инструкций¹. Тора понимается как пространное Божественное учение, как непререкаемое волеизъявление Бога. По убеждению правоверных иудеев, эти законы в своей совокупности образовывали Договор Бога с народом. Первые 10 заповедей подверглись расширительному толкованию. По подсчетам толкователей Талмуда, Моисею на горе Синай было дано 613 заповедей, среди них запреты по числу дней года (365) и предписаний (248) по числу органов тела человека².

Однако договор действовал не всегда и не во всем и не всеми выполнялся. Страх греха оказывался неуниверсальным. Грехопадение, начатое Адамом, остается свойством человека, которому предоставлен выбор. Бог сам разрывает договор с царем Давидом³. Негативная реакция Бога наблюдается при строительстве Вавилонской башни: люди жестоко наказаны за их стремление возвыситься до Божественного уровня. Как и в случае нарушения Первозаконя, человек наказан за приобщение к знанию, что приравнялось к приобщению к Божественной сущности⁴.

Большое число грешников Бог устраняет посредством потопа. Он посылает людям и другие испытания. Одно из них описано в Книге Иова. Бог дал праведному Иову большое состояние, хорошую семью и здоровье. Однако Сатана подвергает сомнению верность Иова. Послушав сомнения Сатаны, Бог разрешил ему распо-

¹ См.: Шифман И.Ш. Введение // Учение. Пятикнижие Моисеево. М., 1993. С. 38.

² См.: Урбах Э.Э. Мудрецы Талмуда. Тель-Авив, 1986. С. 170.

³ Там же. С. 114.

⁴ См.: Исаев И.А. Метафизика власти и закона. М., 1998. С. 168.

рядиться благополучием Иова с целью проверки Иова. Иов подвергается тяжким испытаниям. Он быстро лишается своего состояния (ограбили разбойники), теряет пять сыновей, трех дочерей (стихия разрушила дом и погубила всех членов семьи), сам заболевает проказой. Иов связывает беды с волей Господа и на все беды отвечает одним «Бог дал, бог взял: да будет благословенно имя Твое». Он верил в пришествие Спасителя, в то, что в последний день жизни увидит Бога. Своим поведением Иов показал пример верности и терпения Божьего раба. В награду Бог вернул ему все. Иов прожил еще сто сорок лет в благополучии, счастье, спокойствии. В религиозных проповедях Иова преподносится как пример смирения и воздаяния за него. Теологи обращают внимание на страдания Иова как прообраз Христа.

Иначе смотрят на библейский эпизод психоаналитики, моралисты и историки правовых учений. В ситуации с Иовом К. Юнг видел Бога как бессознательное, которому еще необходимо осознать свое бытие. Осознание усматривается в потребности одобрения и внешнего поклонения. Народ, который избрал Бог, проявляет склонность к отклоняющемуся поведению. Строгие судьи Яхве считают, что в моральном плане Иов оказывается выше Всемогущества, слепого и гневного¹. Но это не вытекает из библейского повествования. Действительно, Яхве волен в отношении заключенного им самим договора. Но Договор Бога с народом – это миф тех, кто возомнил себя избранныком среди всех других «цветных». Между Богом и любым народом не может быть договора в обычном смысле, как нет договора между человеком и любым животным. Или человек может каким-то образом наказать Бога за его недолжное поведение? Что может вообще человек в отношениях с Богом? Просить помощи, быть благоверным и душой, и действием.

Утверждается также, что действия Бога подпадают под действие уголовного законодательства, что им нарушен закон в процессе правоприменения². К тому же на каком основании обвинять Бога в тяжких испытаниях Иова? Бог только разрешил Сатане проверить верность Иова Богу. Беды Иова придумывал и организовывал Са-

¹ См.: Юнг К.Г. Ответ Иову. М., 1995. С. 133.

² См.: Исаев И.А. Указ. соч. С. 164–165.

тана. Организованы ограбление, убийство семьи Иова. Сатана преступает меру испытаний, дозволенную Богом. Можно допускать, что небесный договор нарушен Сатаной. Иов искалечен тяжелой болезнью, несмотря на то что Бог не разрешал Сатане простирать свои руки на самого Иова.

Миссией Христа первого пришествия было восстановление Закона, превратившегося в догму и формализованные Священные Писания. Христос заявлял, что он пришел не нарушать Закон, но исполнять его. Толкователи христианского учения разъясняют: Спаситель противопоставил догматически понятой Торе истинный Закон Бога, устремленность сердца к нему. Тора виделась Христом не как застывший закон, которому нет дела до конкретной ситуации, в которой находится человек, но «скорее как учение, существующее в диалоге между Богом и человеком, чье сердце и уши не всегда открыты этому Божественному учению»¹.

В раннем христианстве сформировалось и долго воспроизводилось отрицание договорного начала в законе. Великим максималистом в критике отождествления Торы с Божьим Законом стал Павел, признанный Церковью равноапостольным. Павел указывает на противоречивость ветхозаветного толкования Закона и обосновывает даже греховность следования ему: «Законом не оправдывается плоть, но познается грех» (Рим. 3:2). Тора не оставляет человеку никакого выбора. Закон же не может быть исполнен, если его исполнение не зависит от веры, достаточно только внешнего следования букве. Тора была дана не для исполнения, а для того чтобы выгнать грех наружу (Рим. 5:20). Закон не может любить грешников, а Бог может. Старый догматически понятый Закон не может спасать и животворить, не может оправдать, но лишь говорит одно: все виновны. Никому недоступно точно исполнять предписания и оставаться праведным. Им не выполняется миссия спасать, утверждать жизнь, обещается оправдание, но дается только осуждение². Сам Христос не противопоставлял себя Ветхому Завету. В Евангелии от Матфея (Мф. 5, 17–18) так сказано о повествовании Христа «Не думайте, что Я пришел нарушить Закон или проро-

¹ Бубер М. Два образа веры. М., 1995. С. 325.

² См.: Вышеславцев П.Н. Этика преображения Эроса. М., 1994. С. 40.

ков, не нарушить пришел Я, но исполнить». Апостол Павел оспаривает исполнимость Торы, считая, что Тора была дана не для исполнения, а для того, чтобы в силу своей неисполнимости «выгнать грех наружу» (Рим. 5:20). Это другое по сравнению с тем, что говорит Спаситель. Христос считает вполне исполнимым первозамысел Торы. Поэтому, полагают исследователи, отношение Христа к Торе ближе к позиции фарисейства, чем к позиции апостола Павла¹. Другое высказывание апостола Павла «вся власть от Бога» также вносило смуту в понимание единства власти. Постулат апостола Павла объективно служил абсолютизации прав феодалов, имеющих реальную власть (короля, феодалов), пониманию их власти как права на полную самостоятельность, права противопоставления своей власти папской власти.

То, что было предложено великим максималистом взамен ветхозаветного Закона, основано на предельно широком синтезе Божественного, естественного и позитивного права². Но это было возвращением к космогонической, неземной интерпретации Закона и отказе от земных институтов правосудия. Исторически первичное понимание Ветхого Завета и христианских заповедей вели к большим противоречиям на религиозной почве. В итоге воспроизводилось противостояние, но не консолидация, что не содействовало становлению порядка, благоприятствующего утверждению праведного образа жизни.

Постулаты христианской философии права. Знаковыми историческими фигурами в становлении христианской философии права были Августин (354–430), Фома Аквинский (1225–1274). Двух великих богословов разделяет более чем 800 лет. Однако время не разделяет их духовно. Фома развивает ряд идей Августина до уровня целой теории. С именем Августина связано формулирование исходных положений христианской философии права. Учение Фомы Аквинского (Аквината) о власти и праве стали классикой в теологическом учении. Его сочинения стали основой официальной церковной идеологии всей эпохи Средневековья и Нового времени. Благодаря трудам Августина и Аквината были сняты мешавшие Церкви противоречия в понимании Ветхого и Нового Завета, христианское учение стало цельным и последовательным.

¹ См.: Бубер М. Указ. соч. С. 272–280.

² См.: Исаев И.А. Указ. соч. С. 192.

Философские вопросы права в трудах Августина не отделены от специфических юридических вопросов. Великий христианский богослов поднимает на уровень религиозных мировоззренческих убеждений все общие вопросы права. Так, Августин предлагает основание разделения сферы преступлений и проступков: «Когда неукротимая страсть портит душу и тело – это проступок, когда она действует во вред другому – это преступление». Но в истории правовой мысли Августин остался благодаря не этим алгоритмам.

Проблему преодоления зла Августин видит в слабости человека в его борьбе со злом. Спасение он усматривает в достижении человеком благодати, и пишет, что роль религии и Церкви в решении этой задачи незаменима. Августин говорит также об определяющей роли религии в правомерном поведении, обосновывает ее незаменимость для успешного и устойчивого функционирования власти. Он использует и обогащает политическую терминологию эллинского периода для характеристики зла в государстве и праве, тем самым обеспечивая идейную преемственность с Античностью и обновление мысли. Используя термины античных философов, Августин меняет их содержание и превращает в составные части христианского понимания власти и права.

Фома Аквинский разработал идейные основы политико-правового обеспечения порядка и иерархии при соперничестве власти: феодалов и Церкви. Применительно к власти и праву были сформулированы алгоритмы, позволявшие смягчать остроту проблемы отношения к реальности на основе сложившихся христианских догматов, теоретически обеспечивать безоговорочное господство христианского мирозерцания, примирять две власти в средневековом обществе: феодалов и Римско-католической церкви. Объективно учение Фомы Аквинского помогало найти форму принятия необходимых или неизбежных изменений при сохранении стабильности существующих общественных отношений.

На основе сложившихся христианских догматов Фома Аквинский разработал последовательно каноническую основу власти и правовых отношений, причин ее возникновения.

Августином создаются идейные предпосылки разработки актуальной для права во все времена темы разделения добра и зла, их противоборства на земле, в том числе и в законе. Сама по себе эта

идея не нова. В ней сказывается влияние Платона и манихейства, мифа о существовании двух полисов-государств (богатого и бедного). Платон видел проблему очищения знания, искусства государственного правления от химер, шумной оравы кентавров и сатиров¹. Августин рассматривает противоположность двух градов на земле с последовательно христианских позиций. Освобождение человека от грехов земной жизни может происходить в противоречии добра и зла как среды и их преодолении. Согласно Августину, существуют два вида градов. Один из них – это сама действительность земной жизни. Другой отражает небесный мир. Граждане земного греховного Града окружены и испорчены грехом, постоянно испытывают гнев Божий.

Истоки зла в отношениях между людьми Августин видел в свободной воле человека и возможности ее извращенного понимания. Злом Августин называет не только само действие, но и готовность терпеть его. В каком граде находится человек, зависит от его выбора. Зло заключено в свободе воле, позволяющей производить разные действия. При свободе воли все зависит от того, какая воля проявляет себя. Нездоровая или извращенная воля – это слабая воля, переходящая по наследству от Адама. Слабая воля при свободе выбора ведет к двум видам зла: преступлению или непротивлению преступлению. «Человек совершает зло, которое хочет, и терпит зло, которого не хочет». Выбор поведения и совершение зла – все это зависит от человека, от приобретения или неимения благодати.

Вывести зло из души человека, возвысить его до благодати может христианская вера. Августина привлекает определение власти Цицероном (как союза людей). Но, спрашивает Августин, возможен ли был такой союз в Римской империи, языческом государстве, основанном на подчинении и подавлении многих народов? Союз действительно может быть обеспечен, если он основан на праве, которое строится на принципе справедливости. Сомнение в возможности оценивать Римскую империю как союз было основано на понимании реалий начала V в. Римская империя разделилась на две части – Восточную и Западную, а через 46 лет после смерти Августина Западная Римская империя прекратила свое существование.

¹ См.: Платон. Политик 303.

Августин формирует высокие требования к правителям. Главным в оценке государства, его политики является внимание не столько к форме правления, но смыслу, цели, способам властвования, непринятие «похоти господствования», ее аморальности, несправедливости, жестокости закона и реализации его.

Августин по новому толкует тиранию. У Платона и Аристотеля тирания считалась не лучшей формой правления, потому что единоличная власть приобреталась нелегитимным путем. Во времена Августина утвердилась одна форма правления – монархия, в которой власть передавалась по наследству. Поэтому в отношениях власти и общества главным был вопрос не о том, кто правит, но о том, как правит: справедлив ли правитель, уважает ли Церковь. Несправедливый правитель называется тираном. Под тиранией понимается уже не неправомерный способ захвата власти, но несправедливое правление, независимо от того, кто осуществляет правление, единоличный правитель или народ. Несправедливое правление со стороны аристократического меньшинства называется Августином кликой. Проповедники византийской Церкви идут дальше и рисуют образ правителя как свободного от человеческих грехов. Иоанн Златоуст учил, что истинный царь властвует над гневом, честолюбием и наслаждением, все подчиняет закону Божьему, сохраняет свободный разум и не позволяет страстям властвовать над своей душой. По Максиму Греку (XVI в.), царь должен возвыситься над такими пороками, как властолюбие, сребролюбие, славолубие. Через 800 лет после Августина Фома Аквинский развивает христианское понимание тирана, предлагает более полное понятие тирании, обосновывает право свержения такой власти.

Фома подвергает власть «анатомическому» анализу, находит ниши присутствия во власти Божественного начала, Добра, и ниши, в которых может сосредоточиваться зло. Выделяются разные уровни власти: сущность власти, формы (устройства) власти, цели и результаты использования власти. Сущность власти учреждается Богом, сводится к утверждению порядка, разумной организованности и соразмерности, Божественного руководства миром, поддержания в отношениях между людьми неравенства, господства и подчинения.

Монаршая власть призвана выражать Божественную сущность власти. Монаршей властью в общество вносится стройность и орга-

низованность. Цель богоугодной государственной власти – это общее благо, обеспечение условий для нормальной и разумной жизни. На базе основного принципа организации и порядка обосновываются определяющие начала жизни: сословная иерархия в отношениях, участие в управлении государством феодалов и исключение участия в управлении простолюдинов (крестьяне, мелкие ремесленники, мелкие торговцы), безусловное послушание всех высшему феодальному сословию.

Следующие два уровня организации – это формы власти и использование власти. Они являются результатом воли и активности человека. И форма, и использование власти должны служить реализации сущности власти, которая является Божественным творением. Божественному началу могут соответствовать разные монархии: и абсолютная, и политическая. Для Аквината предпочтительнее политическая или сословно-представительная монархия, в которой реализовано представительство власти интересов (крупных феодалов, светских и духовных). Существенное отличие политической монархии состоит также в том, что власть монарха ограничена и определена законом. Определение формы организации и деятельности – это выбор не только между хорошим и лучшим, но между богоугодным и противным Богу. Человек может оказаться под влиянием сил, которые стремятся исказить сущность власти и тем самым лишить власть Божественного начала. С этим связана несправедливость, идущая от власти. Аквинат, как и Августин, использует понятие «тиран» для характеристики правителя, который пришел к власти неправедным путем, использует неправедные средства в управлении, облагает народ непомерными налогами, вторгается в духовную жизнь человека. Неподчинение такому правителю, восстание против тирана и даже свержение его объявляется праведным делом. Но пойти на такие акции сами притесняемые не вправе.

Естественное право в христианском правопонимании. Августин принимает античный термин «естественные права», но отвергает вольную трактовку понятия, не связанную с Божественным началом. Истоком того, что относится к естественным правам, является Божественная воля. Естественные права даются Богом, согласуются с установленным порядком в природе и поддаются пониманию; они сливаются с обязанностями, долженствованием.

У Аквината естественные права рассматриваются как часть единой системы права. Основой права объявляются справедливость, стремление членов общества достигнуть воздаяния равного за равное. Великий богослов дает сложное полиструктурное описание того, как право претворяется в законе и действии. В законе выделяются множество составляющих, которые образуют нормативную иерархию. Выделяется Вечный закон как первоисточник естественных предпосылок законодательства, Божественный закон, естественный закон и человеческий (позитивный) закон.

Вечный закон – Божественное Откровение, обращенное к людям, или универсалии Божественного начала, скрытый источник реального права. Вечный закон не доступен анализу, но отражается в сознании человека в виде естественных стремлений, интересов. К естественным законам Фома относит стремление человека к самосохранению, безопасности, продолжению рода, уважение людей, заботу о ближних, поиск Бога (истины).

Аквинат как бы возвращается к римским стоикам, ограничивается только сменой терминов: вместо выражения «естественные права», распространенного у стоиков, использует понятие «естественный закон». Но за терминологической сменой стоит смещение акцентов. Согласно последовательной богословской концепции, под естественным законом понимаются права человека, из реализации которых складывается его жизнь. Но смысл прав человека не в автономном самоопределении, но в реализации человеком Божественных предначертаний. Место человека в обществе определяется не самим человеком, но его сословным положением. В средневековом традиционном обществе к естественному закону относится, в частности неравенство между людьми.

Естественные (законы) права превращаются в человеческие (позитивные) законы. Однако между естественными и человеческими законами есть огромные различия. Естественные законы есть (подсознательное) отражение вечного закона. Они ведут человека к естественному образу жизни, к которому приобщил Бог в самом начале своего творения человека. Человеческий закон пишется для исполнения всеми. Назначение человеческого закона в определении направлений государственного принуждении людей, в использовании страха для исполнения должного. Естественные законы

постоянны, человеческие – могут меняться. Исполнение позитивных законов так же необходимо, как необходимо исполнение естественных и Божественных законов. Но позитивные законы не должны идти в разрез с естественными законами. Несоответствие позитивных законов естественным является основанием не принимать человеческий закон. Таким образом, Фома Аквинский обосновывает новое по сравнению с римскими юристами: абсолютный приоритет естественного права. Достигать наибольшего соответствия позитивного закона естественному помогает Божественный закон (Библия). Ценность Божественного закона в обеспечении с его помощью необходимого единомыслия в понимании правды и справедливости, а также в помощи действию позитивного закона, так как принуждением и силой нельзя полностью гарантировать исполнение законов.

Первенство христианских максим и требований к политике, правителям создали предпосылки для обоснования права неповиновения тирании (Фома Аквинский) и прямого права на восстание против деспотии (Дж. Локк, Руссо).

Под влиянием хилиазма с его враждебностью к существующему строю фантазии о прошлом золотом веке стали заменяться верой в благоденствие в будущем. Власть, отношения господства – повиновения стали рассматриваться как естественные проявления изначальной земной греховности. Обязанностью христианина является принятие наказаний, посылаемых Богом за грехи. По Лютеру, неповиновение властям объявлялось бóльшим грехом, чем нарушение заповедей Божьих. Терпение, лояльное отношение к властям, законопослушание – все может рассматриваться как форма Божьего наказания.

Наряду с хилиастической традицией в христианстве утверждается традиция увязывания Царства Божьего уже не с определенным временем, но с особым духовно-нравственным состоянием человека. В протестантизме она вылилась в мораль самосовершенствования, благоустройства земного мира.

С христианством распространяется убеждение, что человек уже не в полной власти земного повелителя. Разграничивается мирская жизнь и духовная (религиозная) власть, сфера государственной власти ограничивается новозаветной максимой «Богу – богово, Кесарю – кесарево».

Введение христианства как системы нравственных ценностей, основанной на монизме, сыграло огромную положительную роль в

становлении правопорядка. Однако использование христианской идеологии слоем церковников породило догматизм, огромное и долгое сопротивление изменениям в направлении гуманизации и демократизации государственности.

2.3. Философия права модернизированного и техногенного общества

В эпоху модернизации и трансформации принципиально новым становится не только собственно право, но также формируется как относительно самостоятельная форма общественного сознания – правосознание. Оно проявляется в устойчивых (массовых и элитных) представлениях о праве, о правомерности или неправомерности того или иного повеления, о справедливости или несправедливости тех или иных законов, в позиционировании отношения граждан к праву в целом, к действующим конкретным законам, правам и обязанностям людей, полномочиям государственных органов. Правосознание может описываться через распространенные идеи, типичные эмоции и мотивации. Состояние правосознания является индикатором способности отдельных граждан, их объединений измерять социальную реальность на основе права, позиционировать отношение к социальной реальности в целом и отдельным социальным явлениям в ней сквозь призму действующих и, возможно, новых норм права.

Правосознание становится одной из форм общественного сознания. В правосознании проявляются черты, свойственные общественному сознанию в целом и отличающие его от иных форм общественного. Среди них можно выделить такие свойства, как большая конкретизация объекта, оценки поведения, формализация нормативного мышления, представлений о должном, возможном, недопустимом (запретном) поведении, актуализация важности существования процессуальных норм и соблюдения их. Специфика правосознания проявляется в специфике юридического языка. Юридические категории выражаются, казалось бы, знакомыми словами. Но содержание категорий отличается от привычного их толкования. Так, понятие «юридическая ответственность» отличается от нравственного понимания ответственности, юридическое понятие «собственность» отличается от экономического понятия соб-

ственности. Узкоправовое сознание – это юридическое мировоззрение. Широкое или развитое правосознание не закрыто от морального и политического, философского сознания, но пересекается и взаимосвязано с ними, выражает отношение к праву на основании знания не только нормативных актов, но также реальных экономических и социальных отношений, состояния национальной идентичности, влияния старых и новых идей.

Естественно-правовое правопонимание. В эпоху Реформации, Возрождения и особенно Просвещения на Западе происходит новый качественный скачок в правопонимании. В правовое мышление, которое по мере каноничности уступало только религиозному сознанию, приходят инновации. Право и государство освобождаются от сакрализации, рассматриваются как продукт человеческой мысли и воли. Понятие «естественное право» освобождается от теологического понимания и приобретает рационально-критическое правопонимание. Разум стал признаваться основным источником определения правовых целей и форм и критики действующего права. Новое право воспринимается как лучшее, предпочитаемое старому. Принцип, или норма права, вознесенные до статуса естественного права, становятся исходным для позитивного права. Из философии права исчезли теологизация и сакрализация его истоков. Значение придается творчеству и воле человека в развитии права. Новые идеи в целом противостояли не христианским основам политической мысли, но религиозным догмам и особым притязаниям Церкви на власть. Воинствующий атеизм эпохи Просвещения XVIII в. свелся в XIX в. к расширительному толкованию свободы совести, свободе вероисповедания, праву на атеистическую позицию и даже к критике религиозных догм. С культом естественного права коренным образом меняются поиски и открытие истоков права. Возрождается и обновляется миф о естественном праве.

В Новое время радикально изменилось понимание естественных прав. Они выражают не Божественную волю, но от природы заданные интересы и свойства человека. Законодателю остается постичь естественные права и сформулировать их в законе. С принятием естественного права за неоспоримую истину и основной духовный источник позитивного права гражданские права закрепляются в конституциях, объявляются священными и неприкосновенными, выс-

шей правовой ценностью. Претерпев обновление, естественно-правовая теория стала идеологической основой формирования гражданского общества, гражданского права и гражданского состояния, идейным источником формирования современного права. С возрождением и обновлением естественного права началась эпоха становления универсалий современного права. Право рассматривается как относительно самостоятельное социальное явление, развитие и функционирование которого подчиняется не только общим, но также политическим и собственно правовым закономерностям.

Понятие «гражданское право», в отличие от естественного права, отождествляется с гражданским (внутригосударственным) законом (*Lex civilis*), основное содержание гражданского права – это регулирование отношений по поводу собственности. При естественной свободе, писал Руссо, человек имеет неограниченное право на все, что его прельщает и чем он может завладеть. По общественному договору люди, переходя в гражданское состояние, добровольно ограничивали свои естественные права, передавали часть их политической власти. Человек имеет гражданскую свободу и право собственности на то, чем он владеет¹.

Обновленная теория естественного права сыграла выдающуюся роль в утверждении основ нового правопорядка. Была обоснована западная модель политической и правовой модернизации, мера императивности и диспозитивности права. Естественное право стало теоретической версией протоправа, ради реализации которого требовалось отречение от духовных основ общества, сословных привилегий и ограничений. Подчинение всех членов общества единому порядку стало обосновываться рационализацией авторитета и легитимности власти, перерастанием права в расширяющуюся систему правовых норм, приспособленных к социальному плюрализму и усложняющимся общественным отношениям, расширению участия граждан в правовом регулировании. Претерпев идеологическое обновление, естественно-правовая теория стала идейным источником формирования нового права, адекватного формированию гражданского общества, развитию рыночной экономики.

¹ См.: Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 164.

Естественно-правовой теорией было положено начало развитию ценностных критериев в праве, возникновению множества оснований оценки права, его соответствию требованиям времени. Таковы солидаристское и социалистическое правопонимание.

Критика естественного права. В период революционных изменений в XVIII в., в пылу критики основ традиционного общества естественно-правовое правопонимание вело к абсолютизации благотворной роли гражданских прав и свобод. В XIX в., однако, выяснилось, что просветительские нереализованные идеи гражданского общества и прав гражданина привлекательны только в сравнении с истоками права в эпоху абсолютизма и тирании. В XIX в. стало очевидным, что естественное право является мифологемой. С ее помощью успешно развивалась критика общества сословного разделения и абсолютной монархии, но идеализировались ожидаемые блага. Ограниченность теории естественного права заключалась также в том, что правовые ценности выводились из абстрактных идеалов. Жизнь показала, что сами по себе гражданские права, если они абсолютизируются, открывают перспективы и путь не к обществу справедливости, но к экономическим благам меньшинства, смене типа экономически господствующего класса.

С превращением прав и свобод в нормативно-правовую основу общества, развитием рыночной экономики феодалы как класс стали слабеть и исчезать, появилась буржуазия, новый жесткий в эксплуатации масс класс. Возник огромный класс пролетариев. Теневые стороны капитализма, ничем не ограничиваемая социальная агрессивность буржуазии, правовая и социальная незащищенность работников наемного труда – все это стало социальным истоком новой волны критики теперь уже не феодальной, но капиталистической эксплуатации. Теперь уже не Божественного, но естественного права. Потребовалось столетие, чтобы либеральный принцип правового ограничения власти государства был бы дополнен принципом правового ограничения власти собственников. На смену мифу «что хорошо для собственника, корпорации, то хорошо для общества» пришло признание необходимости правового обеспечения контроля за функционированием собственности. Дискуссионным остался только вопрос меры свободы и правового ограничения собственников.

Обнаружилась и другая слабость теории естественного права. С ее помощью успешной была критика старого и обоснование нового, еще не установившегося права. Однако при формировании нового права и правопорядка мешала неопределенность границ естественных прав. Они зависят от особенностей позиции мыслителя. Миф о естественном праве помогал Ф. Аквинскому обосновать право на протест против угнетения, Ж. Мелье и Ж.-Ж. Руссо – право на восстание. Согласно Гоббсу, естественные права должны быть предметом делегирования. Сосредоточение их в руках монарха, считал Гоббс, помогло бы ограничивать произвол, агрессию, обеспечивать мир и порядок. По мере накопления рациональных оснований для критики капиталистического общества влияние теории естественного права уменьшалось. Становилось очевидным, что легализация естественных прав была актуальна не для всех, но для меньшинства.

Опыт показал также, что абсолютизация прав человека под предлогом их естественности может вести к социальному расслоению, развитию культа силы, денег, предприимчивости, удачи в ущерб развитию общества на основе гуманизма, солидарности. Значение поиска золотой середины в отношениях интересов индивида и социума стало актуально не только в социально-экономической сфере. Естественно-правовая традиция опосредованно способствовала развитию других прав. Право на эгоцентризм, утвердившееся с естественно-правовой теории, было дополнено правом на этноцентризм, правом народа на самоопределение, вплоть до отделения. В Европе право на национальное самоопределение привело к образованию множества малых национальных государств. Как далеко пойдет такое формирование и изменение государств, покажет будущее. В течение XX в. Европа склонялась в пользу реализации права на самоопределение в ущерб принципу территориальной целостности государства. Очевидно, однако, что абсолютизация прав человека и коллективных прав (типа права народа на самоопределение) могут привести к неоднозначным и даже опасным последствиям. С этим связана периодическая актуализация права народа на самоопределение и права на территориальную целостность. Одним из итогов Первой мировой войны стало возникновение множества новых государств Европы. В результате распада Российской империи, Австро-Венгрии и Османской империи возникло боль-

шое число новых государств. То же произошло с распадом мировой социалистической системы. Чехословакия, объединявшая два культурно очень близких народа, прекратила свое существование. На ее месте возникли Чешская и Словацкая республики. На месте Югославии появились семь новых карликовых государств. Косово, в течение веков считавшееся исторической родиной сербов и существовавшее как часть сербской территории, в 2008 г. оказалось территорией нового государства, в котором государствообразующим народом стали двухмиллионные косовары, когда-то переселившиеся из Албании, получившие в годы социалистической Югославии автономию.

Обновление либерально-юридической парадигмы. Традиция естественно-правового правопонимания и толкования законов сохранилась. Более того, сохраняется особое отношение к ней как основе теоретического правопонимания.

В. Нерсесянц предложил обновить естественно-правовую теорию, освободить ее от просветительского идеализма и мифологичности, но сохранить традиции различения права и закона, активной роли аксиологической функции правосознания, характерной для естественно-правовой парадигмы. К изжившим свойствам естественно-правовой парадигмы относятся создание мифа об источниках естественного права, плюрализм интерпретаций естественного права, сведение предправа к морально-нравственному учению. Базовые принципы современного права автор сводит к максимам, которые в свое время выводились отцами-основателями либерализма. Но в изложении автора они уже понимаются не как начала естественного права, но как сущностные, в этом смысле естественные свойства права. Без них не может быть права.

Право обосновывается как выражение равенства и свободы. Основанием и критерием правового уравнивания различных людей является свобода индивидов в социальных отношениях. Право определяется как форма выражения свободы посредством принципа формального равенства людей в общественных отношениях.

Свобода признается и утверждается в правоспособности и правосубъектности. Правовое равенство в свободе как равная мера свободы означает также требование соразмерности, эквивалента в отношениях между свободными индивидами как субъектами права.

Отсюда критерии существования в обществе права и его отсутствия. Согласно либертарно-юридической концепции, в обществе, в котором люди делятся на свободных и несвободных (тех, кто может быть только объектом права), нет права. Независимость субъектов друг от друга в рамках правовой формы их взаимоотношений и одновременно их одинаковая, равная подчиненность общей норме определяет смысл и существо правовой формы бытия и выражения свободы.

В социальной сфере не может быть полного правового равенства. Признание индивидов формально равными не означает равенства приобретенных прав на индивидуально-конкретные блага. Правовое равенство не уничтожает исходных различий между разными индивидами, но формализует и упорядочивает эти различия по единому основанию. В итоге социальные различия между людьми предстают в виде неравенства приобретенных субъективных прав и обязанностей. Благодаря праву хаос фактических различий преобразуется в правовой порядок равенств и неравенств, согласованных по единому основанию и общей норме.

Достоинство либерально-юридического правопонимания состоит в том, что естественно-правовые идеи, ставшие важной идеологической основой права в странах Запада, получают более точное современное определение и характеристику. Теория естественного права стала обоснованием свободы личности. В эпоху Просвещения это казалось возможным. Однако в современном обществе самостоятельность гражданина по отношению к государству высока, одновременно есть зависимость человека от корпораций, проектов, конкуренции. Все эти зависимости предполагают согласие человека с интересами других, приспособление к стратегии и тех, кто управляет. Сфера публично-правового регулирования разрастается. Соответственно возрастает роль государства в определении поведения человека. В этой сфере есть место и правам человека, свободе в защите прав граждан, но значительна роль императивных норм.

Теория И.А. Ильина. Для развития философии и права в России большую ценность имеют работы выдающегося философа права первой половины XX в. И.А. Ильина по теории права и правосознания. Ильин актуализировал тему зависимости состояния национального права от развития правосознания на массовом и элитном уровне.

Для теоретического решения поставленного вопроса Ильин использует понятия «нормальное», «дефектное», «монархическое», «республиканское» право, аксиомы власти и правосознания.

Признак нормального правосознания заключается, по Ильину, в уважении к положительному праву. Содержание нормального правосознания отчетливее может быть обозначено в сравнении с аномалиями правосознания, правовым нигилизмом и революционным сознанием. Нормальное правосознание есть драгоценный результат долгого и мучительного процесса. При нормальном правосознании исключается стремление к разрушению права. При нормальном правосознании человек сам управляет своим поведением в соответствии с положительным правом¹. Где не развито автономное управление своим поведением, там не может быть ни правопорядка, ни самоуправления.

Нарушение права допускается как исключительное явление. В частности, не исключена ситуация, при которой человек сталкивается с неправовым нормативно-правовым актом. Но в таком случае надо доказывать противоречие его действующему закону, принципам и конституционным правам человека и гражданина с «естественной правотой». Для нормального правосознания нарушение права возможно также из-за необходимости обновления единого правопорядка и необходимости творческого развития правового права в результате борьбы против воли нарушителя и поддерживающего нарушение².

К составным частям правосознания Ильин относит мысль, чувства, волю. Вне мысли правосознание смутно и беспредметно. Вне чувства правосознание поверхностно и немошно. Вне воли правосознание пассивно и инертно³. Высшая оценка состояния правосознания связывалась солидарностью: заинтересованностью всех в общем деле. На этой основе, считал Ильин, развивается духовная однородность и общность духовной культуры. Признаком реальной солидарности является свобода общества от таких недугов

¹ См.: Ильин И.А. Теория права и государства. М., 2003. С. 208.

² Там же. С. 221–223.

³ Там же. С. 261.

правосознания, как своекорыстная борьба, отстаивание неправомерного интереса, непринятие чужого правомерного поведения¹.

Одна из проблем формирования правосознания – это правовое воспитание народа. Ильин считал, что прежде чем вовлекать народ в государственное управление, необходимо формировать в нем публичную правоспособность. Для отправления публичных полномочий, необходимо усвоение не только прав, но также обязанностей и запретов².

Ильин выделяет тему антиправового сознания, или недуга правосознания. Общий итог недуга правосознания заключается в том, что не стоит и не решается задача организации мирного и справедливого сожителства людей³. Антиправовое правосознание проявляется в позиционировании требования разрушения установленного порядка. К формам недуга правосознания Ильин относил революционное правосознание и правовой нигилизм. Ильин считал их проявлениями и духовного нигилизма. Расшатывание уважения к праву – это разрушение имеющегося и необходимого для будущего развития права. Гражданин, не уважающий право, превращается или в раба или в революционера, в некоторую смесь того и другого. Неуважение права – это большое правосознание, которое разрушает государство. Человек с большим правосознанием не признает власть и не бережет ее авторитет, не помогает ей, а только мешает. Он разрушает в себе культуру повиновения и не вырабатывает способность к власти.

К наиболее активной и социально опасной форме проявления антиправового сознания Ильин относит терроризм. Если с ним не ведется эффективная борьба, то может разрушиться духовная основа государственного бытия: публичное правосознание народа и тяготение его к власти как источнику права и центру национального единения⁴.

Ильин выделяет три аксиомы нормального, или развитого правосознания. Первая аксиома состоит в духовном достоинстве.

¹ См.: Ильин И.А. Указ. соч. С. 266, 271.

² Там же. С. 283.

³ Там же. С. 162.

⁴ Там же. С. 366–368.

Человек должен обладать зрелым духовным самосознанием, чувствовать себя некоей миссией, осознавать себя как член общества, призванный играть положительную роль в нем, осознавать свои права как средство для утверждения своей личности. Такой человек может не только знать право, но и участвовать в его развитии на благо всех. Имущественные права вызывают в нем не аскетизм и не жадность, но личную ответственность за их правомерное использование. Политические права он осознает как свои обязанности. Ограниченное развитие достоинства рождает различные слабости или, по Ильину, недуги правосознания. В основе всякой продажности (взятки, публичная коррупция) лежит отсутствие или ограниченность собственного достоинства личности. У публичной, или политической, коррупции, как и у обычной, имеется общее: извлечение корыстных частных выгод за счет общества или какого-либо его сегмента. Часто она проявляется в фаворитизме, nepотизме (покровительство родственникам, кумовство), присвоении званий, наград, выделении особой роли той или иной должности. Вторая аксиома правосознания состоит в его автономии, что означает способность определять себя и управлять собой, иметь самостоятельные убеждения. Именно такого типа человек является строителем правопорядка и воспроизводителем правосознания. Чем ниже общий уровень развития человека, тем больше необходимость применять принуждение. Мера же принуждения определяется рядом обстоятельств.

Третья аксиома заключается во взаимном признании и доверии в отношениях между людьми, между властью и людьми. Потеря уважения к власти является признаком глубокого кризиса. Государство вообще не может существовать, если оно превращается в систему взаимного недоверия и подозрения. Когда власть формирует сознание окружения общества врагами, существования заговоров внутри страны, она выступает по отношению к гражданам как предатель, провокатор, палач¹.

Свобода самоопределения может оказаться опасной, если человек не подготовлен к свободе убеждений. Внешняя автономия благотворна, если она выражает внутреннюю автономию, духовную

¹ См.: Ильин И.А. Указ. соч. С. 371.

зрелось независимость от внешних обстоятельств¹. Это значит, по Ильину, что свобода приобретает только в самостоятельном напряжении, в борении за свободу.

Некоторые положения теории Ильина могут быть в наше время подвергнуты сомнению. Например, есть ли достаточные основания безоговорочного или однозначного отнесения революционного сознания к недугу правосознания. Революция в праве, совершенная в странах Запада на основе теории естественного права, была, с одной стороны, разрушением старого, с другой стороны, основой становления нового права. Революционная версия теории естественного права противостояла большей части обычаев и традиций в праве. В разные периоды новой эпохи получили распространение теории анархизма социализма, коммунизма. На их основе дискредитировался существующий строй как эксплуататорский, угнетательский, строились различные утопии, в которых абсолютизировался принцип социального равенства и умалялся принцип правового равенства. Одним из итогов Октябрьской революции была тотальная отмена частной собственности как источника социального неравенства и эксплуатации. В настоящее время крайности Октября Россией преодолены. Однако отнесение принципа социального выравнивания стало существенным национальным моментом российского правосознания, одной из высоких ценностей, влияющей на развитие права.

2.4. Идеиные традиции правопонимания

В течение XIX–XX вв. сложилось несколько традиций в правопонимании. Однако новые концепции и традиции, в отличие от естественно-правовой традиции, не были идеологиями радикальных изменений в правопонимании, революцией в правосознании, только частично были альтернативой теории естественного права, возникали и утверждались по принципу дополнительности. Свое влияние на рационально-критическое отношение к теории естественного права и обогащение правопонимания происходило под влиянием, которое оказали исторический, нормативистский, социологический и психологический подходы. У всех новых

¹ См.: *Ильин И.А.* Указ. соч. С. 330.

дополнительных теорий правопонимания было общее существенное достоинство по сравнению с теорией естественного права. Ни в одной версии правопонимания не выстраивался предварительно общий идеальный тип всего права, но обосновывались направления исследования права, выделялись факторы их развития и роста эффективности правового регулирования.

Историческая школа. Наиболее известными представителями исторической школы права были профессора университетов Германии первой половины XIX в. Историческая школа права оказалась первой влиятельной критикой теории естественного права как умозрительной, разрушительной выдумки идеалистов о возможности насаждения свобод. В противоположность изобретению интеллектуалами неких универсальных врожденных нормативов предлагалось открывать истоки права в народном духе. Закон объявлялся не единственным источником права и законотворчество не единственным способом создания права. Оно осуществляется естественным путем, прежде всего в форме обычного права. Несоответствие реальных правовых отношений закону не является обязательным признаком отсутствия права, но может быть признаком несоответствия закона реально действующему праву. Для жизни нормально, что большинство людей не читают и не знают текстов законов, но правовой порядок тем не менее в обществе соблюдается: люди руководствуются обычным правом. Право определялось как результат не специального законотворчества, деятельности законодателя, но прежде всего как продукт народного духа, народного сознания. Возникновение права уподобляется возникновению языка, правил игры. Они формируются в течение длительного времени, в процессе достижения согласия относительно спорных вопросов и принятия приемлемых решений. Юристы, законодатель могут в лучшем случае помочь упорядочению права. Не следует подталкивать развитие права, оно само по себе непрерывно развивается по мере изменения потребностей у самого народа. Законодатель может только дополнить право, но не изменить его, тем более основательно. Законодатели, ученые-юристы только влияют на действительное право. Основной вывод исторической школы права сводился к критике веры в обновляющую роль закона и законодательства. Право само постепенно разворачивает все свои черты, заложенные в националь-

ном духе. Вначале через обычное или природное право (*naturliches Recht*), впоследствии – через ученое право (*gelehrtes Recht*), потом – через кодификацию германского права, находящегося на второй стадии своего естественного развития. Ученые-юристы, выражая народное правосознание, являются в сфере права его народными представителями. Третья стадия, считал Савиньи, еще не наступила.

Исторической школой отрицалась рациональность каких-либо инноваций. Им противопоставлялся тезис о том, что «право имеет свою историю», независимую от воли законодателя, и рассуждения о том, что право производится духом народа. Главная проблема ученых и законодателя, по Савиньи, состоит в открытии «общего убеждения народа», или «народного убеждения», в выражении его в идеальном законодательстве, которое и было бы положительным правом на вечные времена. «Все, что существует, признается им в качестве авторитета, а всякий авторитет берется как основание» (К. Маркс). Историческая школа оказалась агрессивной консервативной. Ее сторонники критиковали проект и практику создания единого для раздробленной Германии Гражданского кодекса за игнорирование роли исторического прошлого, его влияния на настоящее, идеализацию нового законодательства и его кодификацию. Но в исторической школе было и рациональное зерно: не стоит обгонять практику с помощью не проверенных жизнью абстрактных идолов и принципов.

С неприятием мифа об общественном договоре были отвергнуты идеи материализации свобод человека в признанных законом правах. Противопоставленный просветительским идеям историзм исключал качественные изменения, постулировал неподвижность народного духа, допускал только все более полное развертывание заложенных в праве черт народного духа. Он стал основанием оправдания всего существующего, наложения табу на инновационное правотворчество. Появилось право обвинять сторонников исторической школы в том, что «подлость сегодняшнего дня оправдывается подлостью вчерашнего, которая объявляет мятежным всякий крик крепостных против кнута, если только этот кнут – старый, унаследованный, исторический кнут» (К. Маркс). Со временем крайности исторической критики инноваций ослабли и было вычленено рациональное начало исторической традиции, играющее и настоящее время положитель-

ную роль в правотворчестве. Прошла эпоха революций и острой консервативной их критики. Усвоен существенный момент истины. Право эффективно, если хорошо связано с культурой данного общества, особенностями национального образа жизни. Утвердилась традиция критического отношения ко всем правовым инновациям, их анализа сквозь призму реальных правоотношений, вероятности рисков, связанных с правовыми нововведениями.

Нормативистская интерпретация. Сторонники позитивистского понимания права не ставят перед собой вопросов об идейных, социокультурных истоках права и не ориентируются на критическое отношение к правовой реальности.

Некоторые позитивисты считали даже, что слова «право», «правоведение» вносят путаницу в умы людей, договаривались до того, что во избежание двусмысленности надо избавиться от терминов «право» и «правоведение». Им казалось, что предпочтительнее другие слова: закон и законоведение, усвоение правила, распространяемого еще в Древнем Риме: *Dura lex, sed lex* («закон суров, но это закон»).

Позитивисты первой половины XX в. считали, что наука не может обосновывать некие альтернативы правового регулирования, так как только государственная власть действительно знает право. Наука может только помогать понять волю законодателя. Вместо теоретических дисциплин по отраслям права должно быть законоведение. Позитивистами отрицается существование какой-либо ценности права, кроме той, что право обязательно. Основная проблема правовой мысли видится в постижении не столько смысла и содержания, сколько в правильном толковании текста закона, в развитии искусства лингвистического и текстологического понимания закона.

Позитивисты не актуализируют конфликтность общества как среду, в которой возникает право, но абсолютизируют значение силы государства в жизни общества. Право не признавалось самостоятельным общественным явлением. К тому же за государством признается особая монополярная сила обеспечения действия закона. Правовая сила закона, считал Гоббс, состоит только в том, что он является приказом суверена. Та же мысль звучала в XIX в. (Д. Остин), в XX в. (В. Катков, В. Ленин). Достаточно приказа, чтобы был и закон, и его исполнение. Однако такого рода позиции крайности юридического позитивизма упрощенно характеризуют полностью

модель обеспечения правопорядка. Юридический позитивизм культивирует не произвол, но стремится положить конец влиянию различных демагогов о неправомерности законов, обоснования права их неисполнения. При позитивистском сведении права к законам (крайняя форма позитивизма) исчезает теоретическая основа критического отношения к правотворчеству, снимается проблема различения права и государственного произвола.

Позитивистская трактовка права близка этатистской традиции и может расцениваться как нормативное выражение авторитаризма, поощрение распространения насильственного, приказного права. Для такой оценки функции позитивизма есть определенное основание.

Было бы крайностью однозначно негативно толковать позитивистскую парадигму. Позитивизм в российском правовом поле оказывается не только оправданным, но и незаменимым. В странах с укоренившейся привычкой не исполнять законы, особенно в странах с затягивающимся долгим состоянием революционного противостояния властям, своеобразным стилем демонстрировать антигосударственную позицию, юридический позитивизм, может способствовать формированию необходимой правовой культуры, дисциплины законопослушания. В системах отношений, требующих жесткой дисциплины и действия строго по предусмотренным нормативам, и авторитаризму, и позитивизму нет альтернативы. Примечательно, что слова Ленина о том, что право ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению норм права, написаны в 1917 г., в год жесткого и кровавого противостояния.

Юридический позитивизм приобрел второе дыхание после Второй мировой войны. Автор неопозитивистского «чистого учения о праве», Г. Кельзен, рассматривал право как приказ власти (с любым произвольным содержанием), принудительное установление и продукт государства, «принудительный порядок». Но право понималось не как произвольный набор случайных норм и приказов. Принудительный порядок представляет собой систему норм должностования, восходящих к гипотетической «основной норме», которая находится вне государства. Правовым признается следование государства основной норме порядка. Нормативизм оказался полезным, когда стала актуальной проблема обеспечения правопорядка на основе соответствия национального правопорядка обще-

признанным нормам международного права. В настоящее время в России является конституционным принцип приоритета для национального права общепризнанных норм международного права.

Позитивистская парадигма плодотворна в правотворческой и правоприменительной практике. Она ориентирует на изучение доступных наблюдению внешних признаков и проявлений права, на выявление позиции или воли законодателя, знание и систематизацию реально действующих нормативных актов, на освоение юридического ремесла и юридической догматики. Однако абсолютизация позитивистского подхода ориентирует только на законопослушание, ограничивает поле правовых исследований, ориентирует на сокращение активности юридической науки. Позитивные законы интерпретируются как результат постижения необходимости. Законопослушание определяется законом и властью. Действие права предполагает массовую покорность: «так надо». Изменения в обществе возможны только через власть, предпочтения и деятельность властвующих. Но для этого авторитет властителей должен быть высоким, приближающимся к авторитету харизмы.

Чисто нормативистское толкование права оказалось прежде всего обоснованием определяющей роли государства в развитии и функционировании прав. Достоинство юридического позитивизма состоит в ориентации на определенность всех форм правовых регуляторов, на анализ реального законодательства, конкретных юридических текстов, структуру норм права, определяющую роль основной нормы, принципов права. Ограниченность позитивистского подхода состоит в изучении только внешней стороны права, восприятии права только в формализованном тексте. Проблема игнорирования возможности появления проблемы правомерности закона.

Юридический позитивизм, если он абсолютизируется, может оказаться правовой спекуляцией. Отождествление закона с правом не рождает проблем, если общество не расколото и он может осуществляться без принуждения. Иная ситуация с законом, вызывающим протест, отказ его выполнять. Здесь возможна постановка, по крайней мере, двух вопросов: конституционен ли закон и обоснован ли он социально и экономически?

Поиски связей права с общественными отношениями. Социологическая и психологическая интерпретации права имеют

существенно общее. Право объясняется связью норм права с тем, что находится как бы рядом, но существует отдельно от норм права.

Согласно социологическому подходу содержание права видится не столько в нормах, сколько в реальном поведении, отношениях, возникающих вследствие реализации правовых норм. Отсюда характеристика социологического подхода как правового реализма. Сторонники реалистической традиции относят к праву не только и даже не столько нормы права. Право не сводится к группе установленных государством нормативов, но понимается как объективно развивающийся общественный порядок. Под правом понимается не только и не столько зависимая от государства совокупность норм, но реальная жизнь общества.

Согласно первой социологической школе права (ее первый представитель Е. Эрлих) теория права и отдельные отраслевые дисциплины должна изучать эмпирически реальные правоотношения и на их основе делать выводы о каких-либо тенденциях. Норма права абстрактна и сама по себе не образует право, она или выводится из сложившихся отношений, или является только попыткой создания необходимых правовых отношений. Если подобного рода попытка не приводит к желаемым отношениям, то нет и права, иными словами, право – это не система норм, но живой порядок – это сеть реальных правоотношений. В центре внимания правовой науки должны быть не законы сами по себе, а свидетельства конкретной реализации права: судебные и административные решения, сделки. Эпицентром правовой жизни становится не законодательная, но административная и судебная практика. Правоотношения имеют приоритет перед идеей права и нормой права. Только многочисленные реальные правоотношения во всех сферах жизни рождают постепенно правовые нормы. Принятие закона виделось как одна из последних стадий создания права. Социологическая парадигма широко используется в США. Р. Паунд называл правом прежде всего определенный порядок, который при необходимости поддерживается силой. Он создается совокупностью норм и практикой их реализации. Другие представители американской социологической школы сводили дело только к конкретным решениям.

На практике социологическое понимание права наиболее характерно для англоязычных стран. В этих странах норма права является

ся только одним из основных и постоянных объектов социологических исследований. Право видится прежде всего в действующем фактическом порядке, который может устанавливаться и укрепляться не только с помощью закона. Общеобязательность права связывается не только с государством, но также с его экономической и социальной необходимостью, активностью субъектов правоотношений. Чем либеральнее и плюралистичнее общество, тем точнее социологический подход выражает реальное содержание и форму права. Реалистическое понимание права позволяет рассматривать его как относительно самостоятельную живую систему, в которую вовлечены все дееспособные граждане страны. Реальное или живое право испытывает воздействие государства, но рождается право непосредственно общественными отношениями.

В зависимости от типа правопонимания по-разному трактуется и объективное, и субъективное право. При нормативистском правопонимании возникновение субъективного права объясняется как следствие норм объективного права, его рефлексов. Такого понимания права может быть достаточно, если общество меняется, функционирует не по велению государства, закон и право полностью совпадают. При социологическом подходе субъективные права могут видеться как предшествующие объективному праву, как прямое следствие общественных изменений, возникновения и развития у человека новых притязаний. В итоге стихийно складываются, новые права и обязанности, которые впоследствии закрепляются в изданной государством норме. Социологический подход к субъективному праву может сыграть большую роль при анализе процесса становления гражданского общества в постсоветской России.

Включение правоотношений в понятие права ценно актуализацией реалистичности права. Она состоит не столько в формулировании нормативов, сколько в обеспечении их действительности. Это понималось задолго до реалистической школы. Наполеон заметил, что писать закон легче, исполнять намного труднее.

У реалистической традиции правопонимания, особенно при ее абсолютизации, есть слабости, которые ограничивают возможности его использования в правовых системах романо-германского типа. Реалистическая традиция не гарантирует устойчивости юридической основы правоприменения. Чрезмерно много зависит при раз-

бирательстве дела в суде от того, чья сторона имеет больше возможностей выиграть состязание сторон, как поведут себя конкретные должностные лица.

Реалистическая традиция. Реалистическая традиция основывается на том, что право не может развиваться чрезмерно узким кругом правотворческих органов, тем более только законодательной властью. Право предназначено прежде всего для установления справедливости при разрешении конкретных конфликтов между частными лицами. Поэтому творцами права могут быть и те, кто уполномочен рассматривать конкретные правоотношения и правонарушения.

Обеспечение стабильности и порядка связывается с подчинением требованию гарантированности существования демократических свобод. Традиция поддержки человека отстаивающего свою правоту повлияла на укрепление характерных особенностей большой группы национальных правовых систем.

Так, для правовых систем англосаксонского типа характерна ведущая роль правовой процедуры, процессуального права по отношению к материальному праву.

На Западе сильно влияние стохастического подхода к реальностям, правоведы стоят перед дихотомией предопределенного и неопределенного. Распространено понимание политики и права как искусства управления в условиях неопределенности и риска. В определении оптимальных нормативов и их реализации ответственность возлагается на человека как сотворца своего будущего.

Отсюда культ свободы в определении нормативных начал жизнедеятельности и высокая роль судебной системы в развитии и организации права, возвышение судебных решений как составной части права. Законопослушание было связано с трактовкой позитивных законов как развития и конкретизации общественного договора. Со времен римского права действует принцип «Договоры должны исполняться» (*Pacta sunt servanda*). Сам же общественный договор понимается как продукт рациональной позиции и деятельности гражданского общества. Человек может стать существом политическим и менять с помощью власти мир.

Психологизация истоков права. Согласно психологической теории право вызывается драматизмом жизненного противоречия между пассивностью, инерционностью большинства и необходи-

мостью постоянного приспособления к меняющимся условиям существования. Сердцевиной логики действия права является способность одних (меньшинство) подчинять и готовность других (большинство) подчиняться. Универсальная логика психологической связи людей обуславливает возникновение и развитие права. Право и государство делается не мифическим договором, но выдающимися личностями. Согласно М.М. Ковалевскому, существует скрытая потребность среднего человека в руководстве, приказе, устрашении, стимулировании. Истоки такой позиции кроются в том, что у большей части людей чувства преобладают над разумом; нелюбовь к напряжению своих мыслительных способностей; склонность предпочесть инновации испытанное, старое. Отсюда готовность подчиняться внешнему императиву. Благодаря существующим коммуникациям реализуется связь с генератором энергии, объединения и стимулирования. К проявлениям управленческой энергии относится способность внушать и мобилизовывать, качества магии и чародейства, храбрость и решительность, другие источники влияния на поведение. Идущие от руководителя сигналы энергии и инициативы психологически воздействуют на адресатов, подчиняют их своей воле.

Право и государство являются коммуникационными каналами передачи и приема психической энергии. Право является способом диспозитивной и императивной институционализации отношений между людьми, формой подчинения всех устанавливаемому порядку.

Согласно психологической теории следует выделять разные типы правового переживания: позитивный и интуитивный. Решающий фактор действия права – это интуитивное переживание каждым своих прав, обязанностей. Соответственно, искусство правового регулирования видится в том, чтобы внешние воздействие на человека вызывало бы не только позитивное, но также и интуитивное переживание. Если два типа переживаний (позитивное и интуитивное) совпадают, то можно ожидать полного действия позитивного права.

На основе психологизации проблем правотворчества и правоприменения сформировалась традиция требования учета социопсихологических аспектов принятия и реализации законов. Однако не следует преувеличивать роль психологических факторов: описание интуитивного права не имеет четкого определения и описания. Психологическая теория оставляет открытым вопрос о соци-

альных ресурсах обеспечения правопорядка, о том, чьи интересы выражает правопорядок.

Современная философия и теория права развиваются в сложном и внутренне противоречивом правознании. Правовые теории отличаются большим разнообразием парадигм, развитием множества идеологий. И может возникнуть вопрос: насколько верно теориями права отражается правовая реальность? Не является ли множество теорий признаком их ложности и равной удаленности от истины? На такие общие вопросы нет достаточного ответа. Правовая реальность имеет свои социокультурные и территориальные границы. Нет ни одной страны, в которой одинаково распространены и являются равнозначимыми все теории права.

Основной источник права – это государственная воля, и, казалось бы, фиксирование такой зависимости предполагает, что право должно развиваться исключительно непротиворечиво и последовательно, следуя логике утвердившейся в обществе политики и сложившимся традициям правопонимания. Во всех развитых странах государство утверждается как единственный носитель верховной власти, независимое от каких-либо отдельных групп, негосударственных структур. Однако государственная воля в праве выражается противоречиво и неоднозначно. Противовесом принципам территориальной целостности и суверенитета государства являются принципы разделения властей (по горизонтали и вертикали), федерализма, плюрализма. Каким принципам правопорядка придается большее, каким меньшее значение – это вопрос национальной политической и правовой практики. Разрешение универсальных противоречий правопорядка всегда имеет конкретную национальную форму. Так, сложившиеся традиции юридического позитивизма в соединении с традицией сильной вертикали власти является мощным препятствием развития теории и практики правового реализма. И, наоборот, в странах с развитой судебной системой, с ее способностью развивать право, что характерно для права англосаксонского типа (правовой семьи), пространство действия юридического позитивизма выражено не так однозначно, как в странах романо-германской правовой семьи. Другой пример. Оживление в России интереса к либеральным ценностям в правопонимании, которые лежат в основе теории естественного права, произошло в специфиче-

чески российском социокультурном пространстве с полной дискредитацией коммунистической административно-командной системы. Можно предположить иной вариант развития, при котором КПСС проявляла бы способность адаптироваться к меняющимся условиям и быть инициатором реформ, страна возможно избежала бы крайности в радикальном отказе от советского опыта, идеализации очищающей роли свобод и абсолютизации прав человека как высшего принципа права.

* * *

Современная философия права развивается на основе нескольких парадигм. Ни одна из них не способна заменить другие направления. Но каждое направление дает свой познавательный и регулятивный результат. Множественности позиций нет альтернативы. Проблема заключается в развитии принципа дополнительности, в формировании на этой основе сложного, но единого правопонимания.

На современном этапе философия права сталкивается с новой проблемой обоснования жизнеспособности и исторической перспективности права. Некоторые тенденции развития права в ходе глобализации дают повод для предположения об исторической кончине права в обозримом будущем. В частности высказывается версия о возможном конце права, замене его принципиально новой системой, сетевым этикетом (сетикетом).

Сама по себе актуализация идеи исторической ограниченности права не нова.. В смутной форме версия об отмене права высказывалась Сен-Симоном. Впоследствии Ф. Энгельс и особенно В. Ленин уверенно писали об отмирании государства и права. В годы сталинского тоталитаризма была найдена казуистическая формула: государство и право в соответствии с положениями классиков марксизма-ленинизма отомрут, но (!) укрепляясь. Тем самым было «разрешено» противоречие между перспективой перерастания государства в коммунистическое самоуправление и реально существовавшим репрессивным и командным государством с системой организации скрытого рабского труда в местах лишения свободы и крепостной организации труда в колхозах. Идея отмирания государства была реанимирована в годы «оттепели» возникновением и некоторое время поддержанием утопии о победе коммунизма уже

в 80-е гг. XX в. Идея ускоренного построения коммунизма была посрамлена с наступлением времени застоя, компрометации советского режима в целом.

Ее доминирующим социальным истоком является капитализм, скорректированный социалистическими ценностями. На смену капиталистическому обществу приходит информационное общество. Самое существенное для судеб права в информационном обществе заключается в конечном счете в замене человека как творца и преобразователя отношений. Государство в сложившемся понимании как суверенный субъект, власть которого определена государственными границами, исчезает. На смену ему приходит кураторская сеть, которая виртуальным образом будет утверждать неким образом верховную стратегию и роль.

Новое обращение к теме об исторических рамках существования права основано на принципиально иной, по сравнению с коммунистической утопией, мотивации. Однако у старых и новых идей об отправлении права в музей истории есть и общее. Они выражают неудовлетворенность теорией и практикой права, видят исход в правовом нигилизме. Однако отмирание права под любым предлогом означает отказ от того, благодаря чему нации могли существовать и развиваться как относительно самостоятельные образования мирового сообщества, защищенные от негативных последствий развития рынка. Право во всех случаях было и является формой закрепления нормативно упорядоченного поля активности суверенного народа.

ЛИТЕРАТУРА

Маркс К. Философский манифест исторической школы права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1.

Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1.

Чичерин Б.Н. История политических учений. М., 1869.

История политических и правовых учений / Под ред. В.С. Нерсисянца. М., 1996.

История политических учений / Под ред. С.Ф. Кечекьяна, Г.И. Федькина. М., 1960.

Исаев И.А., Золотухина Н.М. История политических и правовых идей России. М., 1995.

Азаркин Н.Н., Левченко В.Н., Мартышин О.В. История политических учений. Вып. 1, вып. 2. М., 1994, М., 1996.

Алексеев В.П., Першиц А.И. История первобытного общества М., 2001.

- Арон Р.* Этапы развития социологической мысли. М., 1993.
Бубер М. Два образа веры. М., 1995.
Венгеров А. Теория государства и права. М., 1995.
Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762–1914. М., 1995.
Ильин И.А. Теория права и государства. М., 2003.
Исаев И.А. Метафизика власти и закона. М., 1998.
Периц А.И. История первобытного общества М., 2001.
Кальной И.И. Философия права. СПб. 2006.
Новая философская энциклопедия. М., 2001.
Варданянц Г.К. Социологическая теория права. М., 2007.
Суверенная демократия в конституционно-правовом аспекте. М., 2007.

Глава 1

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА

(Л.Б. Логунова)

Двигаясь вперед, наука не только создает новое, но и неизбежно переоценивает старое, пережитое. Надо знать прошлое, чтобы понимать и настоящее, и вечное, непреходящее.

В.И. Вернадский

Специфика исторического познания. Интерес к собственной истории характерен для человечества с древности и до настоящего времени. В революционные, переходные эпохи люди пытаются найти в историческом знании ответы на наиболее значимые и острые вызовы современности. В этом случае историческое знание, аккумулируя опыт социальности, становится своеобразной учительницей жизни. Однако многообразие концепций истории позволяет сделать далеко не однозначные выводы и оценки, прогнозы и рекомендации. До сих пор не затихают дискуссии об образе истории, направлении исторического процесса, его движущих силах. В этих обсуждениях представлены противоположные, несовместимые мировоззренческие позиции и идеологические ориентации – от экзистенциалистского «бунта против истории» до уверенности в субстанциональном единстве человечества. Все большую значимость и актуальность в современной философии и методологии науки

приобретает проблема специфики исторического познания, которая должна определиться в существенно меняющемся рациональном пространстве. Исторический релятивизм противостоит концепциям единства всемирно-исторического процесса, религиозные интерпретации истории конкурируют с научным обоснованием смысла истории. Характерной особенностью современной гносеологии является «концептуальная революция», своеобразное «переоткрытие человека», его эпистемологического статуса и роли в процессе познания. В XX веке рационалистически-эмпиристская традиция борьбы с субъективизмом и психологизмом, исключения человека из процесса познания, превращающая человека в своеобразную гносеологическую машину, персонификацию объективного метода, абстракцию инструменталистской науки, сменяется попытками разработать представление о социокультурном измерении целостного субъекта исторического познания. Тем самым чисто теоретическая оппозиция (незаинтересованное отношение) «субъект – объект» трансформируется в сложную ценностно нагруженную коммуникацию творца и творения, существенно преобразующую результаты социального познания.

Специфика исторического познания выявляется через сопоставление наук о природе и наук о культуре, естествознания и обществознания. Методологическое осмысление этой проблемы представлено двумя основными позициями. В одной из них абсолютизируется различие этих типов знания, в другой – их специфика отрицается. В неокантианстве, в «философии жизни» методологическое различие между науками о природе и науками о культуре проводится в работах В. Виндельбанда, Г. Риккерта¹, В. Дильтея, М. Вебера. Общественные науки отличаются от естествознания по предмету, методу, типу и результатам познания.

Отрицание специфики исторического познания характерно для позитивистски ориентированной социологии. Общество рассматривается как эволюционирующая социальная структура, основными характеристиками которой являются «порядок и прогресс», а

¹ См.: Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998.

его динамика инициируется закономерно сменяющимися «стадиями» социальности.

Методологическим основанием данной позиции является универсализация частной научной методологии, превращение ее в канон подлинной научности.

Марксистская социальная теория исходит из признания единства естественно-научного и социально-исторического познания, обоснованием которого являются принцип материального единства мира, социальная детерминация процесса познания, первичность общественного бытия по отношению к общественному сознанию, диалектический метод познания, адекватный объективной диалектике развития природы и общества. Целью социального познания Маркс считал не объяснение общественной жизни, а ее изменение. В марксизме научность исторического разума опосредована революционной исторической практикой. Общественная практика превращает историческую возможность в историческую действительность.

Уровни исторического познания. Сложность, многоаспектность и многообразие предмета исторического знания существенно изменяют представления о науке и научности вообще. Историческое познание формируется в особую отрасль науки со своими специфическими проблемами, методами, подходами. Ее конституирующими принципами становятся демаркации с естествознанием.

На эмпирическом уровне познания историк исследует события прошлого по сохранившимся источникам: статистическим данным, архивным документам, воспоминаниям современников, письмам, на основе которых он строит теоретические обобщения, стремится проникнуть в сущность исторических событий, выявить законы истории. Однако оценка истинности результатов исторического исследования становится весьма непростым делом, поскольку теоретические умозаключения в значительной степени обусловлены методологической и мировоззренческой позицией историка, его культурой, ценностными ориентациями и спецификой познавательного процесса. Кроме того, неоднозначность теоретических результатов определяется принципиальной эмпирической несопоставимостью различных теоретических конструкций, что объясняется отсутствием универсальных подходов, методов в историческом исследовании.

В отличие от естествоиспытателя историк всегда находится в исследуемой исторической ситуации, является системообразующим принципом исторической теории. История в таком случае превращается в повествование с доминантой творческого воображения ее автора, а сам историк становится методом понимания истории. Исторический источник рассматривается в качестве исторического факта лишь в определенной исторической концепции, подтверждая или опровергая теоретические обобщения. Историческое событие и исторический факт – весьма различные реалии. В этом аспекте особое значение приобретает вопрос о статусе исторического события, о том, что было «на самом деле».

Поскольку у историка нет социальных микроскопов и реактивов, функцию его методологического инструментария выполняют философские категории. Философия истории представляет схему исторического процесса, абстракцию от реальных исторических событий, от исторических фактов. Формализация реальной истории позволяет рассмотреть не исторические события, а связи и отношения (структуры), в которых исторические события становятся историческими фактами. Так, например, исторические события: Сократ, Христос, Будда становятся историческими фактами только в определенной системе, во взаимосвязи с другими историческими фактами. Философия истории и историческая наука концептуально, логически и методологически взаимосвязаны. Историческая наука становится своеобразной эмпирической базой философских обобщений, а философия истории – методологической рефлексией исторической науки. Существующее многообразие философских позиций является причиной методологического плюрализма в историческом познании и различия полученных результатов.

Многообразие философских концепций истории можно классифицировать по разным основаниям, что позволяет определить их исходные постулаты и исследовательские подходы. Наиболее многочисленным классом философских концепций истории являются теории, рассматривающие историю как единый поступательно развивающийся процесс, переход человечества от низших к более совершенным формам социальности. Единство всемирно-исторического процесса и выделение исторических этапов обосновывается с различных мировоззренческих и теоретических позиций, однако

объединяющими их принципами становятся субстанциализм и историзм. В свою очередь субстанциалистская концепция истории применяется как теоретическое обоснование исторического прогресса и мировоззренческий принцип Проекта Просвещения.

Предмет исторического познания. Предметом исторического познания является общество во всем многообразии проявлений его жизнедеятельности. Общественная жизнь представляет наиболее сложную форму движения материи, в силу чего познание сущности социальных явлений и процессов, закономерных связей и отношений в социуме в значительной мере отличается от познания природных процессов в естественных науках. Социальные системы представлены единством материальных и духовных отношений. Общество является и субъектом и объектом познания, более того сам объект познания является продуктом и результатом творческой деятельности общества, важнейшей составляющей которого является социальное познание, социальное проектирование. Таким образом, предмет исторического познания не только познается, но и создается, конструируется в процессе познания. Социальное познание предстает как сложный процесс самопознания в процессе самосозидания, самоутверждения человека в бытии. Более того, в социальном творчестве создается не только объект познания, но формируется и субъект познания, его мировоззренческий и методологический арсенал. Учитывая многообразие социальных связей и отношений, в которые вступают люди в процессе социального творчества, разнообразие их представлений о должном, желаемом будущем, различие их потребностей и интересов в настоящем, различие оценок прошлого, выработка общезначимой (объективно-истинной) теории истории становится весьма проблематичной. Включенность субъекта познания в объект исторического знания имеет двойственное значение. С одной стороны, общество не противопоставлено субъекту познания как чуждый, «чужой» объект, а открыто, доступно для него. А с другой – тождество субъекта и объекта создает реальные основания для субъективных и часто тенденциозных оценок как отдельных исторических событий, так и для выбора позиции решения общетеоретических проблем.

Однако, несмотря на специфику предмета и методов познания истории, историческое познание формируется в целостном, едином

мировоззренческом и эпистемологическом пространстве. Специфика познания истории складывается под воздействием определенного типа рациональности, характерного для определенного исторического периода развития общества, существенно зависит от трактовки науки в данном обществе. Научная парадигма в значительной мере задается наиболее развитой наукой данного общества, которой определяется стиль научного мышления и формируются критерии научности. Под ее воздействием складывается понятийный аппарат, система категорий, представления о стратегии, структуре, методах и формах познания, которые, получив философскую санкцию, становятся универсальными методами познания.

Таким образом, познание истории приобретает историческое измерение и определяется уровнем развития общества, его духовной культурой, размерностью его мировоззренческого космоса. Картина мира формирует общие представления об объекте исторического познания, историческом процессе, его истоках, движущих силах, тенденциях и перспективах. И хотя конкретные исторические теории являются авторским продуктом, их творцы – сами продукты определенной эпохи, самоговорящее бытие человеческой истории, выразители самосознания эпохи.

Историческое знание не ограничено познанием прошлого, само прошлое возникает как предмет познания в сопоставлении с будущим или с идеальным, трансцендентным. В своей динамике общество предстает как целостность, синтез прошлого, настоящего и тенденций будущего. В силу этого необходима система координат, «мер и весов», в отношении которых и проявляется сущность исторического. Эту функцию в историческом познании выполняют философские абстракции, категории являются инструментами исторического познания. Стремление историка к независимости от философии превращается в его методологическую инструменталистскую невооруженность.

В начале XXI в. происходит возрождение интереса к проблематике философии истории, что не в последнюю очередь обусловлено глубокими социальными трансформациями, которые переживает современное человечество. Для понимания современной исторической ситуации необходима соответствующая предмету система мер и оценок, которые традиционно разрабатываются в философии.

Философия истории во все времена напрямую связана с современностью, отражает ее основные проблемы в историческом контексте, становится инструментом самопонимания и самореализации общества определенной эпохи.

И хотя не существует однозначной дефиниции «философия истории», а следовательно, и общепринятого определения соответствующей области знания, тем не менее, исследования в этой сфере проводятся уже не одно тысячелетие. Соответственно понимание предмета и метода философского исследования истории и статуса его результатов существенно изменялись. В самом общем плане философия истории исследует фундаментальные проблемы бытия людей в пространстве и времени.

В философии истории выделяются два аспекта исследования исторического процесса: онтология истории и методология исторического знания. В онтологии истории выясняются проблемы сущности исторического процесса, его основания и движущие силы, смысл и направление истории, единство и многообразие форм исторического процесса, свобода и ответственность исторических субъектов. В методологии истории рассматриваются проблемы познаваемости истории, эвристического статуса его методов, специфика исторического знания и специфика историка как субъекта исторического познания.

Одной из наиболее обсуждаемых проблем является статус истории как науки, смысл и цель исторического познания. Должен ли историк ограничиться описанием фактов или задачей исторической науки является объяснение исторических событий? Соответствует ли историческое объяснение канонам научного познания, принятым в естествознании? Очевидно, что цели исследования историка и естествоиспытателя различны. Для исторического знания характерна установка на объяснение единичных, уникальных событий – в отличие от стремления естествознания к открытию общих законов. И хотя история, в отличие от естествознания, не принадлежит к генерализирующему типу познания, тем не менее, по мнению Г. Риккерта, она соответствует фундаментальным критериям научного знания и способна рассматривать изучаемый предмет в его целостности и сущности. Различие генерализации и индивидуализации скорее является внутри научной демаркацией, так

как уникальные объекты существуют и в естествознании. (Так, например, в астрономии рассчитываются траектории определенных небесных тел.)

Специфика предмета исторического познания заключается не в его уникальности, а в том, что исторические события являются продуктом сознательной целенаправленной деятельности людей и не могут быть познаны вне исследования мотивации действий исторических субъектов. Историческая реальность приобретает, таким образом, ярко выраженное субъективное и субъектное измерение. В процессе исследования возникает специфический диалог историка (субъекта исследования) и субъекта исследуемого исторического действия. Тем самым «науки о духе», по определению В. Дильтея, отделяются от естествознания по методологическим основаниям. «Жизнь должна быть истолкована из нее самой»¹. В процессе «критики исторического разума» им был сформулирован императив исторического знания: понимать, а не объяснять исторические события. Понимание как методологическая процедура предполагает в качестве меры измерения самого историка. Однако эвристичность историка как метода напрямую зависит от уровня его образованности, культуры, мировоззрения, идеологической ориентации и даже психики, характера. Историк превращается в автора истории, а количество «историй» возрастает пропорционально числу исследователей. И хотя в истории абсолютный произвол историка невозможен, тем не менее не существует верификационных процедур, определяющих истинность его «умозаключений». Естественно, возникает вопрос о научном статусе герменевтики и ее результатов. Интерпретационная методология появилась как своеобразный протест против абстрактности исторических схем, истории без конкретных живых людей, с персонажами-представителями исторических тенденций, против трактовки истории как шестивия «объективной закономерности».

Тем не менее в исторических исследованиях история не рассматривается как «россыпь» не связанных исторических событий, историками предпринимаются попытки найти фактор или факторы, определяющие целостность общественной жизни, место и роль

¹ Дильтей В. Сущность философии. М., 2001. С. 60.

человека в истории. В силу этого предметом исторической науки становятся *объективные связи и отношения, реализующиеся в деятельности конкретных людей в конкретных ситуациях*. И хотя в них отсутствует такой признак законов, как повторяемость и всеобщность, тем не менее ими задается пространство исторического выбора, ограничивается волюнтаризм, определяется мотивация действующих лиц истории. Историческая закономерность («охватывающие законы», по терминологии Э. Нагеля) включает все частные случаи конкретных действий в определенный социокультурный контекст. Историческое событие возникает на «пересечении» субъективности волевого устремления и объективности исторического хронотопа. Задача историка – и понять, и объяснить историческую ситуацию.

Таким образом, задав вопрос о специфике собственного исследования, историк становится не только методологом, но и философом, отвлекается от событийного измерения общественной жизни, обращается к проблеме определения истории, ее образа, направления, движущих сил, о связи философского измерения истории с историографией. Специфика понимания объективности и всеобщности исторической закономерности напрямую зависит от трактовки исторического процесса, его сущностных и типологических характеристик. Круг этих проблем определяет особую сферу философского знания – философию истории. Философия истории органически связана с исторической наукой. Наука наполняет «чистые» формы теоретического разума эмпирическим, жизненным содержанием, но и философия необходима исторической науке. Ее скептицизм и рефлексивность не позволяют исторической науке превратиться в догму, философия гарантирует сохранение самого духа научности в историческом исследовании.

В философии истории концептуализирован исторический опыт совместной жизни людей. Как теоретическая система философия истории сложилась в западноевропейской культуре и является рефлексией преимущественно истории европейской цивилизации. Кроме философии истории формами теоретического постижения истории являются теология истории и научная историография. Эти формы взаимосвязаны друг с другом, а также с мировоззрением и идеологией эпохи, включают определенные представления о прошлом, оценку настоящего, апелляции к будущему. Теоретическое постижение

истории является в свою очередь элементом мировоззренческой картины мира, теоретическим обоснованием определенной идеологии, средством исторической легитимации деятельности исторических субъектов.

Основной проблемой философии истории является существование истории как реальности особого типа, ее причин и факторов, движущих сил, этапов и перспектив развития, что позволяет выявить сущность истории, определяющую ее содержание. Сущностно-онтологическое постижение истории основано на концептуализации ее первоисточков и первопричин, фундаментальных структур, высших движущих сил. Выделение в историческом процессе эпох, стадий, ступеней представляет историю как упорядоченный процесс, каждый этап которого связан с предыдущим, обусловлен им, и сам в свою очередь является основанием следующего этапа. Определение образа истории в философии (круг, линия, спираль) позволяет установить отношение между всеобщим содержанием истории и конкретным многообразием исторических явлений, связать в непротиворечивое целое прошлое, настоящее и будущее. Не менее значимой задачей философии истории является выяснение смысла истории. Все многообразие существующих в философии истории концепций является вариантами решений трех фундаментальных задач: *определить сущность, процессуальную форму и смысл исторического бытия*. Каждая концепция сосредоточена в основном на решении преимущественно одной задачи, которым определяется и позиция по отношению к двум другим. Теоретическая трактовка истории становится мерой оценки человека, способом его понимания и самопонимания, методом понимания отношения «человек – история».

История как проблема рассматривается с различных мировоззренческих и методологических позиций, чем и определяются различные трактовки истории. В качестве базовых концепций исторического сформировались три позиции: субстанционалистская трактовка истории, релятивистское понимание истории, экзистенциальное вопрошание о смыслах истории.

Субстанционализм рассматривает мировую историю как единый, всеобщий, объективный процесс, логикой которого определяются действия конкретных действующих лиц. История в таком случае превращается в драму, автор и режиссер которой скрыты в «пред-

ложенных обстоятельствах». Задачей исторического исследования становится выявление исторических законов в идеалистической или материалистической трактовке. При этом сущность истории может быть представлена как проявление космических ритмов, как реализация Божественного замысла, как «хитрость Мирового Разума», как закон смены общественно-экономических формаций.

Рационализация исторической жизни в античной философии создает образ истории как смены циклов, идеи вечного возвращения. Изменяющиеся исторические ситуации рассматриваются в качестве проявления неизменного по своей сущности космического бытия. В природно-космической трактовке истории не проявлено ее характерное свойство – историзм. Историзация исторического познания осуществляется в христианстве, в теологии истории. Христианская линейно-векторная трактовка времени является импликацией креационизма, эсхатологической устремленности судьбы человечества, обобщением личностного диалога человека и Бога. Линейная трактовка времени формирует подлинно историческое сознание, теоретическое отношение к истории, логически завершенным принципом которого является *историзм* – осознание исторического различия между разными временами, выстраивающее отношение «прошлое–настоящее–будущее».

Концептуализация исторического опыта в теологической форме была осуществлена Августином Аврелием (IV в.) в знаменитом труде «О Граде Божьем». В христианской парадигме становится возможным индивидуально-историческое понимание человеком своего бытия, его уникальности и ценности. История же осознается как единство судьбы человечества, связанного общей родословной, происхождением от Адама.

Таким образом, теология истории становится своеобразной предпосылкой теоретического исследования истории, определяет его смысловые конструкты и размерность исторического бытия. Подлинно теоретическое отношение к истории формируется в Новое время в философии истории и научной историографии. Термином «философия истории», введенным Вольтером, предметом особой области спекулятивных рассуждений становится «вечная идеальная история» (Вико), всемирный исторический процесс, отличный от эмпирической истории разных народов. В трудах философов-

просветителей создается новое, революционное, историцистское отношение к общественной жизни. Динамика социальных процессов, промышленная и политическая революции стали мощным стимулом духовной революции, была сформирована новая концепция мира. Теоретическое постижение истории, история как таковая, исторический прогресс становятся едва ли не единственным измерением человека.

Кондорсе, которому философия истории обязана авторитетом термина «прогресс», рассматривал прогресс общества как движение к всеобщему счастью и истине¹. Идея развития общества была представлена в работах И. Канта и И.Г. Гердера. Однако фундаментальная философская разработка принципа историцизма принадлежит Гегелю². Базовые принципы философии истории представлены в «Лекциях по философии истории», в конспектах, составленных его учениками и изданных ими в память об учителе. Гегелем разработан грандиозный проект «философии мировой истории», в котором он объединил в целостную концепцию философию и историю. Как философская позиция и логика самопознания Абсолютной Идеи историцизм связал признание субъектности истории как манифестации Мирового Разума и утверждение целостности, субстанциальности исторического процесса, целью движения которого является осознание свободы. Периодизация истории определялась уровнем осознания свободы. Разум объявлялся бесконечным содержанием исторического процесса и бесконечной формой истории. Осознание свободы, таким образом, становится целью, мотивом и критерием исторического прогресса. Диалектика как логика истории и метод исторического познания специфически трактует вопрос об историческом субъекте и субъекте познания истории. История рассматривается как процесс саморазвития, самопознания Абсолютной идеи. Абсолютная идея предстает как субъект-субстанция, а исторический процесс – как история идей.

Историцизм как принцип и диалектика как метод сформировали своеобразную альтернативную механицизму позицию, характер-

¹ См.: *Кондорсе Ж.А.* Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М., 1936.

² См.: *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по философии истории. СПб., 1993.

ную для французского Просвещения. Просветители рассматривали природу человека как материал для преобразования в соответствии с общественным идеалом. Действенным инструментом преобразования как природы, так и природы человека они считали разум. Рационализм в таком случае предстает универсальной методологией активного преобразующего отношения человека к миру, источником прогрессивных революционных мотиваций. Мироззренческой и методологической основой Проекта Просвещения является механицизм и рационализм, а в самом проекте отчетливо прослеживаются его западноевропейские культурологические «корни», его европоцентристская суть. В XIX в. идея прогресса приобретает характер религиозного убеждения, является аксиомой исторических исследований.

В материалистической интерпретации историцизм становится методологическим принципом исследования истории в марксизме, методологической основой теории формаций К. Маркса. Определение понятия «общественно-экономическая формация» Маркс дает в предисловии к работе «К критике политической экономии» в 1859 г.¹ Формация рассматривается им как исторический этап жизни общества, а история – как закономерная смена общественно-экономических формаций. В структуре формации Маркс выделяет экономический базис – производственные отношения, которыми определяются надстройка, с ее главным элементом – государством. Способом перехода к новой формации является социальная революция, в которой разрешается классовый антагонизм, отражающий противоречие в способе материального производства между производительными силами общества и производственными отношениями. Коммунистическая революция завершает предысторию общества, с коммунизма в историческом материализме начинается подлинная история человечества.

В марксизме термин «историцизм» был заменен термином «историзм», определяющий понимание истории как изменяющегося процесса, каждый этап которого обусловлен предшествующими состояниями общества и сам в свою очередь является основанием

¹ См.: *Маркс К. К критике политической экономии* // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 13.

для его последующего изменения. Таким образом, исследование основной исторической связи становится предметом марксистской философии истории. В историческом материализме история рассматривается как всемирно-исторический процесс, этапы которого проходит каждое общество, и каждое общество на определенном этапе должно соответствовать определенной структуре. Именно с этой позиции был сделан главный теоретический вывод – прогноз о коммунистической формации как закономерном этапе развития истории, определены его причины и движущие силы.

Прогресс Маркс связывал с развитием промышленности, производительных сил, обуславливающих в конечном счете смену общественно-экономических формаций. По сути дела, теория формаций Маркса отражает процесс становления европейской техногенной цивилизации в XIX в. Но Маркс не был «узким» технократом, он определял исторические периоды и по другим критериям. По типу зависимости в обществе он выделял периоды личной зависимости, вещной зависимости и свободной индивидуальности, соответствующие докапиталистическому, капиталистическому и коммунистическому периодам (архаическая, экономическая и коммунистическая формации).

Научность марксистской философии истории ее создатели объясняли единством принципа научности и партийности. В их концепции объективная логика истории совпадала с интересами пролетариата; пролетариат с его исторической миссией, таким образом, превращается в «агента» исторической закономерности, а пролетарская партийность получает статус научного метода постижения истории. Несмотря на очевидную для современности спорность подобных утверждений, тем не менее именно марксизмом была инициирована постановка проблемы ценностной обусловленности исторического познания, интенсивно обсуждаемая в методологии XX в.

В работе «Нищета историцизма» К. Поппер оценил историцизм как методологически бесплодный способ познания, как идеологему, посредством которой Маркс все многообразие исторического процесса редуцировал до классовой борьбы за экономическое превосходство¹. Поппер отрицал объективные законы исторического

¹ См.: *Поппер К. Нищета историцизма // Вопросы философии. 1992. № 10.*

процесса и в силу этого – возможность исторического прогноза. Конечным выводом критики историцизма у Поппера становится отрицание самой возможности существования теоретической истории. Для Поппера человеческая история зависит от непредсказуемого роста научного знания, и следовательно, все исторические прогнозы переходят в сферу пророчеств, а теоретики истории превращаются в прорицателей. С позиции антиисторизма опровергается и исторический прогресс как движение к определенной цели. У истории, в отличие от человека, нет цели. История не является субъектом-субстанцией, а человек ее агентом, история продукт деятельности субъектов – людей. В таком случае человек ответственен за результаты собственной деятельности. Защищая и развивая демократические институты, человек строит «открытое», свободное общество. Субстанциализм Поппер оценивает как обоснование тоталитарных режимов «закрытых обществ» и оправдание безответственности политических деятелей.

Научность исторического материализма была испытана самым жестким критерием – критерием практики. Марксистская философия истории не может объяснить реалии XX в.: реставрацию капитализма, распад социалистической системы, неэффективность плановой экономики, изменение роли надстроечных институтов, влияние государства на экономический базис. В результате проявилась ограниченность эмпирической обоснованности и эвристичности методологии марксистского исследования истории, иллюзорность претензий на универсальность выводов, утопичность сделанных прогнозов.

Однако возникшие противоречия между теорией и практикой, хотя и стали основанием критики марксизма и историцизма, не привели к отказу от линейно-стадиальной модели истории. В позитивистской философии были предприняты попытки ее своеобразной реконструкции. Исторические этапы расширяются во времени, укрупняются, пересматриваются определяющие их критерии. История рассматривается как единый прогрессивный процесс, этапами которого являются три глобальные стадии: традиционное (доиндустриальное) общество, капиталистическое (индустриальное) и посткапиталистическое (информационное) общество.

Критика марксизма как логически завершенной историцистской концепции предпринималась не только в мировоззренческо-методо-

логическом аспекте. Так, М. Хайдеггер отразил разочарование XX в. в теории прогресса в пессимистической оценке феномена техники, противопоставив его феномену человека. В контексте критики исторического субстанциализма формируется альтернативная мировоззренческо-методологическая позиция, *исторический релятивизм* – теория культурно-исторических типов.

Мировоззренческие основания релятивистской концепции истории были разработаны в «философии жизни» Ф. Ницше, который рассматривал идею исторического прогресса как метафизическое утешение «маленького человека», иллюзорную меру его самооценки и самооправдания. Мировоззрением же «свободных умов» становится понимание культуры как высшей, символической формы жизни, представленной в идее «вечного возвращения»¹. Философия Ницше стала обоснованием цивилизационного, или культурологического подхода исследования истории, который разрабатывался в работах Н.Я. Данилевского, А. Тойнби, О. Шпенглера². В этих концепциях отрицается европоцентризм как принцип понимания истории, линейная модель развития общества, концепция всемирной истории единого человечества. История рассматривается как континуум множества локальных, автоцентрированных образований (культур, цивилизаций), самодостаточных и равнозначимых.

Релятивистская теория истории в наиболее завершенной форме представлена в знаменитом труде О. Шпенглера «Закат Европы». Не без основания в линейной модели истории Шпенглер усмотрел продукт, характерный для западноевропейской культуры, отражающий европейский стиль мышления и образ жизни западной «фаустовской» культуры. Ницше как мировоззрение и Гёте как метод позволили Шпенглеру не только усомниться в «наглядно-популярном» членении мировой истории на три эпохи: Древний мир – Средние века – Новое время, но и разработать оригинальную культурологическую концепцию, морфологию культуры, альтернативу панлогизму, европоцентризму и прогрессизму.

¹ См.: *Ницше Ф.* Воля к власти. М., 1994.

² См.: *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 1991; *Шпенглер О.* Закат Европы. М., 1993; *Тойнби А.* Постигание истории. М., 1996.

Культура понимается Шпенглером как высшая форма жизни, жизнь – бесконечный процесс самозарождения и естественной смерти культур. Исследование культуры проводится им в рамках глобальных оппозиций: «мир-как-история» и «мир-как-природа»; «становление» и «ставшее»; «организм» и «механизм»; «культура» и «цивилизация»; «жизнь» и «разум». Методом исследования истории являются аналогии и гомологии, эмпатия, понимание, а результатом исторического исследования предстает биография культуры, портрет эпохи.

Каждая культура рассматривается как социальный организм, целостность которого обеспечивается уникальным «прафеноменом», его душой, общим для всех индивидов данной культуры способом переживания жизни. Культура представляет собой вариации на тему прасимвола. Прасимвол – код понимания целостности и стилистического единства культуры, ее уникальности. Ценности культуры имеют абсолютный смысл в границах данного локального образования и абсолютно бессмысленны за его пределами. Именно поэтому невозможно познание другой культуры, межкультурные заимствования, диалог культур. Единственным общим свойством различных культур являются их жизненные циклы: зарождение культуры, период ее расцвета, творчества культурных форм, социальных структур, институтов. Затем наступает неизбежный период старения, заката культуры, культурное творчество заменяется механическим использованием прежних форм, происходит «омассовление» всех общественных процессов. Органическая фаза, культура, сменяется механическим циклом развития – цивилизацией, «естественное» заменяется «искусственным». Для цивилизации характерна глобализация всех форм человеческого существования: экономики, политики, науки, техники, эгалитаризм, демократия и социализм. Жизнь сосредоточивается в мировых столицах-мегаполисах. Универсальным способом существования цивилизации является тотальное насилие, мировые войны за мировое господство, революции, которые приводят к самоистреблению культуры. Таким образом, цивилизация рассматривается Шпенглером как неизбежная трагическая судьба каждой культуры.

Необычайная популярность работы Шпенглера во время ее опубликования в 1918 г. – свидетельство того, что автору удалось выразить ведущее мировоззрение эпохи – эпохи тотального кризиса,

радикальной переоценки ценностей. Концепция О. Шпенглера оказала огромное влияние на развитие философии истории, стимулировала исторические исследования с позиции цивилизационного подхода. Не менее известными в этом направлении исследованиями являются работы А. Тойнби «Постижение истории», «Цивилизация перед лицом испытания», «Мир и Запад». Цивилизация в работах Тойнби рассматривается как общество, протяженность которого в пространстве и времени превышает существование национальных государств и любых политических союзов. Однако ни одна цивилизация не охватывает все человечество в целом. Критерием выделения цивилизации является религия. В современном мире осталось пять «живых» цивилизаций: западная христианская, православная христианская, исламская, дальневосточная, индуистская. Отвергая единство всемирной истории, Тойнби тем не менее считает, что взаимодействие между цивилизациями возможно, они не замкнуты. Каждая цивилизация проходит ряд этапов развития. На начальной стадии (генезис) новая цивилизация возникает на развалинах «материнской» цивилизации, затем следует стадия роста, которая может перейти в стадию надлома, а затем в стадию распада. На этой стадии цивилизация либо исчезает, либо дает жизнь новой цивилизации. И хотя цивилизация представляет форму организации общества, история – продукт деятельности людей, именно они творцы истории. От них зависит «ответ» на исторический «вызов».

«Вызов» и «ответ» у Тойнби становятся объяснительными принципами движения истории. Вызов переводит общественную систему из пассивного состояния в активное, определяет возникновение цивилизации, ее генезис. Субъектом ответа является творческое меньшинство, элита общества, способная выработать новые принципы организации и новые ценности. Посредством мимесиса (социально-культурного подражания) пассивное большинство осваивает эти ценности. На стадии роста осуществляется прогрессивное развитие цивилизации, развитие науки, искусства, интенсификация религии. Рост цивилизации обусловлен изменениями во внутреннем мире индивидов, членов творческого меньшинства, но тем самым усиливается разрыв между меньшинством и большинством, возникает опасность надлома. Причиной надлома является неспособность общества дать адекватный ответ. На стадии надлома об-

щество разделяется на правящее меньшинство, утратившее творческий потенциал, и с целью удержания власти создающее универсальное государство, и «внутренний пролетариат», не доверяющий правящему меньшинству и создающий в ответ на его действия вселенскую Церковь. Кроме того, агрессивные действия «внешнего пролетариата» на границах ослабляют цивилизацию, подталкивая ее к распаду. Завершением распада становится формирование новой творческой элиты и создание новых ценностей, новой религии.

Современный кризис западной цивилизации, по мнению Тойнби, не является предопределением ее гибели. Выход он видит в духовном единении народов на основе единой вселенской религии. Таким образом, от идеи разобщенности цивилизаций Тойнби приходит к выводу о возможности единой цивилизации, общего пути человечества, рассматривая ее как ответ на вызов современности. Таким образом, проявляется как ограниченность исторического релятивизма, так и его неспособность выработать адекватный ответ на исторический вызов современности.

Поиск новых оснований всемирной истории предпринял К. Ясперс в оригинальной философской концепции «осевого времени»¹. Важнейшей темой для философии, по его мнению, является проблема «человек и история» как изначальное измерение человеческого бытия. Он стремится доказать неправомочность утверждения, что каждая цивилизация имеет собственный, отличный от других путь развития, обосновать единство истоков и цели мировой истории. Ясперс видит в этом единстве спасение от мировых политических катастроф.

Поиски единства истории опираются на утверждение исторического многообразия культур как основы этого единства, поскольку первоисточки культур находятся в осевой эпохе. Основой единства истории является способность людей к всеобщей коммуникации. Осью мировой истории Ясперс считает духовный процесс, происходящий между 800 и 200 г. до н.э. Именно тогда и возникает человек исторический, который практически не изменился до нашего времени. В это время в Китае, Индии и Греции возникает че-

¹ См.: Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Ясперс К. Истоки истории и ее цель. М., 1991.

ловек, который осознает бытие в целом, самого себя и свои границы. Методом становления исторического человека становится рефлексия. Посредством рефлексии человек открыл абсолют в глубинах самосознания и в ясности трансцендентного. В эту эпоху были разработаны основные категории мышления, возникают мировые религии и философия, во всех областях совершался переход к универсальному. Сутью и содержанием осевой эпохи у Ясперса является борьба Логоса против Мифа. Результатом этой борьбы становится открытие человеком своей единичности, экзистенции как конечности собственного бытия. В этой борьбе индивид преодолевает животную слитность с родом и с природой, обретает индивидуальность, а с ней одиночество и свободу. В истории послеосевого времени, истории возрождения и гибели великих империй, не ослабевало духовное напряжение осевой эпохи, что и придает человеческой деятельности характер целостности.

Народы, не воспринявшие идей осевого времени, остались на доисторическом этапе, на уровне природного существования, они должны были либо «примкнуть» к какой-либо культуре, либо погибнуть. Процесс историзации занял достаточно длительный исторический период. Однако мировая история в соизмерении с осевой эпохой обретает устойчивую структуру и единство, сохраняющиеся во времени. В этом измерении история приобретает смысл, а содержанием исторической науки становится вопрошание о смысле истории.

Таким образом, Ясперс стремился преодолеть противоречия субстанциализма и релятивизма в философии истории и выстроить концепцию истории, в которой историческая связь различающихся индивидов гарантирована их общим переживанием конечности своего бытия, проявляющейся в соизмерении с непознаваемым, трансцендентным.

Наиболее уязвимой в историческом релятивизме является многозначность трактовки термина «цивилизация». Цивилизация определяется как ступень в развитии культуры народов и регионов (А. Тойнби, П.А. Сорокин), как «закат», смерть культуры (О. Шпенглер), как высокий уровень развития социальных институтов (С. Булгаков, Н. Бердяев), как всеобщая ценность всех культур (К. Ясперс). Цивилизационный подход позволяет рассмотреть историю как социокультурную общность народов, раскрыть особые

механизмы исторического развития, отказаться от универсализации определенного фактора (группы факторов) в истории, выявить специфику исторической судьбы того или иного народа. История рассматривается как поливариативный процесс, что позволяет исследовать и определить роль социокультурных различий в истории, неоднозначность как прошлого, так и будущего.

В рамках цивилизационного подхода по социально-культурным различиям выделяются два типа цивилизаций: западный и восточный. Типизация цивилизаций проводится по различным критериям. По *характеру связи личности и общества*: западная цивилизация построена на принципе индивидуализма, приоритета индивидуальных интересов по отношению к коллективным. Основой восточной цивилизации являются коллективизм, подчинение человека обществу. По *социально-психологическим установкам человека*: западный человек ориентирован на будущее, новое, не удовлетворен настоящим, что становится мотивом для его революционного изменения. Для восточного человека характерна ориентация на традиции, заветы предков, авторитет учителей, новое и старое должно быть уравновешено в настоящем, стабильность и устойчивость общества являются приоритетными мотивациями. По *способу развития общественной жизни*: на этой основе отрицается революционный путь развития, характерный для Запада, предпочтение отдается эволюционным изменениям. В цивилизационной парадигме значительную роль играют исторические личности, культурные элиты, именно они творцы ответа на исторические вызовы, им цивилизации обязаны как своими достижениями, так и поражениями. В связи с этим историческая наука приобретает персонифицированный характер, становится описанием судьбы культуры.

Однако, хотя в рамках цивилизационного подхода и преодолеваются определенные недостатки субстанциональной концепции истории, тем не менее и у него проявляются существенные методологические и эвристические ограничения. Невозможно установить связь между различными цивилизациями, выявить связь факторов в самой цивилизации и характер их взаимозависимости, а главное – невозможен прогноз будущего цивилизации. Столкновение формационной и цивилизационной парадигм инициирует в современной философии истории стремление выработать синтетическую методологическую по-

зицию, рассматривающую историю как многомерный, многофакторный феномен. Эти попытки были предприняты в современной философии истории, в концепции постиндустриального общества.

В современную философию понятие «постиндустриальное общество» было введено американским социологом Д. Беллом в работе «Грядущее постиндустриальное общество», в которой им были рассмотрены основные («осевые») институты индустриального и постиндустриального общества¹. Частная собственность является осевым институтом индустриального общества, а творчество и знания – постиндустриального. Мировоззренческая ориентация на «общество знания» заставляет критически рассмотреть функционирование социальных институтов современного общества, проследить тенденцию их развития и сделать весьма пессимистические прогнозы. Современная история поставила человечество перед экзистенциальным выбором: «общество знания» или «общество риска».

Концепция постиндустриального общества рассматривалась изначально как метатеория, аналитическая конструкция, парадигма, схема, выявляющая новые оси социальной организации и стратификации в современном западном обществе. Сама концепция, получившая значительное распространение в западной социальной мысли, является продуктом индустриальной эпохи, конец которой она декларирует. Основным мировоззренческим принципом в ней остается «святая» идея прогресса, движущей силой которого являются новый тип образования, научное знание и наукоемкие технологии. В ней органически сочетаются решение проблемы исторической периодизации и типизации с определением структуры, характера и исторической роли современного западного общества. Кроме того, в этой концепции стираются существенные различия между капитализмом и социализмом, которые рассматриваются как исторические вариации одного индустриального этапа.

Распад социалистической системы, системно-структурный кризис современного общества становятся своеобразными практическими подтверждениями этой концепции, определяя ее лидирующее положение в методологии исторических исследований. Концепция

¹ См.: *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. М., 1999.

постиндустриализма предстает исследовательской программой, идеальной социальной конструкцией, позволяющей посмотреть на современность и прошлое с позиции будущего, выявить элементы этого будущего в настоящем, определить их значение и перспективы. Термин «постиндустриальное общество» не столько описывал новую социальную реальность, сколько противопоставлял ее предшествующим стадиям социальной эволюции. В этой парадигме преодолен соблазн поиска одного существенного противоречия, определяющего исторический путь, как это случилось с марксизмом. Маркс, как известно, «локомотивом истории» считал классовую борьбу, а противоречие между трудом и капиталом рассматривал в качестве объективного основания для прогноза коммунизма. В постиндустриализме общество предстает в многообразии эволюционирующих институтов и их функций: в становлении сервисной экономики, изменении структуры занятости, мотиваций деятельности, в формировании новой политической системы, изменении роли государства в экономике и т.п. Однако первой методологической предпосылкой и доминирующим принципом периодизации истории является технология организации общественного производства.

Но и постиндустриальная парадигма не избавлена от противоречий. Последующие этапы исторической эволюции не замещают и не разрушают предшествующие формы социальности. Они сосуществуют, усложняя социальные структуры и системы их взаимодействия. В силу этого выделить ведущие факторы исторического прогресса весьма сложно. Более того, абстрактные определения каждой стадии с трудом поддаются эмпирической интерпретации, достаточно сложно определить ее хронологические границы и типологические характеристики. Кроме того, цивилизационные «волны» (О. Тоффлер)¹ тем не менее разделены революционными переходами к новой стадии истории. Периодизация истории осуществляется на основании нескольких критериев. Постиндустриальное общество противопоставляется предшествующим стадиям по основному производственному ресурсу (сырье, энергия, информация); по характеру производственной деятельности (добыча, изготовление, обработка); по технологии (трудоемкая, капиталоемкая, наукоемкая).

¹ См.: Тоффлер О. Третья волна. М., 1999.

На этом основании история предстает как учение о трех типах общества: доиндустриальном, основанием которого является взаимодействие с природой, индустриальном – взаимодействие с преобразованной человеком природой, постиндустриальном, основанием которого является взаимодействие между людьми.

Современность оценивается как исторический этап, резко отличающийся от предшествующего общества. Изменения произошли во всех сферах человеческой деятельности. В экономике доминирует сфера производства услуг и информации, снижается роль материального производства, меняется роль факторов производства, существенно модифицируются социальная структура и политические отношения, меняются технологии государственного управления.

В силу своей многогранности и многоаспектности концепция постиндустриализма практически может интегрировать любой методологический подход, поскольку в ней «все имеет значение». Поэтому она практически не вызвала критики, а стимулировала появление ряда развивающих ее идеи теорий. Тем самым концепция постиндустриального общества становится глобальной методологической парадигмой, в рамках которой формируются эффективные инструменты исследования тенденций развития современного общества. Тем не менее явный технологический детерминизм концепции постиндустриального общества инициировал попытки «поправить» теорию, ввести *ad hoc* методологии. В качестве дополнительного принципа исследования предлагается информация, знание рассматривается в качестве интегрирующего фактора исторического прогресса и критерия периодизации истории. Концепция «общества знания» дополняется теориями «организованного», «конвенционального», «программируемого», «здорового», «хорошего» общества. Во всех этих теориях не выделяется система необходимых и достаточных признаков нового общества, что объясняется не столько их методологической неэффективностью, сколько неразвитостью оснований нового, становящегося исторического этапа. Концепция постиндустриального общества, в оценке Д. Белла, скорее является не описанием нового исторического этапа, а абстракцией, необходимой для упорядочивания знания об историческом процессе и перспективах прогресса цивилизации. В этом аспекте марксизм и постиндустриализм предстают как модифика-

ции единой западнцентристской модели истории. В концепции постиндустриального общества, как и в марксизме, применяются апофатические дефиниции будущего исторического этапа, фиксируются те характеристики настоящего, от которых общество будет избавлено в будущем. Позитивные определения формирующегося нового общества попытались выработать сторонники информационного общества, рассматривающие информацию как доминирующий фактор производства и системообразующий принцип общественной жизни.

Однако, несмотря на множество критических замечаний, которые возникают при анализе постиндустриализма, концепция постиндустриального общества является интеллектуальным продуктом нового типа, результатом синтеза экономических, политологических, социальных теорий на основе трансдисциплинарной методологии. Именно постиндустриализмом задается интеллектуальная ситуация поиска новых парадигмальных оснований.

На статус глобальной теоретической концепции истории претендует также постмодернизм, утверждая в качестве типологизирующего принципа истории культурологические характеристики, фундаментальные ценности определенной культуры. Постмодернизм стал своеобразной современной реакцией на монополизм западных концепций истории, протестом против историцизма и глобалистских претензий Проекта Просвещения, его разоблачением и радикальной деконструкцией¹. Критика глобализма тем не менее привела не к созданию новой конструктивной позиции, а к своеобразной реставрации исторического релятивизма, к актуализации идей культурного изоляционизма народов. Антиисторизм и методологический плюрализм стали попыткой выразить положение человека и общества в стремительно меняющемся мире, концептуализировать ожидания и предчувствия неясного будущего «общества риска». В этой концепции отразились ситуация трансформации глобального мирового порядка, утраты безусловности (естественности) доминирования Запада, сложность и неоднозначность результатов его борьбы за однополярный мир.

Наиболее значимым исследованием истории и современности с позиции модернизированного цивилизационного подхода являются

¹ См.: Гидденс А. Постмодерн // Философия истории: Антология. М., 1994.

ся работы С. Хантингтона¹. Автор, не отрицая значимость экономических факторов в историческом развитии, стремится определить их взаимодействие с культурно-историческими компонентами социальных систем. Для этого он возвращается к теоретическим проблемам определения и возникновения цивилизаций, их концентрации вокруг своих центральных элементов, к анализу «демаркационных линий» между цивилизациями на примере истории и перспектив отношений между западной и исламской культурами. Цивилизация понимается как человеческий род в его высшей форме, а столкновение цивилизаций предстает в качестве межродового конфликта глобального масштаба.

Отношения между различными цивилизациями автором определяются как состояние «холодной войны». Цивилизационные конфликты возникают как «по демаркационным линиям» между соседними государствами, принадлежащими к разным цивилизациям, так и на глобальном уровне – между ведущими государствами, относящимися к различным цивилизациям. Культурные различия обостряют вечные проблемы межгосударственных отношений. Однако столкновение между западной и исламской цивилизациями объясняется не религиозными различиями, а тем, что мусульмане считают Запад продажной, безрелигиозной культурой, в которой доминируют материальные интересы.

Сегодня достаточно зримо проявляются типологические границы между цивилизациями по этническим, религиозным, языковым различиям. Без их учета невозможно адекватно понять особенности современных политических конфликтов, роль универсализма Запада и его перспективы. Современный мир разделился на Запад и «все остальные». Характерным свойством такой «демаркации» является уменьшение привлекательности западных ценностей и рост доверия других цивилизаций к собственным ценностям. Претензией на универсализм объясняется автором западная политика двойных стандартов.

¹ См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999; *Он же*. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1.

Этот экскурс позволяет Хантингтону определить современность как многополюсный мир различных цивилизаций, находящийся в состоянии латентных и явных, вспыхивающих конфликтов, распределение сторон в мировых и локальных конфликтах зависит от цивилизационных различий.

Таким образом, в современной философии истории воспроизводится традиционная методологическая дихотомия: субстанциализм – релятивизм, отражающая оживление теоретических и методологических дискуссий, поиск новой глобальной парадигмы. Новая парадигма должна учесть специфику современных исторических реалий, динамизм социальных процессов, наличие в них неконтролируемых, хаотических компонентов. Тем самым существенно ограничивается представление об обществе как управляемой и контролируемой организации. Мировой кризис стал практической проверкой теоретических иллюзий по поводу устойчивости системной организации общества и системности как таковой. Стало очевидным, что современный кризис является системно-организационным, требующим новых принципов его анализа и создания новых управленческих технологий. Основные надежды возлагаются на теорию организаций и управления, на личностные факторы, акцентируя внимание на значении человека как исторического субъекта. Теоретические обобщения строятся на конкретных исследованиях актуальных современных проблем.

Организационные изменения рассматриваются как «сетевая революция», результатом которой становится смена принципов стратификации и самой социальной структуры, ценностных ориентаций и мотиваций в новом социокультурном пространстве¹. Проводимые исследования и дискуссии не завершились построением новой глобальной парадигмы, но привели к переоценке понимания исторического прогресса как линейного контролируемого и управляемого процесса. История предстает как сложное взаимодействие компонентов открытой динамичной общественной системы, состоящей из подсистем различного типа сложности и организации, взаимодействующей с внесоциальными факторами. Таким образом,

¹ См.: Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999.

преодолеваются рационализм и механицизм субстанциализма и иррационализм релятивистских концепций истории. Методологическим кодом нового понимания истории становится *синергетика* – наука, претендующая на статус глобальной метатеории, парадигмы, в рамках которой и должна развиваться историческая наука¹.

Новая методологическая позиция, сформулированная как «конец истории», означает отказ от малопродуктивных представлений об истории как восходящей линии социального развития, фиксируемой в хронологических таблицах. История не конституируется в локальную самодостаточную социальную систему со своей собственной исторической логикой, а предстает во взаимосвязи с эволюционирующими системами различного уровня и организации. История разворачивается как многообразие жизнедеятельности человека, как его продукт и способ самоизменения. Философия истории в силу этого понимания представляет интегративное знание, базирующееся на комплексе наук как общественных, так и естествознании, содержание и форма организации которого определяются базовыми системообразующими принципами исторического бытия.

Актуализация философско-исторических исследований обусловлена поиском новых целей, ценностных ориентаций в сложный период современной истории. При исследовании современных концепций истории обнаруживается проблематичность понятия «современность».

Современная философия истории становится весьма обширной и специфической областью философского знания, объединяющего значительно различающиеся представления об истории. Характерной особенностью ее построений является ориентация на футурологические сценарии, современность проявляется в проекции будущего. Футурологические концепции конструируют методологический инструментарий исторического исследования, футурология предстает как «история будущего», как исследование «постчеловеческой» фазы истории. Наиболее знаменательными в этом отношении являются работы Ф. Фукуямы². Он считает, что для новой фазы тех-

¹ Синергетика, философия, культура. М., 2001.

² См.: Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2004; *Он же*. Наше постчеловеческое общество: последствия биотехнологической революции. М., 2004.

нологического развития помимо информационных технологий, уже значительно изменивших образ жизни на планете, характерно бурное развитие биотехнологий, способных радикально преобразовать человека и человеческую историю. Проект «Генотип Человека» вооружил исследователей знаниями, которые могут быть использованы для «моделирования» людей.

Традиционно история представляла собой прогрессивное изменение, разветвление и усложнение общественных институтов посредством усовершенствующихся технологий. Современные биотехнологии, утверждает автор, способны изменить образ жизни людей до такой степени, что трансформируется сама человеческая природа, может быть создан постчеловек и соответственно постистория. Биотехнологии потенциально несут серьезные скрытые угрозы, опасность которых не оценивается на политическом уровне, а следовательно, и не создаются институты защиты от глобальной исторической опасности. Фукуяма не защищает антитехнологическую позицию, понимая, что для человечества нет альтернативного технологическому пути развития. Его работы – предупреждение об опасности перерождения человека, о наличии реального рубежа, переступив который человечество утратит свою человеческую природу.

Эвристическое пространство современной философии истории, представленное конкурирующими концепциями, отражает специфику познания истории, неустранимость ценностного измерения исторических событий из теоретического исследования. Тем самым актуализируется проблема обсуждения статуса исторической науки, ее предмета и метода, специфики уровней научного исследования и истинности результатов исторического исследования. Все это свидетельство того, что философия истории и историческая наука неразрывно связаны с политикой, историческое прошлое и устремления в будущее политизируются, наполняются смыслами современности. Прошлое и будущее становятся орудием борьбы за властные политические ресурсы в настоящем. Именно поэтому ответ на вопрос: как возможна историческая наука? определен исторически конкретной эпохой. История – незавершенный проект человечества и соответственно историческое познание, чтобы быть научной дисциплиной, не превратиться в идеологическую догму, должно меняться в соответствии с собственным предметом исследования.

В этом плане особое значение приобретает проблема практической значимости исторического познания, его применимости в общественной практике. Абстрактные философские вопросы о смысле и направлении истории, о критериях периодизации исторического процесса превращаются в несущие конструкции стратегических проектов современности. И поэтому от представлений о смысле истории напрямую зависит будущее человечества.

Глава 2

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ (XI – начало XXI в.)

(Профессор Л.И. Семенникова, профессор А.В. Сидоров)

2.1. Исторические знания в XI–XVII вв.

Усложнение социальной организации общества, возникновение государства, включение социума в систему международных отношений, усвоение элитой общества традиций и культуры стран – лидеров социального прогресса формируют потребность в достижении качественно нового уровня исторических знаний. Социальная организация родового общества не требовала сохранения точных исторических сведений. Мифы, легенды, предания, былины вполне обслуживали потребность социума в представлениях о своем происхождении и о событиях предшествующих времен. Этим зачаткам исторических знаний соответствовал фольклорный механизм их передачи от одного поколения к другому.

Переход к новому (письменному) этапу формирования и трансляции исторических знаний восточнославянское общество переживало на рубеже I и II тысячелетий. Пришедшие из Византии вместе с христианством общеевропейские традиции осмысления исторического развития получили свое воплощение в создании оригинальных произведений, посвященных прошлому Киевской Руси. Среди них первенство принадлежит летописям.

Летописи – исторические сочинения XI–XVII вв., в которых изложение материала велось строго по годам и сопровождалось указанием календарных дат (в Европе соответствуют анналам и хроникам). В отечественной исторической науке название летописей получили дошедшие до нас датированные записи о происходившем, сохранившиеся в одном или нескольких сходных между собой текстах (списках), а также комплексы списков, объединяемых в одну или несколько редакций. Общий для них текст принято называть протографом. Большинство летописей представляют собой своды предшествующих текстов. Наряду с записями событий, происшедших в том или ином году, летописи нередко включают в себя тек-

сты документов, относительно небольшие литературные произведения, фольклорные записи.

Сам характер построения летописей (погодная запись событий) свидетельствует о том, что методологической основой их создания является провиденциализм (воззрение, объясняющее ход исторических событий волей провидения, а не их внутренней закономерностью). Христианский средневековый провиденциализм наряду с предопределением допускал и вмешательство сил зла, и совершение грехов, за которые подвергались наказанию не только отдельные лица, но и целые народы (например, нашествие кочевников), что нашло свое отражение в текстах летописей.

Древнейший из сохранившихся летописных сводов – *Повесть временных лет* (нач. XII в.) – является обобщением летописания предшествующего столетия. Создателем этого исторического произведения считается игумен киевского Выдубецкого монастыря Сильвестр, который дополнил текст «*Временника*», созданного в конце XI в. в Киево-Печерском монастыре, данными византийских хроник, архивными документами, агиографическими материалами.

Характерной чертой летописания этого периода является его официальный характер. И дело не только в том, что летописи, по сути, выполняли функцию княжеского архива, давая возможность обратиться к событиям и документам прошедших лет. Тексты летописей несли идеологическое обоснование политики князя и Церкви. Одно из центральных мест в *Повести временных лет* занимает идея единства Русской земли и княжеского рода. Большое внимание уделяется обоснованию тезиса о вовлеченности Древней Руси в мировую историю. Летописец, отвечая на вопрос, откуда пошла Русская земля, приводит рассказ о разделе мира между сыновьями Ноя: восточные страны получил Сим, южные – Хам, а Иафету достались северные и западные страны. Летописец перечисляет народы иафетовой части – русские, чудь, варяги, шведы, англичане, немцы, римляне и другие. Тем самым Русь вводилась в круг европейских народов. На решение этой же задачи было направлено и включение периодов правлений древнерусских князей в общую периодизацию всемирной истории. Повторяя рамки временных периодов, прошедших от рождения Адама до потопа и далее от правления Константина до императора Михаила, хорошо известные по византийским источникам, летописи

сец включает и русский материал, отмечая период от начала царствования Михаила до начала княжения Олега, перечисляя затем годы правления других древнерусских князей. Периодизация отечественной истории оказалась тем самым состыкована с историей мировой.

Идея равноправия Руси в среде европейских христианских народов пронизывает и «Слово о законе и благодати» первого киевского митрополита Илариона. Отмечая заслуги великого князя Владимира Святославича в выборе веры и Крещении Руси, Иларион считал этот подвиг равным апостольскому и сравнивал Владимира с императором Константином Великим, при котором христианство стало государственной религией в Византии. Иларион видит много общего и в биографиях этих правителей. Эти сопоставления не только решали политические задачи, но и закладывали основы исторической компаративистики.

Феодалная раздробленность принесла с собой возникновение и расцвет местного летописания. Повесть временных лет стала основой летописания Киевского и Галицко-Волынского княжеств. С середины XII в. прослеживаются летописные записи в Ростово-Суздальском княжестве. Владимирские летописи пытались сохранить характер общерусских. Крупнейшим центром летописания становится Великий Новгород, демократизация политической жизни которого приносит с собой и демократизацию летописания. Собственные летописи ведутся не только при дворах князей и в монастырях, они отражают события городской жизни и отдельных церквей. Нередко летописный рассказ о каком-либо отдельном событии превращается в самостоятельное произведение – историческую повесть.

Новый этап в развитии отечественного летописания связан с объединением русских земель вокруг Москвы. Московское летописание с XIV в. приобретает общерусские черты, включая в себя материалы владимирских, ростовских, тверских, новгородских летописей и выступая в свою очередь основой местного летописания.

Постепенно в XV–XVI вв. меняется характер летописного материала. Формирование централизованного государства, усиление контактов с народами Западной Европы, распространение сочинений европейских мыслителей при сохранении духовной оппозиции «латинству» и «еллинским учениям» привели интеллектуалов той

эпохи к осознанию особенности, «избранности» русского народа, его исторического пути и предназначения. Рождение теории «Москва – Третий Рим», сформулированной монахом Псково-Печорского монастыря Филофеем в середине 1520-х годов, уже в эпоху после захвата Константинополя («Второго Рима») турками, стало наглядным выражением этой тенденции. Связь русской государственности с мировыми державами прошлого постулируется и в теории Спиридона-Савы, изложенной в «Послании о Мономаховом венце» и «Сказании о князьях Владимирских».

Развитие аппарата государственного управления, формирование отраслевых ведомств, создававших свои самостоятельные архивы, лишает летопись функции официального свода справочных материалов для государственного управления. Летопись все более приобретает литературно-публицистические черты, ее тексты получают назидательно-дидактический характер. Появляется русский хронограф, главной темой которого становится человеческая судьба, дающая большой материал для воспитательных сентенций.

Официальное летописание стремится к созданию произведений, поражающих своими масштабами и пышностью. Примером этому могут служить Никоновская и Воскресенская летописи, подготовленные в первой половине XVI столетия. В их состав включен ряд литературных произведений: «Сказание о князьях Владимирских», переводы Максима Грека, поучения митрополита Даниила и др. Самым крупным летописно-хронографическим произведением явился «Лицевой свод Ивана Грозного». Каждая страница десятилетнего труда была украшена миниатюрами, общее количество которых составило 16 тысяч.

Повышение роли и смысловой нагрузки исторических повестей, включаемых в состав летописей, приводит к отказу от принципа расположения материала «по годам». В начале 1560-х годов составляется Степенная книга, само название которой связано с новым подходом к группировке исторического материала – по степеням, соответствовавшим периодам правления монархов от Владимира Святославича до Ивана Грозного. Отечественная история изложена как деятельность московских государей и их предков.

Новый всплеск местного летописания связывается с событиями Смутного времени начала XVII в. Созданные в эту эпоху произведе-

дения отличает хронологическая последовательность и верность летописным традициям («Иное сказание», «Временник» Ивана Тимофеева и др.). В отличие от официальных летописей, для исторических трудов периода Смуты характерна частная инициатива. Новгородские, псковские, тобольские летописи отражают настроения городского люда, проникнуты демократическими традициями. На протяжении XVII в. в целом ряде городов России действовали летописные мастерские. Об определенной демократизации летописного дела свидетельствует и тот факт, что летописи в этот период вели представители самых разных слоев русского населения – дворяне, приказные люди, горожане, стрельцы, священнослужители и даже крестьяне. Поскольку содержание этих произведений напрямую связано с жизненным опытом их авторов, то можно считать, что именно тогда в России зародилась мемуарная литература. Эта летописная работа продолжалась и в XVIII в.

Во второй половине XVII в. широкое распространение получили исторические произведения, посвященные отдельным событиям или биографиям отдельных лиц (Житие протопопа Аввакума Петрова, «История о вере» Саввы Романова, «История о невинном заточении...» боярина Артамона Сергеевича Матвеева и др.).

В XVII в. произошла подготовка к переходу к новому качеству исторического знания: от фиксации и накопления к научному осмыслению. Исторические произведения становятся результатом кропотливой разработки замысла и тщательного подбора и сопоставления источников. Импульс источниковедческому анализу был дан в ходе работы по исправлению богослужебных книг в связи с церковной реформой патриарха Никона. Примером тщательности такого анализа может служить определение Собора 1673 г. о мощах Анны Кашинской, открытых в 1650 г. Специальной комиссией было проведено сопоставление свидетельств жития с непосредственным «досмотром» мощей и положениями Троицкой летописи. Выявленные противоречия позволили сделать вывод о подложности жития и самих мощей. К числу исторических произведений, ставших предшественниками нового этапа познания прошлого, следует отнести «Известие истинное» Сильвестра Медведева, «Историю» Федора Грибоедова, «Скифскую историю» Андрея Лызлова и др. Работа А.И. Лызлова, основанная на изучении многочисленных отечествен-

ных и зарубежных источников, представляет особый интерес, в центре внимания автора – борьба оседлых народов Европы и кочевых племен (борьба греков, персов и римлян с кочевниками Северного Причерноморья, защита Руси от хазар, печенегов, половцев, история гуннов, волжских болгар, монголов, турок). В книге не только проводится сопоставление источников, но и дана система точных ссылок. Недаром современные исследователи называют книгу А.И. Лызлова «научной монографией». Она стала свидетельством перехода исторической науки от повествования к рациональному исследованию.

2.2. Становление русской исторической науки в XVIII столетии

Поворот в российском общественном сознании к утверждению рационализма связан с эпохой Петра I. Идеи всесторонней европеизации России, заимствование передовых достижений западных соседей, отказ от закостеневших форм духовной жизни, оправдывавших идейную изоляцию страны, не могли не коснуться и сферы исторических знаний. Важнейшей предпосылкой, обеспечившей готовность российских интеллектуалов воспринять западную культуру и ее достижения, явилась тенденция к «обмирщению» культуры, достаточно отчетливо проявившаяся еще в XVII в. Петр и его сподвижники не только осознавали необходимость знакомства с передовой европейской мыслью, наполняя библиотеки новейшими трудами по различным отраслям науки, но и способствовали созданию научных и образовательных учреждений, задачами которых являлось формирование новой генерации элиты общества, впитавшей европейскую культуру.

Заимствованные саженцы европейской культуры приживались на российской почве чрезвычайно болезненно и тяжело, требуя создания искусственных условий, зависимых от жесткой воли монарха, и постоянной государственной поддержки. Привнесенные из Европы идеи гуманизма и рационализма зачастую не могли быть усвоены в полной мере в связи с недостаточной развитостью категориального аппарата российской культуры. Это нашло свое отражение в резком изменении языковой ментальности интеллектуальной элиты, речь которой оказалась переполненной иностранными заимствованиями. Россия переживала «ученический» период. Новые знания и идеи еще не стали мировоззренческим фундаментом, на основе которого происходило бы их естественное развитие. А по-

тому одной из черт наступившей эпохи становится преобладание прагматического подхода, нашедшего свое проявление и в сфере развития исторических знаний.

Потребности войны и внешней политики в целом стали побудительным мотивом для целого ряда указаний Петра I по созданию исторических трудов. Поручения писать историю были даны им шведскому военнопленному В. Шиллингу, барону Г. Гуиссену, справщику московской типографии Ф. Поликарпову, А.В. Макарову и др. Самым известным из исторических сочинений того периода стало «Рассуждение о причинах Свейской войны» П.П. Шафирова, изданное в первой четверти XVIII в. невиданным для той эпохи тиражом в 20 тыс. экземпляров. Этот труд был переведен на немецкий и английский языки (первый в истории перевод книги с русского на английский). Работа Шафирова по своей сути является историко-публицистическим произведением, созданным с целью опровергнуть шведские утверждения об отсутствии у России «правильных и законных причин» для участия в Северной войне. Одна из частей работы посвящена доказательству того, что Швеция являлась для России «историческим врагом». Для подготовки текста этой части были проведены специальные разыскания в архивах и отобраны необходимые для доказательства документы. Часть заключения к работе была написана Петром I.

Роль царя в развитии исторических знаний в начале XVIII столетия трудно переоценить. Петр выступил редактором «Гистории Свейской войны», в подготовке которой приняли участие П.П. Шафиров, Ф. Прокопович и др. Он проявлял заботу об отыскании и сохранении исторических документов. В 1720 г. им был издан указ губернаторам о поиске исторических документов и книг, копии которых необходимо было присылать в Сенат, в 1722 г. последовал указ о присылке в Синод летописей из епархий и монастырей.

Характерной чертой исторических произведений Петровской эпохи становится вытеснение рационализмом провиденциально-телеологических оценок, характерных для исторических трудов предшествовавшего периода: история рассматривается как результат действий исторических личностей, достоверность фактов становится требованием исторического исследования, но при этом сохраняется описательность событий.

Дальнейшее развитие исторической мысли России, опирающееся как на европейские достижения в сфере методологии истории, так и на осмысление отечественного опыта формирования знаний о прошедшем, происходило в двух основных формах: во-первых, самостоятельная работа отдельных интеллектуалов, посвятивших изучению и изложению отечественной истории свое свободное время и силы; во-вторых, деятельность профессионалов, проводивших свою работу при финансовой поддержке государства в рамках Академии наук.

Среди историков первой группы особое значение приобрела научная деятельность В.Н. Татищева (1686–1750), отдавшего 30 лет жизни созданию «Истории Российской». Труд Татищева, базирующийся на углубленном изучении и сопоставлении русских летописных источников, остался незавершенным; подробное изложение отечественной истории автору удалось довести до 1577 г. Автор придал своему труду летописный вид, четко разделяя изложение материала «по годам». Отчасти избранная форма определялась использовавшимися источниками, отчасти – традицией и, помимо прочего, – неготовностью читателя к иным формам подробного изложения исторических событий. Это и дало основание называть Татищева последним летописцем.

Вместе с тем необходимо отметить, что, хорошо знавший зарубежную научную литературу своего времени, участвовавший в дискуссиях по проблемам истории и географии во время своего пребывания в Швеции, Татищев предпринял попытку приложения распространенных в научной среде Западной Европы идей рационализма к отечественному историческому материалу. Выработанные им в процессе работы над «Историей Российской» методы и специальные приемы, стремление дать причинное объяснение исторических событий, критическое отношение к источнику как основе исторического знания, использование знаний в сфере исторической географии и хронологии ставили его труд вровень с достижениями европейской науки того периода.

В середине XVIII столетия важный вклад в развитие исторических знаний внесли ученые Академии наук. Благодаря усилиям Г.Ф. Миллера была проведена большая работа по сбору и научной публикации источников по истории России, изучению истории Сибири. А.Л. Шлё-

цер внес большой вклад в исследование русских летописей. Стремясь открыть подлинную историю Древней Руси, он предпринял попытку «очистить» Повесть временных лет от позднейших напластований, приведших к искажению первоначального текста.

В 1730–1740-е годы Г.Ф. Миллер и Г.Ф.Т. Байер занялись изучением скандинаво-русской проблематики. Вызванная тогда ожесточенные споры так называемая «норманнская теория» остается предметом полемики и сегодня. Активным противником «норманнской теории» (и засилья немцев в Академии наук) выступил М.В. Ломоносов, заподозривший академиком-немцев в стремлении принизить историческое прошлое русского народа. Опровергая утверждение «норманистов» о происхождении первых русских князей от варягов, он доказывал самобытность русской культуры и государственности. Созданный М.В. Ломоносовым совместно с А.И. Богдановым «Краткий российский летописец с родословием» на несколько десятилетий стал основной учебной книгой по отечественной истории. Эта работа позволяла читателю сформировать представление о роли России в мировой истории. Особое значение среди научных и художественных произведений М.В. Ломоносова имеет так называемый «петровский цикл» – работы, посвященные Петру I. Являясь апологетом императора, он считал вполне оправданной его идеализацию.

Характерной особенностью развития отечественной исторической мысли во второй половине XVIII столетия, как и духовной жизни российского образованного общества в целом, становится рост влияния идей французских просветителей. Это было не только философской модой, но и теоретической основой как научных изысканий, так и практических политических шагов. Идея «мудреца на троне», ставшая базисной для характеристики политики «просвещенного абсолютизма», необычайно импонировала императрице Екатерине II, переписывавшейся с Вольтером, Дидро, Гримом. Сохранялся и признавался приоритет западноевропейских мыслителей в понимании и изучении социальной жизни, в том числе прошедших времен. С ведома и при финансовой поддержке русского двора делались заказы иностранцам на написание истории России. В 1759 г. увидела свет «История Российской империи при Петре Великом» Вольтера, материалы для создания которой было поручено собирать М.В. Ломоносову и Г.Ф. Миллеру. Петр в изложении

автора выступил образцом монарха-реформатора, превратившего отсталую Россию, уровень развития которой, по мнению Вольтера, соответствовал уровню Мексики до прихода туда европейцев, в цивилизованную страну, а ее население – в «настоящих людей». С согласия правительства Екатерины II готовили свои труды по истории России Г. Сенак де Мельян, П.-Ш. Левек, Н.-Г. Леклерк и др.

Эти работы иностранцев вызвали справедливые нарекания отечественных мыслителей, породив новый жанр исторической литературы – примечания к их трудам. В своих примечаниях на труд Вольтера Ломоносов не только указал на наличие фактических ошибок, но и выступил против общих представлений французского философа о допетровской России. В 1788 г. два тома своих «Примечаний на “Историю древняя и нынешняя России” г. Леклерка» выпустил И.Н. Болтин. Не идеализируя допетровскую Россию, Болтин уделил большое внимание героическому прошлому русского народа, доблести князей, системе управления, успехам торговли. Критически отозвался о труде Леклерка и М.М. Щербатов, чья семитомная «История Российская от древнейших времен» стала заметным событием духовной жизни эпохи.

Раскрывая влияние идей Просвещения на развитие исторической мысли России, необходимо отметить и тот факт, что разногласия в среде французских просветителей – их старшего (Вольтер, Монтескье) и младшего (Руссо, Дидро, Мабли) поколений – отражались на взглядах их русских последователей. Аналогия «просвещенного абсолютизма» Монтескье и Вольтера, их выводы об общности исторического развития народов, идеи географического детерминизма были близки И.Н. Болтину, М.М. Щербатову и целому ряду других российских историков этого периода. В то же время более радикальные взгляды Руссо и Мабли на естественное право, возникновение общественного неравенства, сущность государства формировали иное представление об историческом процессе и находили своих последователей в лице Н.И. Новикова, Д.И. Фонвизина, А.Н. Радищева и других. Различие теоретических позиций этих направлений неизбежно приводило к расхождениям в оценках исторических явлений и событий.

Новые теоретико-методологические подходы эпохи Просвещения значительно расширили проблематику исторических исследо-

ваний. В 1781–1788 гг. М.Д. Чулков издает семитомное «Историческое описание российской коммерции», положив начало углубленному изучению экономической истории. Г.Ф. Миллер, П.И. Рычков, В.В. Крестинин создают историко-географические работы. Проблема происхождения государства привлекает к себе внимание целого ряда русских мыслителей.

XVIII век стал временем значительного прогресса в области сбора, публикации и анализа исторических источников. Ценнейшие исторические материалы были собраны и изданы членами кружка А.И. Мусина-Пушкина (Русская Правда, Слово о полку Игореве и др.). И.И. Голиков собирает и издает многотомные материалы «Деяний Петра Великого», Н.И. Новиков публикует «Древнюю российскую вивлиофику». Большое значение имела разработка источниковедческих принципов, служивших основой при решении вопроса о доверии тому или иному историческому документу (отбор лучших списков, характеристика их признаков, датировка, критерии достоверности на основании палеографических и грамматических признаков, подтвержденность сведений другими источниками и т.п.).

2.3. Русская историческая наука XIX в.

Самым ярким событием в развитии отечественного исторического знания первой четверти XIX в. явился выход в свет «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина (1766–1826). Присвоение автору звания историографа явилось выражением государственной поддержки его труда. Три тысячи экземпляров первого издания были проданы за три с половиной недели. Резко расширился круг читающей исторические произведения публики. Во многом это было связано с художественным осмыслением Карамзиным прошлого России. Персонажи его «Истории...» были наделены не только способностью к рациональному мышлению, умением совершать логически верные или ошибочные действия, но и чувствами; они занимают собственную нравственно-психологическую позицию. Разрыв с церковнославянской архаикой языка делал сочинение Карамзина еще привлекательнее.

На основе анализа исторических источников он дал свое историко-философское осмысление прошлого России. Его заслугой стало то, что он впервые в отечественной историографии провел

деление истории на древнюю, среднюю и новую. Оставаясь на позиции рационалистической историографии, Карамзин подчеркивал историческую преемственность и обусловленность явлений и событий прошлого. В деятельности людей, наделенных разумом и чувствами, он видел движущую силу истории, при этом особую роль отводил деятельности властителей. Создавая свой труд в эпоху активного обсуждения рациональной организации государственной власти и возможного ее реформирования, Карамзин обосновывал необходимость самодержавия для России, видя в нем не самовластие монарха, а выверенную историческим опытом и наиболее соответствующую российским реалиям систему власти. Мудрость правления монарха, по его мнению, во многом зависела от усвоения им исторического опыта, а потому «история народа принадлежит царю».

В создании «Истории государства Российского» Карамзин опирался на широкий круг исторических источников, выдержки из которых помещал в примечаниях к томам своего труда, чтобы не утяжелять текст и сохранить художественность формы. Многие из этих источников были впервые введены им в научных оборот. К их числу относятся новые списки летописей и сказаний, законодательные акты (Стоглав, Судебник 1497 г., княжеские и церковные уставы и др.), международные соглашения, сообщения иностранцев о России и др.

Историческая концепция «Истории...» встретила в русском обществе не только сочувствие, но и критику, выражаемую как с общефилософских и политических, так и научных позиций. К первым можно отнести позицию декабристов и идейно сочувствовавших им представителей интеллектуальной элиты. Декабристы отрицали прогрессивную роль самодержавия, подчеркивали значение вечевых традиций в истории Новгорода и Пскова.

Вторая четверть XIX в. стала временем формирования и развития двух новых направлений общественной мысли – западников и славянофилов. Патриотический подъем и гордость российского общества за свое славное прошлое, так ярко представленное в труде М.Н. Карамзина, превратили исторические сюжеты в центр идейных баталий той эпохи. Идея славянофилов об особом историческом пути России базировалась на интерпретации взглядов Ф. Шеллинга о проявлении в народах различных граней мирового абсолюта, что, по их мнению, наглядно проявлялось в различиях националь-

ного духа славян и романогерманцев, в противопоставлении общественного начала индивидуальному. Идеализируя допетровский период как время раскрытия подлинных черт народного духа, славянофилы увидели в петровских преобразованиях, разрушивших союз «земли» и «государства», искажение естественного национального развития страны. Огромной заслугой славянофилов перед развитием отечественной исторической мысли стала работа по сбору и изучению фольклора (А.Ф. Гильфердинг и П.В. Киреевский), воссозданию истории Новгорода (И.Д. Беляев), истории крестьянства (А.Н. Попов), налаживанию культурных и научных связей с западными и южными славянами.

В противоположность славянофилам западники, одним из вождей которых стал историк Т.Н. Грановский, призывали не преувеличивать национальное своеобразие российской истории. По их мнению, Россия была частью европейской цивилизации и должна с отставанием пройти те же этапы, что и Западная Европа. Недооценивая допетровскую Русь, они видели в преобразованиях Петра I источник необходимого России социального прогресса. Многие подходы западников, занимавших в политическом спектре того периода либеральные позиции, разделяли и представители революционно-демократического направления общественной мысли, продолжая заложенную еще А.Н. Радищевым традицию.

Научную критику исторической концепции Карамзина провозгласили сторонники так называемой скептической школы (М.Т. Каченовский, С.М. Строев, О.М. Бодянский и др.). Представители этого направления считали необходимым корректировать представление о величии Древней Руси, сложившееся под влиянием «Истории...». Коррекция должна быть осуществлена, согласно мнению сторонников данной школы, в результате углубленной критики исторических источников. Отсюда вытекала важнейшая научная задача их комментария. С этих позиций (примат источников в историческом исследовании) совершенно необходимой становилась критика отступлений Карамзина от научных методов источниковедческого анализа ради красоты литературной формы или идеализации исторических событий в целях усиления дидактического эффекта (воспитание патриотизма). Разработка представителями скептической школы критического и сравнительно-исторического

методов исследования, формирования основ отечественного источниковедения, стремление к критическому переосмыслению научной деятельности предшественников стало важным вкладом в развитии исторической науки России.

От теоретико-методологической концепции Карамзина отталкивался в своих научных исследованиях и Н.А. Полевой. Как и многие представители интеллектуальной элиты России, испытав на себе влияние идей Шеллинга и французской романтической историографии (Ф. Гизо, О. Тьерри), Полевой считал, что история как наука должна отыскивать единство исторического процесса в неразрывной цепи причинно-следственных связей. Историка, по его мнению, должны интересовать не отдельные частности, а ход всемирно-исторического процесса, элементом которого выступает национальная история. Труд Карамзина, по его мнению, не мог отвечать заявленным принципам. Он был излишне эмоционален и ориентирован на Россию, чтобы соответствовать требованиям исторической науки.

Свой труд Полевой назвал «История русского народа», подчеркнув этим свое несогласие с концепцией своего предшественника. Он отмечал, что Россия не имела единого государства, историю которого дает Карамзин, до свержения монголо-татарского ига, речь может идти только о народе. Полевой был не согласен и с трактовкой периода раздробленности как упадка страны. Напротив, он видел в раздробленности целесообразную и неизбежную ступень на пути к складыванию в России монархии. Несомненной заслугой Полевого является то, что впервые в отечественной историографии он сделал ряд важных выводов об особенностях исторических путей развития России и Западной Европы, проведя компаративистские исследования скандинавского, древнерусского и византийского обществ, их правовых порядков и институтов.

Наиболее глубокое воплощение идеология западничества получила в государственной школе отечественной историографии. Основоположителем нового научного подхода к пониманию отечественной истории выступил К.Д. Кавелин (1818–1885), чьи идеи базировались на философии истории Гегеля. По мнению представителей государственной школы, венцом истории выступает государственная власть. Общество в своем развитии совершает восхождение от рода к государству, с появлением которого и начинается общественный прогресс.

При этом представители государственной школы отрицали скачкообразность этого развития, а смысл исторического исследования видели в поисках его внутренних закономерностей. Их-то они и предполагали отыскать при анализе политических, правовых и социальных явлений. При такой постановке задачи основным источником познания должны были выступить юридические акты.

К.Д. Кавелин видел в истории России три основных этапа: преобладание родового строя (до XII в.); господство вотчинных отношений, завершившееся складыванием Московского царства как «огромной вотчины» (до XVIII в.); утверждение государственных отношений. Переход от одного этапа к другому выглядел закономерным. Родовой строй, одержав победу над дружинами древнерусских князей, погибал под влиянием семейного начала. На место рода заступали община и вотчина. По мере внутреннего развития вотчинные отношения вступали в конфликт с зарождавшимся государством, который и выступал основной движущей силой русской истории. Этот подход открывал большие перспективы для исследовательской деятельности.

Идеи Кавелина нашли свое дальнейшее развитие в трудах Б.Н. Чичерина – видного представителя государственной школы. В качестве задачи своего исследования «Областные учреждения России в XVII веке» он прямо выделил поиск законов развития истории, а не только раскрытие фактической канвы событий. Специфика истории России, по мнению Чичерина, проявилась в процессе возникновения государства. Если в Западной Европе государство явилось результатом деятельности сильных сословий, то в России наблюдался обратный процесс – создание государства стало делом князей при слабости общественной жизни. Обширные пространства и низкая плотность населения заставили государство «собрать» народ, создавать сословия и само общество. Свою миссию государство было в состоянии выполнить, лишь закрепостив сословия, а при изменившихся условиях приступило к их освобождению. Уже современники обратили внимание на некоторую политическую заданность подобной концепции.

Если в трудах Кавелина и Чичерина была дана только схема исторического развития России, то наполнение ее обширным историческим материалом выпало на долю С.М. Соловьева (1820–1879),

29 томов «Истории России» которого стали результатом кропотливой научной работы в архивах. В понимании Соловьева история представляла собой закономерный процесс, движение к цивилизованному обществу, под которым понималось воплощение идеалов справедливости, добра и христианства. Это движение, направляемое государством, становится результатом противоречия между идеалами и реальными возможностями их воплощения. Двигаясь по цивилизационному пути, Россия отстала от стран Западной Европы. Особенности пути, пройденного тем или иным народом, зависят, по мысли Соловьева, от трех групп факторов. К первой группе относится географический фактор, под которым подразумевались пространственная протяженность, особенности климата и т.п. Вторую группу образуют так называемые племенные факторы, раскрывающие способности тех или иных народов к историческому прогрессу. Третью группу образуют внешние факторы, среди которых особая роль принадлежала борьбе леса и степи, т.е. столкновениям Руси с кочевыми племенами.

Русская история в изложении Соловьева предстает единым, логически согласованным процессом, развитие которого определялось противоречиями родовых и государственных отношений. О начале борьбы между ними свидетельствовала деятельность Андрея Боголюбского, выступившего в качестве самодержца по отношению к другим князьям. Победа государственных отношений произошла в XV – начале XVII в. Борьба Ивана Грозного с боярством как носителем родовых отношений, по мнению Соловьева, имела закономерный характер, хотя террор царя и осуждался автором. Результатом деятельности историка стало создание органической картины развития исторического процесса в России, где явления и события правовой и политической жизни оказались тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены. Положенная в основу истолкования исторического процесса схема стала результатом использования целого набора средств и приемов исследования, не образующих единства.

Последователи государственного направления в отечественной историографии (А.Д. Градовский, В.И. Сергеевич, И.И. Дитятин), создавшие так называемую юридическую школу, продолжили работу по изучению процессов образования централизованного государства в России, исследованию юридических древностей, право-

вых институтов. В их исследованиях юридическая норма подменила собой реальные отношения людей, а государственные институты оказались статичными, утратившими историческое развитие.

Новое видение истории страны было сформулировано в трудах В.О. Ключевского (1841–1911) в «Курсе русской истории», в специальных курсах, в монографиях и статьях. Будучи по своим взглядам позитивистом, Ключевский сознательно отказывался от использования общей философской теории как метода исторического познания. Для него теория познания оказывалась равна сумме конкретного знания. Поэтому он придавал особое значение множественности факторов, определявших исторический процесс. В своих исследованиях он уделял большое внимание географическим, экономическим, социальным, политическим, личностным и другим особенностям конкретно-исторического хода событий. Властные институты (например, Боярская дума) изучались им не только как орган государственной власти, принимающий участие в выработке государственных решений, но и как социальный институт, как представительство определенных слоев населения, в деятельности которого находит свое отражение история общества в целом. Исторический процесс у Ключевского выступает как результат взаимодействия и борьбы различных социальных слоев, которые он называет классами. Отсюда проистекала потребность введения в научный оборот новых источников, которые отражали бы поставленные проблемы. Среди этих источников необходимо назвать жития русских святых и сообщения иностранцев, глубоко и всесторонне исследованные. В своем курсе «Методология русской истории» он раскрыл основы подхода к изучению русской истории. Во-первых, она не должна рассматриваться вне европейской истории, для понимания отечественной истории необходимы обобщения всемирной истории. Во-вторых, предметом изучения должен быть исторический процесс («движение»), его движущие силы, содержание, этапы развития. В-третьих, историка должно интересовать не столько направление исторического развития («откуда – куда», связанное с избранной историком философией истории), сколько сам процесс движения. Он отмечал, что «философия истории и история – это две сферы ведения, которые никогда не сойдутся». Особенностью творчества Ключевского стало стремление соединить глубокую научную разработку истори-

ческой проблематики с художественным ее изложением. В образности и красочности языка его трудов заключен один из секретов их популярности спустя столетие после смерти историка.

Характерной чертой исторической науки второй половины XIX в. стало расширение числа монографических исследований, посвященных изучению отдельных проблем и сфер отечественной истории, а также специальных исторических дисциплин: региональной истории (Н.И. Костомаров, А.П. Щапов), истории быта (И.Е. Забелин), источниковедения (А.А. Шахматов, А.Н. Веселовский, И.И. Срезневский) и др.

2.4. Историческая наука России на рубеже XIX–XX вв.

Наращение социально-политического кризиса, который переживала Россия на рубеже XIX–XX вв., затронуло все формы интеллектуальной жизни общества, в том числе и историческую науку. Это влияние современности достаточно отчетливо проявлялось по целому ряду направлений. Во-первых, в своих исследованиях историки достаточно явно выражали политическую позицию, а в практической деятельности нередко выступали активными членами политических партий. Многие из них сочувствовали либералам, кадетской партии, а П.Н. Милюков (1852–1943) стал даже ее признанным лидером. С социал-демократическим движением связывал свою политическую деятельность М.Н. Покровский, будущий лидер марксистского «исторического фронта» 1920-х годов.

Во-вторых, характерной особенностью эпохи явился определенный динамизм политических и научных позиций историков. Как и многие представители интеллектуальной элиты общества, они переживали целые периоды увлеченности либерализмом, позитивизмом, неокантианством, марксизмом, русской религиозной философией, пытаясь отыскать истинный смысл исторического развития, объяснить настоящее и предугадать будущее. Эти искания приводили к разработке ряда оригинальных идей, получивших в дальнейшем признание в мировой науке.

В-третьих, влияние современности на историческую науку проявилось в том, что историческими обобщениями активно занялись публицисты и политики, в том числе революционного направления. В этой связи достаточно напомнить о научной деятельности

Г.В. Плеханова, в конце XIX в. давшего развернутое изложение марксистских идей по проблемам общественного развития в книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», а в начале XX в. подготовившего трехтомную «Историю русской общественной мысли», где был дан анализ вклада в историческую науку В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского и других историков.

Но не только и не столько политическое развитие общества и обострение социальных противоречий определяли характер развития отечественной исторической науки. На рубеже веков стало очевидным, что русская историческая наука переживает процессы, характерные для развития мировой исторической науки в целом. К их числу следует отнести поиск новых методологических парадигм, связанный с определенной разочарованностью в возможностях позитивизма. А.С. Лаппо-Данилевский (1863–1919) стал наиболее ярким выразителем неокантианского направления в отечественной историографии. Целый ряд новых проблем источниковедческого и гносеологического характера был сформулирован им в двухтомном исследовании «Методология истории». Анализируя развитие философских систем с Античности до XIX в., Лаппо-Данилевский высказал идеи, во многом соответствующие цивилизационному подходу. Акцентируя внимание на социальных процессах, он рассматривал историю отдельного народа как часть мировой истории, считал, что деятельность личности не может быть осознана в полной мере без учета системы мировых отношений. Результаты осмысленной и целенаправленной деятельности человека становятся явлениями культуры и несут информацию о своем создателе, тем самым давая возможность познать развитие цивилизации. Таким образом, А.С. Лаппо-Данилевский обрисовал путь культурологического объяснения истории: от исторического остатка через источниковедческий анализ к пониманию культуры как целого.

Еще одним ответом на неудовлетворенность позитивистской методологией стало заметное увлечение в конце XIX в. марксистскими идеями. В этот период особое значение приобретает так называемый «легальный марксизм», сторонники которого акцентировали внимание на прогрессивной роли капитализма в истории человечества, оставляя вне рассмотрения проблематику антагани-

стических противоречий капитализма. Признание особой роли экономики в развитии социума вело к тому, что сторонники «легального марксизма» большое внимание уделяли изучению хозяйственной жизни общества (П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановский).

Сторонником «революционного марксизма» выступил М.Н. Покровский, признававший решающую роль классовой борьбы в истории. Написанная им пятитомная «Русская история с древнейших времен» явилась марксистским противопоставлением либеральному курсу русской истории В.О. Ключевского. Покровский рассматривал как самостоятельные общественно-экономические формации первобытное, ремесленное и капиталистическое хозяйство. Все явления общественной и политической жизни в его концепции получали объяснения исключительно экономическими факторами, механизмом воздействия которых на социальную жизнь выступала торговля.

На рубеже XIX–XX вв. позиции неопозитивизма отстаивал П.Н. Милюков. Базируясь на идеях государственной школы, он в «Очерках по истории русской культуры» сформулировал особенности исторического процесса России в контексте европейской истории. По его мнению, если «европейское здание» возводилось «снизу вверх», т.е. социальные и политические отношения строились на экономическом фундаменте, то для отечественной истории характерна гипертрофированная роль государства, которая выразилась в том, что наше «здание» строилось «сверху вниз».

Важной заслугой Милюкова явилось исследование «Главные течения русской исторической мысли», открывшее новый период в изучении отечественной исторической науки. Поставленная им задача анализа закономерностей ее развития привела к выводу о важной роли общественных потребностей в смене научных концепций. Он считал, что идеи и направление науки рождаются вне ее сферы. В этой связи он соотносил развитие исторической науки с государственной деятельностью, политической борьбой, но при этом предупреждал об опасности упрощения этой взаимосвязи, признавая относительную автономность исторической науки. Большое внимание в разработке историографии он уделял изучению философских основ исторических концепций, смена которых определяла внутренние закономерности развития исторической науки.

Характерной чертой исторической науки рубежа XIX–XX вв. выступает и расширение исследовательской проблематики. Изучению отечественного феодализма посвящены работы Н.П. Павлова-Сильванского, который обратил особое внимание на принципиальное сходство земельных, социальных и политических отношений в Европе и на Руси. Процесс складывания великорусского государства получил свое освещение в работах А.Е. Преснякова. Большой научный интерес вызвали работы, посвященные изучению истории общественной мысли (А.А. Корнилов, В.Я. Богучарский), крестьянства (М.А. Дьяконов, Б.Д. Греков, Ю.В. Готье, С.Б. Веселовский), истории правления Петра I (М.М. Богословский), исторической географии России (М.К. Любавский).

Революционные события 1917 г. явились важной вехой, знаменовали и новый этап в развитии отечественной исторической науки. Попытка административно ограничить научную мысль рамками только одного методологического подхода, проведенная в советских условиях, привела к отрицанию научных достижений предреволюционного периода, а сама эпоха рубежа XIX–XX вв. стала официально характеризоваться как период кризиса исторической науки.

2.5. Становление и развитие советской историографии

Советская историческая наука являлась органической составной частью общественно-политической системы Советской России, а затем СССР. Государство, правящая коммунистическая партия подерживали лишь те сферы науки, которые непосредственно удовлетворяли первоочередные государственные потребности. Принцип партийности был главным и определяющим в деятельности исследователей – все факты и явления истории необходимо было рассматривать с позиций рабочего класса, который считался носителем прогресса, и его авангарда – коммунистической партии. Пришедшая к власти в октябре 1917 г. партия большевиков руководствовалась марксистской теорией, которая в 20-е годы XX в. развивается, частично адаптируется применительно к задачам правящей партии и Советского государства (марксизм-ленинизм)¹. Марксизм-

¹ См.: *Сидоров А.В.* Марксистская историографическая мысль 1920-х годов. М., 1998.

ленинизм являлся теоретико-методологической базой советской исторической науки на всем протяжении ее существования, никакие другие подходы к анализу исторического материала не признавались, предшествующее развитие исторической науки в России в основном было предметом критики.

Именно данные обстоятельства, будучи наиболее существенными, предопределили как многие внутренние процессы советской историографии, так и специфику взаимоотношений между исторической наукой и другими государственными и общественными институтами. Теоретико-концептуальная сторона является определяющей для развития советской исторической науки. Соответственно, существующие периодизации процесса развития советской историографии на протяжении более семи десятилетий основаны на фиксации некоторых подвижек в политико-идеологической платформе РКП (б) – ВКП (б) – КПСС как основополагающих моментов для исторических исследований.

Возьмем наиболее распространенную периодизацию и рассмотрим поэтапно основные характерные черты советской исторической науки.

1-й этап: 1917 – вторая половина 1930-х гг. Октябрьская революция 1917 г. и последовавшая за ней продолжительная Гражданская война привели к кардинальным изменениям во всех сферах российского общества, в том числе в области исторической науки¹. Становление новой государственности, которая при возникновении не использовала предшествующие традиции, а отвергала их, и формы функционирования государственной системы потребовали исторического обоснования как самого Советского государства, так и идеологических постулатов, на которые оно опиралось.

Становление советской исторической науки заняло около двух десятилетий. Оно происходило в трудных условиях: не существовало организационных основ, ощущался острый недостаток квалифицированных кадров профессиональных историков марксистского направления. В научных учреждениях, научных обществах, в Академии наук, в высших учебных заведениях преобладали исто-

¹ Историческая наука в России в XX веке. М., 1997; Очерки истории исторической науки в СССР. Т. I–V. М., 1955–1985; Очерки истории отечественной исторической науки XX века. Омск, 2005.

рики старой школы, взгляды которых не соответствовали идеологии и политике новой власти. Как следствие, на протяжении первого послереволюционного десятилетия в отечественной историографии существовало два направления – марксистское и немарксистское, сохранялось некоторое разнообразие в трактовках исторических событий, за рубежом началось формирование эмигрантского направления историографии.

Под государственным контролем в Советской России развернулось формирование нового корпуса профессиональных историков и создание новых представлений о прошлом страны и вытекавших из этого представлений о настоящем и будущем советского общества. В 1918 г. была создана Социалистическая академия общественных наук во главе с профессиональным историком М.Н. Покровским, в составе которой было социально-историческое отделение. Кадры историков-марксистов готовили Коммунистический университет им. Я.М. Свердлова (создан в 1919 г.), Институт красной профессуры (создан в 1921 г.).

В среде историков, которые назывались буржуазными, шел процесс идейно-политического размежевания. Часть ученых не принимала новой власти, была настроена критически или даже враждебно, другая часть была готова признать, хотя и с оговорками, закономерность происшедших событий и новое общественное устройство. Партийно-советское руководство стремилось привлечь на свою сторону российских историков и поставить под контроль их деятельность через новые организационные формы. Создаются Российская академия материальной культуры (1919), Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (1923). Эти организации с самого начала испытывали партийно-государственное давление, но все же некоторая степень свободы на протяжении 20-х годов сохранялась, издавались труды историков-немарксистов¹, хотя они и подвергались критике.

Марксистские историки должны были не только разрабатывать историю с новых позиций, но и показать несостоятельность концеп-

¹ См.: Карсавин Л.П. Введение в историю (теория истории). Петроград, 1920; Франк С.Л. Очерки методологии общественных наук. М., 1922; и др.

ций дореволюционной школы. У истоков разработки основной проблематики советской исторической науки – члены коммунистической партии, партийные публицисты В.А. Быстрянский, Ем. Ярославский, В.И. Невский, М.С. Ольминский, В.В. Адоратский и др. Особенно важную роль в становлении основ советской исторической науки сыграл М.Н. Покровский (1868–1932). Член коммунистической партии, профессиональный историк¹, он еще до прихода большевиков к власти активно использовал марксизм для анализа исторического процесса. Именно он первым взял на себя задачу критики концепций историков дореволюционной школы и оформления основной проблематики для советской историографии. Им был подготовлен обобщающий труд «Русская история в самом сжатом очерке»². В этой работе, написанной ярко, общедоступно, определялись ключевые направления для советских историков: история классовой борьбы и пролетарского движения в России, история большевизма, история трех российских революций. Крылатая фраза Покровского «История есть политика, опрокинутая в прошлое» акцентировала внимание на практическом значении истории: историки должны работать над проблемами, которые ценны для текущих общественных потребностей. Ниспровержение авторитетов дореволюционной исторической школы, стремление к коренному пересмотру их идей и концепций – характерная черта стиля Покровского, которая оказала сильное влияние на становление советской исторической науки. Постепенно росли кадры историков-марксистов за счет выпускников Института красной профессуры, сотрудников марксистских научных учреждений. Уже во второй половине 20-х гг. XX в. появились публикации молодых историков-марксистов, которые солидаризировались с По-

¹ Студенческие годы М.Н. Покровского прошли в Московском университете на историко-филологическом факультете. По рекомендации В.О. Ключевского он был оставлен в Московском университете «для приготовления к профессорскому званию». Профессор. Автор многих трудов и монографий по истории народного хозяйства, внутренней и внешней политике, общественному движению. Член большевистской партии с 1905 г., с 1918 г. и до конца жизни – заместитель наркома просвещения в советском правительстве.

² См.: *Покровский М.Н.* Русская история в самом сжатом очерке. Ч. 1–3. М., 1920–1923.

кровским. Активно изучается наследие К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, их взгляды по проблемам истории России¹.

Борьба с оппозициями в коммунистической партии, стремительное возрастающая роль И.В. Сталина как вождя советского общества потребовали соответствующего концептуального оформления и оценок по проблемам истории коммунистической партии, событий Октября 1917 г., Гражданской войны, да и в целом по отечественной и всемирной истории. Важную роль в решении этих задач сыграло письмо И.В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» в редакцию журнала «Пролетарская революция» (1931), в котором он протестовал против попыток некоторых историков «втянуть людей в дискуссию по вопросам, являющимся аксиомами большевизма»². В условиях резкого обострения политической и идеологической борьбы в стране во второй половине 20-х – начале 30-х годов XX в. вытеснение историков, взгляды которых считались буржуазными, стало более жестким. В печати развернулась кампания против представителей старой исторической науки, научные разногласия перешли в политическую плоскость. Разгромный удар по историкам дореволюционной школы был нанесен в 1929–1931 гг. в рамках «Академического дела»³. По этому делу были арестованы более 150 человек, в том числе крупнейшие ученые-историки старшего поколения. Обвинения были в духе времени – контрреволюционная деятельность и подготовка свержения советской власти, вредительство и т.д. Шесть человек были приговорены к расстрелу. Известные ученые С.Ф. Платонов, Е.В. Тарле, Н.П. Лихачев, М.К. Любавский, С.В. Рождественский, Д.Н. Егоров, Ю.В. Готье, С.В. Бахрушин, А.И. Яковлев, В.И. Пичета и ряд других лиц были отнесены следствием к «руководящему ядру организации» и приговорены к высылке в отдаленные места. Большин-

¹ См.: *Быстрянский В.А.* Ленин – историк: историзм в ленинизме // *Борьба классов.* 1924. № 1–2; *Парадизов П.* Маркс и Энгельс о России 19 столетия // *Историк-марксист.* 1933. № 2; и др.

² *Сталин И.В.* Соч. Т. 13. С. 99.

³ Академическое дело 1929–1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1993; Вып. 2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. СПб., 1998.

ство арестованных отбывали наказание сроком от 3-х до 10-ти лет в концентрационных лагерях. Немарксистское направление в отечественной историографии фактически перестало существовать¹.

Серьезные изменения произошли и в марксистско-ленинском направлении отечественной историографии. Сложившаяся в 1920-е годы обширная школа Покровского была объявлена «базой вредителей, шпионов и террористов». Посмертно в адрес М.Н. Покровского были выдвинуты политические и научные обвинения в «вульгарном социологизме», «антимарксизме», «антипатриотизме» и «очернительстве истории России». Большая часть школы Покровского была уничтожена в ходе массовых репрессий, его книги изымались из библиотек, а учебники по истории переписывались в соответствии с новой ситуацией². Кампания уничтожающей критики взглядов покойного ученого была связана с изменениями в идеологии: в условиях установления безраздельного единовластия И.В. Сталина, перехода к кардинальной модернизации страны на основе индустриализации опыт российской государственности времен Ивана IV и Петра I оказался более значим, чем идеалы революции, на которые опирался Покровский и его школа. Негативизм в отношении прошлого страны и трудов виднейших дореволюционных историков постепенно преодолевается. Стали обращать внимание на обогащение буржуазными историками науки своего времени новыми фактами, на постановку новых проблем и совершенствование методики исследовательской работы. Разумеется, это не отменяло необходимости критики буржуазных концепций истории.

В 1930-е годы марксистско-ленинское направление в историографии стало монопольно господствующим в СССР. Наряду с историко-партийной проблематикой, преобладавшей в 20-е годы, ученые обратились к гражданской истории (отечественной и всемирной), которая

¹ Надуманность обвинений и явно политический характер репрессий подтвердила уже вскоре. С возрождением исторических факультетов в Московском и Ленинградском университетах возникла острая нужда в ученых с мировым именем, крупных специалистов. Первым из ссылки был возвращен Тарле, а затем и другие выжившие видные ученые, которые получили должности профессоров в этих университетах.

² Разгром был завершен двухтомником «Против исторической концепции М.Н. Покровского» (М.; Л., 1939–1940). Обвинения против историка были сняты в 1962 г.

стала преподаваться в университетах и в общеобразовательной школе. Однако работа исследователей контролировалась И.В. Сталиным, Политбюро ЦК ВКП(б), особенно жестко – изучение истории коммунистической партии, которая стала самостоятельным направлением в исторической науке и включала значительный блок проблем политической истории. Образец историко-партийной историографии – учебник, который создавался под руководством и контролем И.В. Сталина, «История ВКП(б). Краткий курс»¹.

Партийное руководство определяло задачи историков и характер исторических исследований. Существовали многочисленные запреты, ограничения на работу с архивными материалами, жесткая регламентация контактов с представителями зарубежной историографии. Классовая борьба рассматривалась теперь не как элемент жизни общества, а как движущая сила его развития, определявшая все его основные особенности. Перед советскими учеными встала задача собрать максимально полные данные о классовой борьбе, революциях и революционных движениях во все исторические эпохи. Преподавание гражданской истории (отечественной и всемирной) в высшей и общеобразовательной школе потребовало новых учебников. Подготовка учебников, особенно учебника по истории СССР была предметом пристального внимания и контроля партийного руководства.

Оформление теоретико-методологических основ и характерных признаков советской историографии завершилось во второй половине 30-х гг. XX в.² В соответствии с марксистско-ленинской теорией исторический процесс понимался как процесс последовательной смены общественно-экономических формаций (первобытно-общинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и коммунистическая, состоящая из двух фаз – социализма и коммунизма). Всем странам и народам предписывалось пройти этим формационным коридором. Однако признавалась возможность миновать отдельные формации и перейти сразу к более высоким стадиям развития – например, от феодализма к социализму (при наличии благоприятных

¹ История ВКП(б). Краткий курс. М., 1938.

² См. подробнее: История и философия отечественной исторической науки. М., 2006. С. 252–254.

исторических факторов). Суть исторического прогресса понималась как развитие производительных сил и обусловленных ими производственных отношений. Классовая борьба рассматривалась как механизм, обеспечивающий социальный прогресс человечества. Профессионализм в советской историографии базировался на историковедении, других вспомогательных дисциплинах, которые незначительно подверглись влиянию марксистско-ленинских идей; позитивистский подход преобладал в конкретно-исторических исследованиях (разумеется, это никогда не признавалось публично). Наряду с выполнением идеологических и политических задач советская историческая наука стала рассматриваться как важнейший фактор воспитания советского патриотизма, уважения к культурным ценностям прошлого.

2-й этап: конец 1930-х – середина 1950-х годов. Историческое миропонимание этого времени в значительной мере было черно-белым: «мы» и «они», «наши» и «не наши», «друзья» и «враги». Лицо эпохи во многом определила Вторая мировая война: предшествующий ей период нарастания напряжения, затем – сама война, а после 1945 г. – долгий период переживания и изживания ее последствий. Жесткость и однозначность оценок, отсутствие «полутонов» в исторической картине не предполагали даже сомнений, не говоря уже об альтернативных мнениях. В этих условиях практика исследовательской работы ограничивалась сбором фактического материала, который служил иллюстрацией соответствующих положений из произведений основоположников и классиков марксистско-ленинского учения и партийных документов. Эта особенность объяснялась в более поздней советской историографии воздействием на науку жестокого схематизма, заданного кратким курсом «Истории ВКП(б)». Историки-марксисты в основном занимались изучением экономики, классовой борьбы и истории революционных движений.

Вместе с тем с конца 1930-х годов возникла особая ситуация. Подготовка учебников по гражданской истории (отечественной и всемирной) требовала изучения государственного строя и механизмов функционирования государства, внутренней и внешней политики, правовых норм, культуры в разных странах с древности до современности и т.п. Сложилась благоприятная обстановка для развития исторических исследований, и в этих условиях оказались во-

стребованы историки старой, дореволюционной школы, разумеется при условии изложения истории с марксистско-ленинских позиций. Издаются труды Ю.В. Готье, С.В. Бахрушина, Б.Д. Грекова, С.Ф. Платонова и др.¹ Б.Д. Греков в 1940 г. стал директором Института истории Академии наук СССР. Было признано, что в некоторых работах, изданных до революции, при слабости классовых позиций есть много полезного. Был переиздан «Курс русской истории» В.О. Ключевского, впервые издан труд М.М. Богуславского «Материалы для биографии Петра I» и др. (с соответствующими вводными статьями, написанными с марксистских позиций). Усиливается интерес к изучению отечественной историографии. Особое значение имел труд Н.Л. Рубинштейна «Русская историография»². Это был первый обобщающий труд по историографии в советское время, итог многолетней работы автора. Впервые с марксистских позиций был изложен многовековой процесс развития исторических знаний в России. В условиях Великой Отечественной войны историки писали труды, которые поддерживали веру в победу и восстановление территориальной целостности страны.

Во второй половине 1940-х годов разворачивающаяся «холодная война», усиливающееся противостояние с Западом сказались на всех сторонах жизни советского общества, в том числе и на исторической науке. Кампания борьбы с «буржуазным объективизмом и космополитизмом», естественно, затронула и корпус историков. Требовались строго партийное отношение к литературе, написанной с немарксистских (следовательно, буржуазных) позиций, борьба с рецидивами буржуазной историографии в работах советских исследователей (в числе первых в этих грехах был обвинен Н.Л. Рубинштейн), усиление внимания к историческим воззрениям революционных и демократических деятелей, русских просветителей. Все это существенно ограничило и без того неширокие возможности для действительно исследовательской работы.

3 этап: вторая половина 1950-х – 1980-е годы. Со второй половины 50-х годов XX в. советские ученые в силу объективных и

¹ См.: *Иллерицкий В.Е.* Советская историография отечественной истории: очерки развития историографии истории СССР (1917–1960 гг.). М., 2006.

² См.: *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М., 1941.

субъективных причин получили новые возможности для развертывания научных исследований в области истории. XX съезд КПСС, прекращение репрессий, критика культа личности Сталина, восстановление международных связей положили начало глубинным преобразованиям во всех сферах советского общества, в том числе в исторической науке. Перед историками открылись возможности для разработки неизвестных ранее документов, многие (хотя далеко не все) недоступные ранее фонды в архивных хранилищах были открыты для изучения. Значительное увеличение источниковой базы способствовало расширению проблематики, над которой работали ученые, историческое миропонимание стало более развернутым. Исследовательский процесс становится многоплановым, насыщенным. Однако особенности теоретико-методологической базы, которая осталась прежней, сохраняющийся (хотя и в иных формах) идеологический и партийно-государственный контроль существенно ограничивали возможности научного изучения отечественной и всемирной истории. Программа КПСС (принятая в 1961 г.) четко определила основные направления развития и задачи исторической науки: «Исследование проблем всемирной истории и современного мирового развития должно раскрывать закономерный процесс движения человечества к коммунизму, изменение соотношения сил в пользу социализма, обострение общего кризиса капитализма, крушение колониальной системы империализма и его последствия, подъем национально-освободительного движения народов»¹.

Следуя марксистско-ленинской методологии, советские ученые должны были обосновывать постулаты КПСС о преимуществах социализма и порочности капиталистического пути развития, об антинародных устремлениях власть имущих в буржуазных странах, о неизбежности краха капитализма перед лицом победной поступи социализма. Иными словами, история по-прежнему трактовалась с позиции партийности исторической науки и, следовательно, оставалась в значительной мере политизированной. Историки обязаны были руководствоваться директивными документами ЦК КПСС, не меньшее значение имели политические статьи, речи, доклады руководителей коммунистической партии, которые, по начатой еще

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1971. С. 128.

с ленинских времен традиции, сразу же объявлялись «новым словом» в развитии марксистско-ленинской теории. ЦК КПСС специально в ряде случаев принимал решения, оценивающее качество публикаций в исторических журналах (одно из наиболее известных – постановление ЦК КПСС от 9 марта 1957 г. «О журнале “Вопросы истории”»). Специализация ученых была крайне узкой. В этот период сложилось, что задача историка – детальное изучение узкой проблемы в рамках небольшого исторического периода (чаще всего 5–10 лет). Более общие вопросы считались раз и навсегда решенными классиками марксизма-ленинизма.

Определенное своеобразие имел временной отрезок со второй половины 1950-х до середины 1960-х годов¹. Это время называют «оттепелью» в исторической науке СССР. После признания XX съездом КПСС искажения марксистско-ленинских идей в практической деятельности для исследователей истории советского периода и истории КПСС методологические задачи несколько усложнились. Возникла необходимость объяснять связь между общей теорией и конкретной практикой. Например, был поставлен вопрос о содержании и форме проявления закономерностей общественного развития. Обращаясь к одному из наиболее болезненных вопросов в советской истории – ликвидации кулачества как класса, историки заговорили о том, что репрессии в отношении зажиточного крестьянства были порождены не объективными условиями нарастания классовой борьбы в процессе социалистического строительства, а особенностями социалистических преобразований в нашей стране. В предшествующий период этого невозможно было представить.

В 50-е годы XX в. в Институте истории АН СССР был создан сектор истории США, в Институте мировой экономики и международных отношений АН СССР был создан американский отдел. Создание этих центров связано в первую очередь с политическими потребностями: две сверхдержавы (СССР и США) многое определяли в мире. Вместе с тем появление структур по изучению США, в том числе американской истории, давало импульс развитию отечественной исторической науки, расширяло исследовательскую проблематику.

¹ См. подробнее: *Сидорова Л.А.* Оттепель в исторической науке. Советская историография первого послесталинского десятилетия. М., 1997.

Во второй половине 60-х годов XX в. произошел заметный поворот от некоторого свободомыслия «оттепели» к более жесткому контролю исторической науки со стороны руководства КПСС. Советская историческая наука конца 1960-х – 1980-х годов характеризуется некоторыми возвратными тенденциями. Официально было объявлено о необходимости восстановления «ленинской концепции» исторического процесса, избавления истории от сталинских ошибок и извращений. Однако, по существу, во второй половине 60-х – 70-е годы происходило восстановление в несколько модернизированном виде сталинских идей. Наиболее наглядными в этом отношении стали издания (с 1-го по 7-е) учебника по истории КПСС под редакцией Б.Н. Пономарева. Однако в исторической науке многое изменилось. Хотя исследователи оставались в рамках марксизма-ленинизма, некоторая свобода в период «оттепели» дала возможность понять, что даже в рамках марксистско-ленинской методологии есть неиспользованные возможности. Во второй половине 70-х – начале 80-х годов разворачивается обсуждение методологических проблем истории, наиболее активно – историко-партийной части, которая находилась под особенно жестким партийно-государственным контролем. Была предпринята попытка актуализировать марксизм-ленинизм путем воссоздания целостных концепций на основе теоретического наследия В.И. Ленина. Однако это мало что дало. Системный кризис советского общества формировался стремительно.

Советская историческая наука на этом этапе существенно изменилась, вырос профессионализм историков, собственно научная составляющая в исторических трудах стала более объемной, но творческий потенциал корпуса ученых не мог быть реализован в полной мере.

2.6. Историческая мысль российской эмиграции

Приход большевиков к власти и последовавшая за этим Гражданская война вызвали массовую волну эмиграции, в том числе научной интеллигенции. В 20–30-е годы XX в. возник феномен эмигрантского направления отечественной историографии. За рубежом выходили труды известных российских ученых Г.В. Вернадского, П.Н. Миллюкова, А.А. Кизеветтера, С.П. Мельгунова и др.¹ Это на-

¹ См. подробнее: *Вандалковская М.Г.* Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М., 1997.

правление не имело единства в области теоретико-методологических основ (борьба разных школ, концепций, точек зрения – характерная черта), однако это была самостоятельная ветвь исторической науки, противостоящая советской историографии. Этот феномен связан с активной деятельностью представителей первой волны эмиграции прежде всего в период между двумя мировыми войнами. После Второй мировой войны это направление постепенно сворачивается, поскольку оно не имело соответствующей кадровой подпитки, хотя труды историков-эмигрантов издаются за рубежом по сию пору. Эмигрантское сообщество, которое часто называют российским зарубежьем, рассматривалось в СССР как антисоветское, контрреволюционное. Труды историков-эмигрантов не были известны в СССР.

Крупным направлением эмигрантской историографии было изучение революционных событий 1917 г. и Гражданской войны. У авторов, находившихся в эмиграции, выявились совсем иные подходы к оценке причин и развития событий в переломные для страны годы. Отвергая тезис марксистов о неизбежности и закономерности революции и гражданской войны как проявлений социального прогресса, они представляли события 1917–1920 гг. как разгул анархии, «новую редакцию» русской смуты. В таком ключе писали В.В. Шульгин, П.Н. Милюков и др. А.Н. Деникин свой труд так и назвал – «Очерки русской смуты». П. Красновым была создана четырехтомная эпопея «От Двуглавого Орла к красному знамени» (Берлин, 1921–1922), в которой на историческом фоне периода царствования Николая II раскрывалась трагическая судьба русского офицерства. Его взгляд на события 1917 г. и последовавшие за ними окрашено православным мировосприятием, корневая проблема для него – «потеря Россией Бога». Выходили многотомные издания: в Берлине – «Архив Гражданской войны», «Белое дело», в Париже – «Белый архив», в Праге – «Вольная Сибирь», «На чужой стороне» и др. Большое количество исследований вышло из-под пера историка С.П. Мельгунова (наиболее известное – «Красный террор в России. 1918–1923 гг.»). В целом, определяя причины Гражданской войны, эмигранты почти не расходились в оценках, главную вину за нее возлагая на большевиков. Существенно, что эмиграцией Гражданская война, ее смысл и уроки проанализированы более тщательно, чем в советской историографии того же времени.

Заметным явлением в эмигрантской историографии стало евразийство. В 1921 году в Софии (Болгария) вышел первый сборник статей этого направления¹. Авторы (П.Н. Савицкий, П.П. Сувчинский, Г.В. Флоровский, Н.С. Трубецкой) пытались по-новому осмыслить проблему взаимоотношений России и Запада, России и Востока. В поисках органичного российского пути была выдвинута концепция евразийской сущности России, которая оказала существенное влияние на развитие общественной мысли российско-зарубежья, активно разрабатывалась в 20-е годы XX в.²

В основе концепции – идея об особости российского пути и российского мира. Россия имеет, по мнению евразийцев, географическое, культурное и этнографическое единство и особую миссию народов российского мира. Они считали, что русская нация объединила различные народы в единую многонародную нацию евразийцев, а православие, соборно объединяющее всех верующих, является средоточием не только русской, но и всей евразийской культуры. Традиционную российскую триаду «православие, самодержавие, народность» евразийцы дополнили другой триадой, которая утверждалась в мире в 20–30-е годы XX в. и отражала контекст времени: «централизация, дисциплина, самопожертвование».

Творчество евразийцев содержит достижения в отдельных областях истории, культурологии, лингвистики, они поставили многие актуальные проблемы общественного развития, правомерно критиковали стремление Запада навязать унифицированную модель развития на основе западных традиций. Однако идеи, которые составляли суть евразийства, остались невостребованными. Евразийское движение прекратило существование в середине 30-х г. XX в. Но в конце XX в. идеи евразийства становятся в России вновь привлекательными, вызывают большой не только научный, но и общественный интерес. Издаются неизвестные ранее отечественным историкам труды евразийцев, их наследие изучается, активно вовлекается в историографический оборот. В начале XXI в. интерес к

¹ Исход к Востоку. Предчувствия и свершения: Утверждение евразийцев. София, 1921.

² Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн.: Антология. М., 1993.

евразийству существенно снизился, но следы влияния этого течения заметны в исторической литературе.

Наиболее крупные представители российской научной интеллигенции за рубежом активно работали профессионально и оказали существенное влияние на интеллектуальную жизнь в западных странах. Так, живя с 1921 г. в Париже, П.Н. Милюков стал одним из организаторов Русского народного университета, читал лекции в Сорбонне, в Коллеже социальных наук, во Франко-Русском институте. Тогда же Милюков вернулся к научной работе: выпустил двухтомный труд о событиях Гражданской войны¹, подготовил к публикации дополненное и переработанное издание «Очерки по истории русской культуры» (опубликовано в 1930–1937 гг.) и др.

Яркий пример – деятельность Г.В. Вернадского² в эмиграции. Многие идеи евразийства были ему близки, однако его совершенно не интересовала политическая сторона этого течения. В 1927 г. им было получено приглашение от Йельского университета (США) занять кафедру профессора русской истории. Вернадский переехал в Нью-Хейвен, где находится университет, и полностью посвятил себя научной работе. Там он написал труды, прославившие его имя во всем мире (прежде всего это пятитомная история России с древнейших времен до конца XVII в., над которой он работал с 1943 по 1969 г.). На протяжении своей почти полувековой деятельности в США Вернадский создал свою мощную историческую школу, занял видное место среди западных славистов. Он преподавал в Гарвардском университете, Университете Дж. Гопкинса, Колумбийском университете и др. В 1965 г. Вернадский был избран почетным президентом Ассоциации славянских исследований, русский ученый становится почетным членом многих зарубежных научных обществ и университетов. Как показал столетний юбилей Вернадского в 1987 г., его школа включает немало американских, европейских учеников и последователей.

2.7. Отечественная историография в конце XX – начале XXI в.

Перестройка и последовавшие за ней стремительные изменения нанесли серьезный удар по унифицированному пониманию исто-

¹ См.: Милюков П.Н. Россия на переломе. Париж, 1927.

² Г.В. Вернадский (1887–1973) – выпускник Московского университета, сын В.И. Вернадского.

рического процесса на основе марксизма-ленинизма, рухнула система партийно-государственного контроля. Среди профессиональных историков нашей страны развернулся сложный процесс определения своих научных позиций. Можно отметить несколько особенностей, характеризующих состояние исторической науки в конце XX в.

История всегда и неизбежно связана с политикой. Казалось, что максимальная степень политизированности исторической науки наблюдалась в советское время, однако в условиях системного кризиса общества уровень политизированности был также высоким. Острая борьба в обществе по проблемам путей развития накладывала отпечаток на исторические исследования. История рассматривалась как поле поиска аргументов для различных политических сил – от коммунистов до монархистов. В результате в ареале исторических публикаций в 1990-е годы значительное место стала занимать литература публицистического (имеющая политическую и гражданскую направленность) характера, беллетристика на историческом материале и другие формы использования истории, не связанные с исследовательской работой. Привлекали внимание труды (например, А.Т. Фоменко и Г.В. Носовского), которые отрицали основы исторической науки, как они сложились на протяжении столетий. Оценки этих изданий имели разброс от «нового слова в науке» до «формы самовыражения и самоутверждения»¹.

Еще один феномен – философы стали проявлять очень большой интерес к области истории, российской прежде всего. Однако это работы не столько по философии истории, сколько по истории как таковой, но на уже введенном в научный оборот историческом материале. Это ярко видно на примере трудов В.В. Ильина в соавторстве с А.С. Панариным и А.С. Ахиезером². Философы «играют» на одном поле с профессиональными историками. Вот как сформулировал свои задачи философ И.К. Калинин: «Основной акцент в про-

¹ Астахов М.В. Методология исторической науки. Историко-библиографическое исследование. Самара, 2006. С. 12.

² См.: Ильин В.В., Панарин А.С., Ахиезер А.С. Реформы и контрреформы в России. М., 1996; Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская государственность: истоки, традиции, перспективы. М., 1997; Они же. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М., 2000.

блематике <...> поставлен не на пополнении исторического корпуса знаний новыми фактами, а на их осмыслении с целью реконструкции такой исторической картины мира, которая включала бы в себя и свою будущую перспективу»¹. Такая ситуация не случайна. Узкая специализация профессиональных историков привела к тому, что обобщающие работы по большим историческим периодам или по истории России и мира в целом, скажем осторожно, очень редки, хотя потребность в них велика. Философы заполняют своими работами образовавшуюся лауну.

Ощущались кризисные явления в самой исторической науке, особенно в теоретико-методологической области. Стало очевидно, что приоритет классовости и партийности, марксистско-ленинские идеологические постулаты не дают адекватного отражения действительности, но существенные изменения в категориальном и концептуальном аппарате историков не могли произойти быстро. Были введены в научный оборот концепции, давно используемые в западной исторической науке (концепция тоталитаризма, теория модернизации и т.д.). Это несколько расширило операционное поле для исследователей, но эти теоретические конструкции также страдают односторонностью, так как сформулированы в период «холодной войны», при приоритете определенных исторических, идеологических, политических реалий и несут в себе заряд конфронтационности, требуют уточнений и корректировки (по крайней мере). Несколько более плодотворно был использован цивилизационный подход, который позволил повернуться в анализе исторических процессов к человеку, смягчить традиционный для марксизма-ленинизма экономический редукционизм. Однако было ясно, что многие используемые при рассмотрении исторических проблем категории вызывают вопросы, должны стать предметом серьезного анализа и своеобразной инвентаризации силами историков, философов, социологов. Острота этой проблемы осознавалась профессиональными историками, о чем свидетельствует публикация академиком А.О. Чубарьяном (директор Института всемирной истории РАН) статьи, адресованной прежде всего научной интеллигенции.

¹ Калинин И.К. Восточнофинские народы в процессе модернизации. М., 2000. С. 31.

Он констатировал «наше отставание от мировой науки... в трактовке истории колониализма», поставил «задачу уточнения и модификации признаков империализма», сформулированных еще В.И. Лениным и в неизменном виде присутствовавшие в учебниках, корректировки дефиниции тоталитаризма и ряд других¹. В исследовательском поле шел стремительный процесс перехода от теоретико-методологической монополии марксизма-ленинизма к плюрализму.

Если в начале 90-х годов XX в. сущность кризиса в исторической науке определялась как методологический вакуум, так как открывшиеся новые пласты источников не укладывались в традиционную историческую концепцию, а других концепций не было, то к концу 90-х г. кризис перешел в новую стадию: теоретико-методологический плюрализм при отсутствии ведущих, наиболее авторитетных школ. Теоретико-методологическая неопределенность, а иными словами – отсутствие ведущих исторических школ, не так безобидна с точки зрения состояния общественного сознания, как можно предположить. Реально существует опасность манипулирования общественным сознанием, в котором отсутствует четкое историческое миропонимание. Важно понять: речь не идет о замене одной теоретической конструкции на другую, о замене одной монополии другой. Монополия всегда гибельна, что ярко продемонстрировала судьба советской исторической науки. Историк вправе использовать любой теоретический инструментарий для анализа исторического материала, если он дает объективно научное знание. Наличие ведущей (не назначенной таковой!) школы (школ) означает востребованность ее (их) научных результатов значительной частью общества, системой образования и соответственно формирует мировоззренческую базу для гражданского согласия.

Несмотря на кризисные явления, историческая наука в России стремительно развивается, выходят книги, статьи, защищаются докторские и кандидатские диссертации. Исследовательский инструментарий разнообразен – общенаучные методы и специально исторические, ведутся дискуссии. Для анализа документальной базы используются новые концептуальные подходы. Нередко историки

¹ Независимая газета. НГ – сценарии. 1998. № 11. С. 4.

предлагают авторские концепции тех или иных процессов в отечественной истории этого периода, все чаще к историческому материалу применяется теория модернизации, междисциплинарный подход. Принцип научной объективности при рассмотрении даже самых острых проблем декларируется авторами как приоритетный. Проблемы исследуются комплексно, многоаспектно. Выдвигая новые выводы и оценки, историки не заменяют плюсы на минусы, не стремятся к тотальному отрицанию работы предшественников, а воссоздают в целом объективную картину прошлого. В отношении советского прошлого нет ни идеализации, ни откровенного нигилизма (характерного для начала 1990-х годов). При этом заметно отсутствие диалога между историками разных направлений на научном уровне. Во многом это объясняется сохраняющейся узкой специализацией ученых. Источниковая база исторических исследований существенно расширилась. Развернулся масштабный процесс публикации исторических документов, что сделало их доступными не только профессионалам, но и общественности. Масштабные многотомные публикации документов по истории политических партий России, по истории коллективизации, документов советской истории явились важным событием в научной жизни исторического сообщества.

В структуре исследовательской проблематики произошли существенные изменения, сформировались новые сектора проблематики, отражающие потребности общественного развития, что усиливало актуальность проведенных исследований. Особенно ярко это проявлялось в изучении отечественной истории. Активно изучаются проблемы политической истории. Это явилось свидетельством как крайней остроты и актуальности политической проблематики в России, так и определенной инерционности в исторических исследованиях. Развернулось изучение истории российского предпринимательства. История государственности и отечественного государственного управления заняла ведущее место в научных исследованиях. Фактически к концу 90-х годов история отечественного государственного управления оформляется в самостоятельное направление. При этом надо отметить, что на протяжении многих лет в центре внимания была политическая история, которая непосредственно связана с историей государственности в этот период. Однако число работ, связанных с политической историей, в том числе

историей государственной политики, заметно уменьшилось уже в 1999–2001 гг. Теперь интересы переместились в сторону собственно механизмов функционирования государства. Поскольку этот сектор мало исследовался ранее, для историков открывается достаточно масштабное поле для научного поиска, а результаты их трудов заведомо востребованы высшей школой. Знаковой стала книга О.В. Хлевнюка «Политбюро ЦК ВКП(б) в 1930-е гг. Механизмы политической власти в СССР» (1996 г.). Крупнейшая проблема советской истории – деятельность Политбюро как высшего органа партийно-государственной власти в СССР – в предыдущие годы практически не разрабатывалась в силу недоступности источников. Хлевнюк изучил и ввел в научный оборот широкий круг источников из фондов высших органов партийной и государственной власти, личных фондов советских руководителей. Ему удалось, не обходя острые и дискуссионные проблемы, убедительно вскрыть механизм высшей политической власти в СССР в 30-е г., показать особенности и условия его функционирования. Проведено глубокое исследование массовых репрессий середины 30-х г., оказавших значительное воздействие на советское общество и на функционирование высшей власти.

В самостоятельное направление (национальные историографии) выделилось изучение проблем жизни разных народов СССР, межнациональных взаимоотношений. Региональный аспект отечественной истории изучается настолько активно, что можно говорить о развитии исторического регионоведения. Характерно, что авторы не замыкаются в узких региональных рамках, а стремятся рассматривать проблемы территорий на общеисторическом фоне, обращаются к материалам не только местных, но и центральных архивов. К концу 90-х г. наметилась некоторая тенденция преодоления узкой специализации исследователей, которая поддерживалась в советское время. Появились работы, в которых проблема рассматривается на протяжении больших хронологических периодов (до нескольких столетий), обобщающие работы по крупным проблемам и по истории Отечества в целом. Активно стали изучаться вопросы социальной истории, и этот сектор будет расширяться в исторических исследованиях, это очевидно.

Заметна тенденция спада интереса к событиям 1917 г. и Гражданской войны по сравнению с предшествующими годами. Про-

блематика Гражданской войны в большей своей части «встроена» в темы, охватывающие более длительный временной интервал. Феномену крестьянского бунта в годы Гражданской войны, как в общем, так и в региональных разрезах, посвящена значительная часть работ исследователей. Любопытно, что период нэпа, который привлекал очень интенсивное внимание исследователей в конце 80-х г. XX в., к концу 90-х г. фактически исчез как самостоятельная проблема для исследования с множеством своих аспектов. Это является, очевидно, свидетельством не столько исчерпанности проблемы, сколько снижения общественного интереса к историческому опыту нэпа, и отсюда отсутствие востребованности результатов научных исследований.

Российское сообщество профессиональных историков стало открытым, влилось в международное профессиональное сообщество. За последние два с лишним десятилетия границы, разделявшие ранее мировую и отечественную историческую науку, размылись. Корпус российских историков стал частью мирового научного сообщества, привлекается и используется потенциал зарубежных исследований, обычным явлением стали презентации результатов работы российских ученых на научных конференциях за рубежом. Труды зарубежных ученых публикуются в России. Однако эта общая ситуация не всегда экстраполируется на конкретный исследовательский уровень – сказывается длительная изоляция отечественной исторической науки от мировой.

Яркой иллюстрацией этих процессов в российской историографии стала книга о революции 1905–1907 гг. в России, которая является результатом совместного творчества известных ученых, принадлежащих к разным традициям, – Н. Селунской (Россия) и Р. Тоштендаля (Швеция)¹. Такое сотрудничество способствовало рассмотрению событий более чем вековой давности в контексте мировой истории – компаративизм стал естественным элементом авторского теоретико-методологического арсенала. Одно из главных направлений данного исследования – сравнение политических форм, существовавших в России, с системами правления в евро-

¹ См.: Селунская Н., Тоштендаль Р. Зарождение демократической культуры: Россия в начале XX в. М., 2005.

пейских странах, с запозданием вступивших на путь развития демократии. Характерно, что ученые ищут не различия между европейскими странами и Россией, что традиционно для нашей историографии, а общее в почве для становления и развития парламентских форм демократии. Важно, что с точки зрения формальных характеристик в тот период ни одна из стран Европы еще не имела полностью институционально оформленной демократической системы, и корректность сравнения не вызывает сомнений. Авторы показали, что в первое десятилетие XX в. и в России, и во многих странах Западной Европы были сходные, хотя и не тождественные, условия для развития демократии, если брать основные аспекты этой проблемы. Логика исследования подвела ученых к выводу, что события 1905–1907 гг. лежат в русле европейской истории и наиболее тесно сближают Россию с двумя империями – Германией и Австро-Венгрией.

Н. Селунская и Р. Тоштендаль изначально поставили задачу проанализировать некоторые устоявшиеся утверждения, а также изучить их научные основания. В результате предложено новое видение развития России на завершающем этапе истории самодержавия, книга приглашает к открытой дискуссии по ключевым концептуальным вопросам. На мой взгляд, главная заслуга авторов заключается в том, что они дали события вековой давности в новом, современном понятийно-терминологическом оформлении, и тем самым актуализировали этот исторический опыт, сделали его понятным в контексте научного языка XXI в. Освещение хорошо известных событий под новым углом зрения и в новой терминологии позволило поставить такие вопросы, как системы участия и системы влияния населения в политической жизни России того времени, а также привести доказательства тесной связи развития политизации и распространения демократической культуры в российском обществе с выборным процессом в Думу первых двух созывов, формированием представительства в целом.

Исследователи считают априорным распространенное в российской историографии утверждение, что только революция была альтернативой консерватизму («реакции») в российской политической системе. Важной составляющей авторской концепции стал отказ от понятия «революция» в оценке событий 1905 г. Подчеркивая,

что «временами Россия была близка к революции», авторы находят более корректным говорить о «реформе». Поиск аргументов не потребовал особых усилий – они на поверхности: при всем накале массовых выступлений правительство не было свергнуто, политическая система не была разрушена, реформы осуществлялись законным (правовым) порядком. «Реформы заменили революцию» – утверждают исследователи. Предлагая отказаться от характеристики событий 1905–1907 гг. как революции, авторы выдвигают другую – «кризис 1905 г.».

Разумеется, это утверждение далеко не бесспорно. Понятие «кризис 1905 г.» существенно снижает значимость событий этого периода в российской истории, вряд ли оперируя этим понятием, можно раскрыть в полной мере остроту проблем, степень народного недовольства, которое нашло отражение в массовых выступлениях. Да и результаты политической борьбы в этот период слишком значимы. Сказанное вовсе не означает, что следует с порога отвергнуть позицию авторов книги. Напротив, нужно поблагодарить их за то, что они, предложив свою версию, смело начали дискуссию по этой важной концептуальной проблеме. Очевидно, это подтолкнет российских исследователей к более активному теоретическому поиску.

Какой инструментарий имеет современный отечественный исследователь прошлого? Вместо монопольно господствовавшего в советское время формационного подхода в отечественной науке образовалось несколько направлений, ориентированных на разные концептуальные подходы. Спор, хотя и в закрытых, вялотекущих формах, в области методологии идет о том, что представляет собой история: однолинейный, всеобщий процесс (при признании некоторых особенностей) или многолинейный, многовариантный процесс. Концепции, основанные на признании многовариантности развития, утвердились в отечественной исторической науке, однако пока не имеют значительного распространения, их инструментальное применение, на наш взгляд, пока еще не вышло за рамки «лабораторных», «опытных» попыток. Однолинейные представления об истории в современных условиях по-прежнему преобладают, хотя выглядят ощутимо ограниченными. При этом наблюдается широкое распространение концепта цивилизации в исторических трудах. Обладающий необычайной пластичностью, этот концепт ока-

зался интегрированным в разные теоретические конструкции, прежде всего в формационный подход для разрешения их внутренних противоречий. С.А. Бабушкин так выразил проблему использования концепта цивилизации в формационном подходе: «Общие и специфические черты цивилизации и общественно-экономической формации позволяют говорить о такой их взаимосвязи, при которой они взаимно дополняют друг друга»¹. Такой подход преобладает в историографическом поле. Особенность ситуации немного наивно, но прямо и, чувствуется, с облегчением, была констатирована в письме преподавателя вуза из г. Пензы Т.А. Дружининой в журнал «Отечественная история»: «Большинство ученых считают формационный подход вполне оправданным и необходимым», а «с позиций цивилизационного подхода можно объяснить те или иные отступления от общих тенденций»². Здесь есть некоторое упрощение историографической ситуации в целом, она не так однозначна, но то, что концепт цивилизации превратился в «пластырь» для формационного подхода, отражено верно.

Структурирование историографического поля (оформление ведущих научных школ) идет в современных условиях медленно. Оно происходит скорее в институциональных (а более точно, административных) формах, чем теоретико-методологических (система академических институтов, система высшего образования). В современных условиях государство еще не сконструировало систему взаимоотношений с научным сообществом историков на новых принципах, хотя очень в этом заинтересовано – историческое миропонимание является доминантой общественного сознания. Движения в этом направлении активизировались в последние годы, но эти попытки не всегда можно назвать удачными. Однако в силу огромной социальной значимости исторического знания интересы и приоритеты государства должны быть определены более четко, а взаимоотношения с научным сообществом историков должны строиться на взаимном уважении.

¹ Бабушкин С.А. Теория цивилизации. Курск, 1997. С. 28.

² Отечественная история. 2001. № 1. С. 208.

ЛИТЕРАТУРА

Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М.: 1997.

Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 1–2. СПб., 2003.

Историки России XVIII – начало XX века. М., 1996.

Иллерицкий В.Е. Советская историография отечественной истории: очерки развития историографии истории СССР (1917–1960 гг.). М., 2006.

История и философия отечественной исторической науки. М., 2006.

Историческая наука в России в XX веке. М., 1997.

Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1978.

Очерки истории исторической науки в СССР. Т. I–V. М., 1955–1985.

Очерки истории отечественной исторической науки XX века. Омск, 2005.

Очерки методологии общественных наук. М., 1922.

Учебное издание

ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

В 4-х книгах

Книга 4:

История и философия экономической науки

(Л.А. Тутов, М.А. Сажина)

История и философия права

(Г.А. Белов)

История и философия исторической науки

(Л.Б. Логунова, Л.И. Семенникова, А.В. Сидоров)

Художественный редактор

Ю.М. Добрянская

Художник

В.А. Чернецов

Технический редактор

Э.С. Кондрашова

Корректоры

В.А.Ветров,

В.В. Конкина,

А.Я. Марьясис,

Г.Л.Семенова

Подписано в печать 15.12.2009.
Формат 60 × 88 ¹/₁₆. Бумага офс. № 1.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 17,0. Уч.-издл. 15,7.
Тираж 500 экз. Изд. № 8849. Заказ №

Ордена “Знак Почета”
Издательство Московского университета.
125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7.
Тел.: (495) 629-50-91. Факс: 697-66-71.
Тел.: 939-33-23 (отдел реализации)
E-mail: secretary-msu-press@yandex.ru

В Издательстве Московского университета
имеются в продаже книги:

Новиков М.М. От Москвы до Нью-Йорка: Моя жизнь в науке и политике / М.М. Новиков. — М.: Изд-во МГУ, 2009. — 320 с.

Автор этой книги Михаил Михайлович Новиков (1876—1965) — последний свободно избранный по дореволюционному университетскому Уставу ректор Московского университета (1919—1920), видный биолог, депутат IV Государственной Думы. В 1922 году был выслан советским правительством из России в числе других известных ученых и общественных деятелей.

Впервые книга опубликована в США, где М.М. Новиков жил с 1949 года. Автор повествует о своей научной и общественной деятельности в России и в эмиграции.

Для всех интересующихся историей российской науки, образования и общественной жизни конца XIX — середины XX века.

Тимошина А.А. Англо-русский словарь по экономике (с пояснениями и перекрестными ссылками). — М.: Изд-во МГУ, 2008. — 672 с.

Англо-русский словарь по экономике содержит свыше 50 000 терминов и терминологических словосочетаний, охватывающих различные сферы экономической деятельности. В словаре даются краткие пояснения терминов, а также перекрестные ссылки, позволяющие выстраивать логически связанные терминологические цепочки.

Для студентов, аспирантов и преподавателей английского языка экономических факультетов вузов, широкого круга специалистов, а также лиц, работающих в смежных областях, которым по роду своей деятельности приходится овладевать знаниями в области экономики.

Барков С.А. Организация и рынок: противоборство или согласие? М.: Изд-во Моск. ун-та, 2008. — 224 с.

Организация и рынок — это не просто элементы экономического пространства. Они представляют собой особые системы правил поведения людей и создают неповторимые сценарии взаимодействия индивидов и групп населения друг с другом. Они специфическим образом закрепляются в культуре разных стран. В век глобализации и высоких технологий взаимоотношения организаций и рынков многократно усложнились. Разобраться в современных хитросплетениях данных социально-экономических институтов поможет эта книга. Она предназначена всем, кто по разным причинам интересуется социально-философским и социологическим осмыслением хозяйственной жизни общества, — студентам, аспирантам, преподавателям, менеджерам и предпринимателям.

***В Издательстве Московского университета
работает***

**Ассортиментный кабинет
вузовской литературы**

Здесь Вы найдете весь спектр учебной литературы для студентов и абитуриентов от Издательства Московского государственного университета и различных факультетов и подразделений МГУ, Издательства СПбГУ, а также других университетских и вузовских издательств. Представлена литература издательств издательств «Высшая школа», «Инфра-М», «Наука», «Аспект Пресс», «Дрофа», «Юридическая литература» и многих других.

Книги продаются по минимальной розничной цене.

Москва, ул. Хохлова, 11 (Воробьевы горы, МГУ).

Тел./Факс: (495) 939-33-23

E-mail: izd-mgu@yandex.ru

Сайт Издательства МГУ:

www.msu.ru/depts/MSUPubl2005